ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

4.1997

9951

Финно-угроведение, 1997, № 4

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор),
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора),
В. Е. Владыкин, Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь),
А. Г. Иванов, М. Г. Иванова, А. Д. Каксин, В. К. Кельмаков,
Г. М Керт, Н. Д. Конаков, В. Г. Кудрявцев, Т. Л. Молотова,
В. В. Напольских, А. Н. Ракин, В. В. Седов, В. С. Соловьев,
Д. В. Цыганкин

69051

[redacted] АРНИИ
НАУЧНАЯ
[redacted] БЛИОТЕКА

-7 0 3 07

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

К. Сануков. С. Г. Чавайн: трудные повороты судьбы (к 110-летию со дня рождения) 3
С. Николаев. Мордовская семья по статистическим данным I половины XIX века (на примере Ардатовского и Краснослободского уездов) 40
Л. Никонова. Народная медицина мордвы Самарского края (по полевым материалам 1996 года) 57
А. Липатов. Этимология древнемарийского теонима **vadaš* и сравнительно-типологические и семантические параллели его с праславянским теонимом **ubogъ* 68

СООБЩЕНИЯ

В. Абдулаев, Ю. Зеленеев, Т. Никитина. Полнотекстовая база данных по археологии финно-угров Поволжья и Приуралья 81
В. Перова. Типы лексических антонимов в марийском языке 88
И. Галкин. Об угорских элементах в топонимии Республики Марий Эл 94

ПЕРСОНАЛИИ

Г. Айплатов, А. Иванов. Профессор Клавдия Ивановна Козлова (к 75-летию со дня рождения) 96
В. Ванюшев. К. И. Куликову — 60 лет 101

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. Мокшин. Рец: Тойдыбекова Лидия. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоенсуу, 1997. 397 с. 108
О. Сергеев. Рец.: О. Г. Назарова. Язык эрзя-мордовских памятников письменности XVIII в. (нижегородский цикл) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саранск, 1996. 253 с. 112
Ю. Андуганов. Рец.: М. Г. Атаманов. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов // Научный доклад, представленный на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1996. 58 с. 119
М. Гришкина, Н. Павлов. Рец.: М. Г. Атаманов. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997. 248 с. 125
Г. Тужаров. Рец.: М. В. Ямбулатова. Суффиксы с залоговым значением и проблема категории залога в марийском языке // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Йошкар-Ола, 1997. 186 с. 129
С. Тот. Рец.: Budapesti Finnugor Füzetek. Budapest, 1—4: 1996, 5.: 1997 133
О. Курс. Рец.: Alpo Juntunen. Valta ja rautatiet. Luoteis — Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijat 1890-luvulta 2. Maailmansotaan. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura 1997. 217 s. // Алпо Юнтунен. Власть и железные дороги. Основные принципы железнодорожного строительства на северо-западе России (с 1890-х гг. до 2 мировой войны). Хельсинки: Финляндское историческое общество, 1997. 217 с. 137

ХРОНИКА

В. Яналов. Содружество народов — созвездие песен (к итогам VI Международного фестиваля фольклорной культуры финно-угорских народов) 142
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Финно-угроведение» в 1997 году 144
Сведения об авторах 148

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

СТАТЬИ

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

С. Г. ЧАВАЙН: ТРУДНЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ
(к 110-летию со дня рождения)

Об основоположнике и классике марийской литературы Сергее Григорьевиче Чавайне написано немало. Среди деятелей марийской и в целом финно-угорской культуры его имя особо почитаемо. Казалось бы, не может быть неизвестных страниц его жизни и творчества. Но новые возможности, появившиеся в связи с открытием многих ранее закрытых архивных фондов, и наше новое отношение к собственной истории позволяют на многое посмотреть иным взглядом.

С. Г. Чавайн пришел в литературу и общественную жизнь в годы первой Российской революции. В условиях самодержавной России, всевозможных гонений и унижений Сергей Чавайн одним из первых вместе с Валерьяном Васильевым, Павлом Глезденевым, Тихоном Ефремовым-Уньжинским и другими выступил поборником национального возрождения, сохранения и развития самобытной культуры марийцев, создания письменной литературы. Именно он еще в 1905 году написал первое стихотворение на марийском языке — «Ото» («Роща»), а в 1908 году выпустил первую на родном языке книгу литературных произведений — «Марий калыкын тошто годсо илышыже» («Прошлое народа мари»), куда вошел исторический рассказ «Йыланда», пробуждавший национальное самосознание народа.

В переломное, сложное время началось творческое становление Сергея Чавайна. В условиях жестокого имперского гнета, разнузданных шовинистических преследований «инородцев» сама гнетущая атмосфера настолько давила на сознание первых марийских интеллигентов, что многие из них даже старались скрывать свою национальность, стеснялись и боялись ее. И вот появилась небольшая группа молодых интеллигентов, которые разорвали это привычное рабское психологическое состояние. Решающим общественно-политическим фоном и условием этого явилась первая Российская революция.

Через много лет, вспоминая о том времени, Сергей Григорьевич отмечал: «Революция 1905 года подняла у марийской интеллигенции национальное самосознание. Если до этого многие стеснялись, что они марийцы, то теперь заговорили о марийской литературе, книге, газете» (1, с. 5—6).

Путь первопроходца был нелегким. Надо было очень сильно, горячо любить свой народ, чтобы пролагать неизведанные тропы, звать темный, забитый народ к свету. Впоследствии, в 1935 году, оглядываясь на свою жизнь, он проникновенно сказал идущие из глубины много пережившей души слова: «Через леса дремучие, через болота гнилые шел я... В дороге трудной спотыкался, падал. Но вставал и вновь продолжал путь вперед...» (подстрочный перевод *К. С.*).

Сергей Григорьевич Чавайн «спотыкался» и «падал», и сам натыкаясь на сложные жизненные проблемы, не сразу находя решение новых жизненных задач, но больше и чаще — из-за отношения к нему тех людей, от которых зависело создание необходимых условий для творчества. Одна из таких малоизвестных и ранее вообще замалчиваемых страниц — кратковременное пребывание Чавайна в коммунистической партии.

Осенью 1919 года Сергей Григорьевич Чавайн из далекого Туркестана, куда он уехал в 1915 году, чтобы избежать призыва в царскую армию (учителей т. н. «русско-туземных школ» в армию не брали), вернулся в родной край. Центром интеллектуальной и общественно-политической жизни для марийского народа была тогда Казань. Побыв недолго дома у родителей, Чавайн едет в город своей юности, где в то время работали сотоварищи по Казанской учительской семинарии В. А. Мухин, С. А. Черняков, издавались газеты, книги, брошюры на марийском языке. В марте 1920 года он становится литературным сотрудником Центрального марийского издательства.

После опубликования декрета об образовании Марийской автономной области предпринимаются усилия по организации издательства и выпуска газет в Краснококшайске (ныне Йошкар-Ола). В связи с этим и Чавайн в сентябре 1921 года переезжает в центр Маробласти. Агитпропотдел обкома партии 15 декабря утверждает его заведующим издательским подотделом. В условиях установившейся монополии компартии на власть и контроль за печатью такая должность была включена в партийную номенклатуру, и занимать ее мог только член или кандидат в члены РКП (б). 20 декабря С. Г. Чавайн становится кандидатом в члены компартии.

В архиве сохранилось несколько анкет, заполненых Чавайном в 1922 году. В графе «социальное положение» он указал: «крестьянин», в графе «специальность» — «учитель, литератор».— «Сохранил ли связь с деревней?» — «Да». — «Какую именно?» — «Имею совместно с отцом поле-

вое, огородное хозяйство». — «В чем выражается Ваше участие в этом хозяйстве?» — «Летом личным трудом, а зимою денежной поддержкой».

С этим обстоятельством связана конфликтная ситуация, возникшая между С. Г. Чавайном и обкомом партии, которым руководил тогда ставший впоследствии «знаменитым» Н. И. Ежов.

«В Марийский обл. комитет РКП (б)
заведующего п/о печати Сергея Гр. Чавайна.

Я по преимуществу писатель-беллетрист; пишу также стихотворения и пьесы. Имею порядочно печатных произведений на марийском языке. Но в силу обстоятельств не могу посвятить себя исключительно творческой работе, ибо всю свою энергию и время приходится тратить на мелочи, как-то: редактирование и перевод газетных статей, корректирование газеты «Йошкар Кече» и т. п. мелочи...

К тому же я слаб здоровьем и мои домашние обстоятельства таковы, что я летом обязательно должен быть дома и работать, как и всякий другой крестьянин, ибо у меня, кроме отца и матери, которым по 59 лет (к тому же мать еще больная), никого нет; бросать хозяйство не могу, иначе все мои старания о введении в нашей деревне шестипольной системы должны пропасть. Граждане моей деревни по моей инициативе решили от трехполья перейти к многополью с ведением посевов кормовых трав и корнеплодов. Коллегия земотдела ходатайство наших граждан постановила удовлетворить, и туда с 1-го июня выезжает землемер для внутреннего землеустройства. Во время землеустройства мое присутствие крайне необходимо.

Вследствие вышеуказанного прошу областком РКП (б) дать мне с 15 июня с. г. месячный отпуск для поправления здоровья, собирания материала (для литературных работ), устройства домашних дел. Прошу также о выдаче мне единовременного пособия в размере сто миллионов рублей, хотя бы и взаимообразно.

24.V.22 г. С. Чавайн» (2, с. 104).

На заявлении появилась резолюция: «Отказать. Н. Ежов». А на созванном вскоре заседании бюро выносится решение: «Принимается резолюция Ежова: «Ввиду того, что Чавайна в ближ. время некем заменить, в отпуске ему отказать, предоставить позднее» (3, с. 136).

6 июня Сергей Григорьевич написал новое заявление. И отпуск ему на 20 дней был все же предоставлен (2, с. 113). Но этого ему оказалось мало.

«В Марийский обл. комитет РКП
заведующего подотделом печати С. Чавайна
заявление.

Ввиду наступления к окончанию срока моего отпуска полевых работ и тяжелого семейного положения — полное отсутствие рабочих рук — не

могу вернуться на место службы к сроку, о чем весьма жалею, но вернуться на службу ранее 1 сентября не имею никакой возможности, иначе все домашнее хозяйство рушится. (Оно и сейчас немного пошатнулось: за время моего отсутствия с февраля по июнь пали корова и лошадь). Вследствие вышесказанного прошу областком РКП мой отпуск считать продолжающимся до 1-го сентября или, если это невозможно, исключить меня из числа служащих областкома. О последующем прошу сообщить.

Адрес: п. о. Кумужъялы, Маробласти, д. Малый Карамас.

2/VIII-22 г. С. Чавайн» (4, с. 3).

На это заявление он получил такой ответ от 14 августа:

«Быв. зав. п/о печати т. Чавайн.

Маробком РКП сообщает Вам ввиду неприбытия своевременно из разрешения, что Вы с 1 августа с/г уволены от занимаемой должности» (5, с. 17).

Сельскохозяйственные работы завершились. За недостатком кадров с 1 октября 1922 года С. Г. Чавайн решением агитпропотдела обкома партии был принят на работу в редакцию газеты «Йошкар кече» в качестве заведующего отделом хроники, а 15 ноября утвержден редактором.

И вновь наступило лето. 18 июня 1923 года С. Г. Чавайн пишет заявление.

«Прошу освободить меня от занимаемой должности с 1 июля по следующим причинам:

1) ввиду чрезвычайной слабости здоровья;

2) ввиду того, что я впредь желаю принимать деятельное участие в журнале «У илыш»;

3) в составлении учебников для марийских школ

и дать продолжительный отпуск по усмотрению агитколлегии».

Отпуск ему дали, но от редакторства не освободили.

Только вернулся С. Г. Чавайн из отпуска и стал предпринимать реальные меры по обеспечению финансовой и организационной поддержки газеты на родном языке,— получил повестку из военкомата: явиться на занятия по военному обучению. На его устное заявление об отказе ему сказали: ты обязан по партийной дисциплине. Тогда он написал письменное заявление.

«11 октября 1923 г. Ответственному секретарю Обл. комитета
тов. Иванову
(копия Товашову М. М.)
кандидата РКП — марийского поэта С. Чавайна
(редактора газеты «Йошкар Кече»)
заявление.

На военной службе я никогда не был и быть не желал. Даже возможность получить золотые погоны во время империалистической войны, что

соблазняло многих, меня ничуть не прельщала. Я питаю врожденное отвращение к военщине и ко всякого рода оружиям, даже такое невинное оружие, как марийское охотничье ружье, не пользуется моей симпатией. Мой отец страстный охотник, но я никогда не брал ружья в руки. И вот теперь, когда мне исполнилось 35 лет, в силу партийной дисциплины я должен обучаться военному строю, носить ненавидимое мною оружие в руках и проделывать бессмысленные, с моей точки зрения, движения. Все это я считаю для себя пустой тратой времени — из меня никогда не выйдет военного человека. Мое оружие — перо, мой устав — теория словесности, а поле действия — поэзия.

На основании вышеизложенного прошу областной комитет РКП и совет ЧОН (часть особого назначения.— *К. С.*) освободить меня от обучения военному строю.

Если же в Марийской организации РКП не может быть никакого исключения даже и для первого марийского поэта — таковым меня считает вся читающая марийская масса,— то, видимо, я недостаточно ясно понимаю задачи компартии, а потому должен выбыть из ее рядов.

С. Чавайн» (6, с. 7).

На заявлении сохранилась отметка: «Постановлением бюро 11.X. исключен из кандидатов в члены РКП».

После этого С. Г. Чавайн уехал в деревню и работал в школе.

Несмотря на такой излом судьбы, Чавайн тогда находился на подъеме творчества, стал одним из самых почитаемых национальных деятелей.

Когда 1 марта 1923 года отмечали вторую годовщину марийской автономии, во время торжественного заседания решили чествовать лучших сыновей нации. И тогда один за другим под гром аплодисментов были вызваны на сцену пять человек: Валерьян Васильев, Сергей Чавайн, Иван Палантай, Федор Егоров, Тихон Ефремов. А завершился вечер постановкой «Ямблат кӱвар» («Ямблатов мост»). Это была инсценировка повести Сергея Григорьевича. Рассказывалось в ней о событиях глубокой древности — о национально-освободительной войне марийского народа во второй половине XVI века.

Такой исторический материал имел мощный заряд для воспитания национального чувства. Всеобщую симпатию вызывал главный герой, боровшийся за счастье и свободу родного народа, но схваченный русскими воинами и увозимый из родного края в Москву на расправу. У зрителей от этих сцен рождались ассоциации и аналогии с недавними событиями. Только что в 1922 году проходил глубокий конфликт между председателем облисполкома Иваном Петровичем Петровым, смело отстаивавшим национальные интересы, и присланным из Москвы на должность секретаря обкома ВКП (б) Николаем Ивановичем Ежовым, попиравшим интересы местного населения (7).

В январе 1923 года И. П. Петрова сняли с работы и отозвали в Москву. Изгнание видного национального деятеля болезненно воспринималось марийской общественностью. Этими переживаниями, этим психологическим настроем была проникнута инсценировка. Вольно или невольно символичной стала финальная сцена, в которой плененного борца за свободу родного народа Ямблата русские солдаты в кандалах увозят в Москву. При этом артист Александр Янаев выкрикивал прощальные слова, адресуя их прямо в зал, с призывом не покоряться завоевателям, драться за свою свободу до последней возможности. События глубокой истории перекликались с современностью, и многие это поняли. В финале спектакля, по воспоминаниям очевидцев, весь зал стоя провожал сценического героя, выкрикивая в то же время «Петров!», «Чавайн!».

Даже через 14 лет участник этих событий, тогда еще молодой член команды Ежова, впоследствии ставший видным хозяйственным работником, Петр Ильич Андреев писал в обком партии и в НКВД:

«При праздновании второй годовщины МАО протащили неприкрытый национализм постановкой пьесы «Ямблат кӱвар», распеванием ярко националистических песен, выкрикиванием националистических лозунгов». Вспоминая и постановку, и чествование национальных деятелей, П. И. Андреев продолжал: «В проведении торжественного собрания центральными фигурами были буржуазные националисты... Все эти элементы и жена Петрова откомандирование Петрова в Москву пытались разукрасить подобно эпизоду из пьесы «Ямблат кӱвар», где полоненного марийского князя Ямбулата войска московских бояр в колодке увозят в Москву на суд царя. На этом месте пьесы жена Петрова в театре задавала истерику, у зрителей навертывались слезы сожаления и в конце устраивали овации Чавайну» (8).

Спектакль решением обкома партии был снят с обвинением, что «специально приурочен к факту устранения Петрова».

В 1925 году С. Г. Чавайн, поехав в Москву на Всероссийский съезд работников просвещения мари, текст повести «Ямблат кӱвар» взял с собой и показал редактору Максиму Кузнецову (Апшат Макси). Тот сразу загорелся желанием издать ее, чтобы широко распространить среди родного народа как произведение, способствующее поднятию национального духа, самосознания марийцев. И сделал это в 1926 году. А в следующем году театр вновь поставил «Ямблат кӱвар». Правда, из-за боязни обвинения в национализме и стремления идти в ногу с требованиями партийной идеологии, С. Г. Чавайн сделал искусственный эпилог: посланец Москвы приезжает в Марийский край и сообщает о провозглашении автономии. Интересно отметить, что тогда же, в 1927 году, спектакль по этой пьесе поставили члены драмкружков в Сернурском и Горномарийском педтехникумах.

Сложно развивалось творчество С. Г. Чавайна в 20-е годы, особенно с начала 30-х годов, когда свободную творческую мысль надо было приспосабливать к ленинским требованиям классовости и партийности литературы. Хотя в целом творчество С. Г. Чавайна внешне развивалось в идейно-художественных рамках «социалистического реализма», но многие свидетельства говорят о том, что он страдал от отсутствия подлинной свободы художественной мысли, от партийной цензуры. Иногда этим он делился в кругу близких людей.

И получилось так, что ОГПУ уже на рубеже 20—30-х годов знало о его настроениях, которые подпадали в разряд «антисоветских». Не случайно в «деле федералистов» 1931 года С. Г. Чавайн фигурировал как «активный член к-р (т. е. контрреволюционной — *К. С.*) шпионской группы» (9, с. 14), но по каким-то соображениям он тогда не был арестован.

25 марта 1931 года арестованный как «финский шпион» директор Марийского музея Тимофей Евсеев говорил: «Однажды ко мне пришли Чавайн, Мендияров, Васильев, Егоров. Мы говорили о том, что марийскому народу не дают возможности свободно самоопределиться, что национальная политика Советской власти не дает возможности правильно и быстро развиваться нации мари, что нет свободы, в частности — свободы печати. Об этом говорили все. Егоров при этом сказал: издавать марийскую литературу очень трудно, так как коммунисты требуют обязательного марксистского изложения темы. На это жаловались и Чавайн и Васильев. Егоров говорил про Чавайна, Васильева, Мендиярова: «Ведь это первые марийцы; без них никогда не могла бы существовать марийская литература» (10). Думается, после таких слов кто-то сказал в добавление к этому фамилию самого Егорова. И так появилась публикуемая в книге «Трагедия народа» фотография, где рядом сидят четыре крупнейших деятеля марийской литературы и вообще культуры. Хотя из них только трое были тогда привлечены по «делу федералистов», но на этой фотографии, хранящейся в архиве Управления Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Республике Марий Эл, и в отношении Чавайна написано: «активный член к-р шпионской группы» (9, с. 14).

При повторном допросе в тот же день, 25 марта 1931 года, Т. Евсеев дополнил: «Я рассказывал о Финляндии, какие там хорошие порядки, какой честный, грамотный и культурный народ финны, как участливо встречали меня финские профессора. Мой рассказ о Финляндии вызвал общее сочувствие у присутствующих, все (значит, и Чавайн — *К. С.*) согласились с положительной оценкой современных финляндских правопорядков. Разговор строился на сравнении положения в советской Маробласти и буржуазной Финляндии, сочувствии и симпатиях последней и критике политики Советской власти».

Такова была среда, в которую близко входил С. Г. Чавайн после переезда в конце 20-х годов в Йошкар-Олу.

28 апреля 1931 года в показаниях Леонида Яковлевича Мендиярова написано: «У части марийской интеллигенции... под влиянием недовольства политикой Советской власти, и в частности, национальной политикой, стремление равняться на Финляндию, как страну, сумевшую «обойти» Октябрь и установить буржуазно-демократический строй,— временами достигало довольно большой силы. Носителями этих настроений могу назвать группу следующих лиц...» (среди девяти фамилий значится и Чавайн).

14 июня Л. Я. Мендияров опять назвал С. Г. Чавайна в числе марийских интеллигентов, «не оформленных организационно, но в известном смысле одинаково думающих. Это — носители известных настроений, желаний, целей в области устроения лучшей жизни для «нашего народа», для «нашей нации». Я многого не скажу, например, мари-партийцу, но совершенно не стесняясь, изложу до конца все накипевшее, наболевшее Васильеву, Чавайну, Веткину и т. д.».

2 июля Л. Я. Мендияров вновь показал, что «существует группа лиц, представляющая некоторый актив беспартийной марийской интеллигенции, к голосу которой прислушиваются, которые имеют ореол борцов за марийский народ». И третьим в этой группе после себя и В. М. Васильева он назвал С. Г. Чавайна. Характеризуя «основные темы разговоров в этом кругу», он перечислил: «1. Восстановление, возрождение марийской народности с ее развитием на самобытных основах с объединением если не территориально, то как национально-культурное целое с другими угро-финскими народностями, с ориентацией на Финляндию как на образец. 2. Критика тех условий, в которые поставлены Советской властью и партией национальности, в т. ч. мари, и которые не дают возможности осуществить национальные устремления. 3. Обсуждение достижений других народов, что, мол, они больше, чем у мари... 6. О наличии засилия русских — в хозяйственной, культурно-социальной, советской структуре».

Не только сами привлеченные по «делу федералистов» считали С. Г. Чавайна близким к себе. Владимир Мухин, допрошенный в связи с этим «делом» в качестве свидетеля, считал: «Ядро мендияровщины в г. Йошкар-Ола: Мендияров Л. Я., Васильев В. М., Егоров Ф. Е., Чавайн С. Г. (поэт), Веткин М. И.» (10).

В 1931 же году на объединенном партийном собрании по обсуждению учебной и художественной литературы председатель Марийской Ассоциации пролетарских писателей Андрей Эшкинин сокрушался, что еще не произведен массовый призыв ударников в литературу, поэтому пока приходится считаться со старыми писателями. «Нужно ли совершенно изгнать Чавайна? — спрашивал он и сам же отвечал: — По-моему, нет. Надо ста-

вить перед ним вопрос о том, чтобы он был пролетарским писателем». Но Сергей Григорьевич, писатель с глубокими органическими национальными крестьянскими корнями, никак таковым не мог стать, хотя и старался в целях самосохранения приспособиться к «пролетарской», «интернационалистской» идеологии и отражать ее в своем творчестве.

В 1931 году С. Чавайн опубликовал небольшую брошюру в помощь начинающим литераторам (11), в которой он сказал несправедливые слова об арестованных «федералистах» Мендиярове, Васильеве, Егорове, Евсееве, назвав их «врагами», в борьбе с социализмом пытавшимися использовать литературу. Несмотря на это, во все последующие годы, еще до начала массовых репрессий, фамилия Чавайна встречается в секретных документах, когда шла речь о необходимости борьбы с «национализмом».

Позже начальник управления НКВД по Марийской АССР А. И. Карачаров говорил, что он еще в 1934 году (как только приступил здесь к работе) начал «раскручивать Чавайна», собирать материалы по «делу» о его национализме.

Именно тогда, в 1934 году, были арестованы за посещение Финской миссии в Москве «по заданию Чавайна» студенты Московского кинотехникума Гаврил Казаков и Ипатий Степанов (Олык Ипай) (12). Тогда выяснилось, что между вторым и третьим посещениями они во время каникул советовались с С. Г. Чавайном. Тот как старший товарищ, хорошо знавший ход и исход «дела федералистов», советовал быть осторожными, передавать туда больше печатной литературы, а не рукописи, и даже отдал книгу «10 лет МАО» и «Материалы по истории народа мари» Ф. Егорова. Но и не возражал, судя по всему, чтобы молодые люди рассказали финнам о бедственном положении марийских крестьян, загнанных в колхозы, о «раскулачивании» лучшей части крестьян.

Так что кровавая чаша не могла миновать основоположника марийской литературы, невзирая на все его выдающиеся заслуги (а может быть, именно из-за них?), несмотря на внешнее их признание: именем Чавайна тогда, еще при его жизни, были названы улица в Йошкар-Оле, деревня, колхоз и школа в Моркинском районе, он являлся членом облисполкома; в декабре 1935 года было торжественно отмечено 30-летие его творческой деятельности.

В 1936 году по примеру некоторых южных республик руководители Марийской автономной области решили организовать стихотворное послание «вождю народов» о счастливой социалистической жизни марийского народа. И поручение написать такое сочинение было дано самым видным деятелям марийской литературы того времени: Сергею Чавайну, Осыпу Шабдару и Олыку Ипаю. При этом на заседании бюро обкома ВКП (б) Карачаров заявил: «Нельзя этой сволочи доверять такое дело». Значит, НКВД уже тогда зачислил С. Г. Чавайна в ряды «врагов народа».

Но другие руководители пока с этим еще не соглашались, среди них — председатель исполкома И. П. Петров, зав. культпропом Е. Е. Сидоркина и др. Письмо-поэму «Песнь о богатыре Чоткаре» три поэта завершили в самом конце 1936 года. На последней стадии они работали на обкомовско-правительственной даче в Куяре. Второй секретарь обкома партии Никита Сапаев, зная, что эти люди находятся под «колпаком» НКВД, приезжая туда, советовал: «Письмо нужно писать как следует, чтобы на вас не было подозрений». Поэтому не приходится удивляться, что это произведение от начала до конца пронизано восхвалением Ленина, Сталина, революции, Советской власти, социализма (несмотря на это, оно никогда не оглашалось и до 1994 года не публиковалось). Только историческая легенда о Чоткаре, защитнике родной земли от врагов, написана художественно-эмоционально, романтично. Эта часть не только в общем смысле, но местами дословно повторяет стихотворение С. Г. Чавайна «Чоткар-патыр», написанное в 1912 году. В первую часть «письма» также входит написанный Чавайном сюжет о покорении Марийского края Иваном Грозным. Здесь отразились исторические взгляды С. Г. Чавайна, нашедшие отражение еще раньше в рассказе «Йыланда» и драматической повести «Ямблатов мост». Эти взгляды представляют большой интерес для воссоздания мировоззрения и облика поэта. Поэтому предлагаем отрывок из письма-поэмы в переводе Евгения Долматовского и Константина Симонова, выполненном в полном созвучии с оригиналом. (Публикуется впервые).

Прошедшим годам забывается счет,
Илеть, замутившись, быстрее течет.
Эй ветер, эй ветер, на Волгу ворвись,
Гривастые волны подхлестывай ввысь.

Пусть волны, как горы, поднимутся в гневе,
И на берег прыгнут,— на правый, на левый.
По Волге военный идет караван.
Зачем к нам пожаловал Грозный Иван?

Тоскует голодное сердце Ивана,
Он видит за Волгой богатые страны.
От дома до дома, от стана до стана
С мечами проходят дружины Ивана.

Летела тревога: встречайте врага,
Спешите на волжские берега;
Точите мечи свои, стрелы калите,
Врагов настигайте, рубите, колите.

Идут за Иваном сто царских полков,
За волком матерым — сто младших волков;
Сверкают зрачками, скрежещут зубами,
Марийцев хотят они сделать рабами.

От дыма костров и пожарищ темна,
Шумит, как большой муравейник, страна.
Сбежался народ на Чоткаров курган
Просить, чтоб поднялся седой великан.

Чоткаровы струны хотят натянуть,
Не могут на гуслях холки подвернуть;
Угрюмой толпою подходят к мечу,
Им меч богатырский не по плечу.

Чоткара зовут, наклонясь над горой,
Но гусли молчат и не слышит герой.
А царские волки — у сердца земли.
И в битву мари без Чоткара пошли.

Народ, как медведица, встал на дыбы,
Алтан его вел по дорогам судьбы.
Взвивается дым и деревья гудят,
Как молнии, быстрые стрелы летят.

Ружейная бьется в лесу стрекотня,
И пушки открыли дорогу огня.
Столетние сосны от горя черны
И трупами светлые реки полны.

Звенят бердыши, громыхают кольчуги,
Без отдыха рыскают царские слуги.
Сражались мы тридцать отчаянных лет,
На каждой тропинке белеет скелет.

Как это созвучно словам из русской летописи о «подвигах» московских войск:

«И пошли воюючи и села жгучи... И быша убиения человеческая велика, и кровми полияся варварская земля; блата и дебри, езера и реки намостишася черемискими костми» (13).

В процессе работы над письмом, изобиловавшем в «зачине» и в третьей части восхвалениями в адрес «великого вождя», С. Г. Чавайн написал даже стихотворение «Сталину», которое было опубликовано в «Марий коммуне» 21 июня к торжеству 15-летия Марийской автономии, а на

следующий день было прочитано автором на русском языке на юбилейной сессии областного совета. Как и поэму «Октябрь», приуроченную к 10-летию революции, это стихотворение нельзя отнести к творческим удачам автора. Это можно оценить как своего рода попытку «реабилитировать», оправдать себя перед обкомом партии и НКВД в обстановке мрачных слухов и осторожных «советов», предупреждений. Художественная слабость его очевидна. Это не только видно нам сейчас, а уже тогда, когда такие вирши-оды печатали тысячами, кто-то заметил неискренность автора. В этой же газете 21 октября был опубликован анонимный отрицательный «отклик» на стихи, которые названы «пустословием», и автор обвинен в отрыве от реальной жизни.

Из слов Иосифа Шабдара известно: «Чавайн на семейных вечерах требовал исполнения марийских песен. Разговоры вращались вокруг марийских писателей, кажущейся их недооценки со стороны областного руководства. Он высказывал недовольство молодыми марийскими поэтами, которые нивелируются под русскую поэзию, забывают национальные особенности... Помню, как торжествовал Чавайн после выступления московских писателей Зарудина и Катаева, выдвинувших на первое место в литературе национальный колорит.

Осенью 1935 года у нас зашел разговор о свободе творчества, о том, что ее нет. Чавайн говорил: нельзя писать, о чем захочешь, а потому и нет у наших писателей большого творческого размаха. Я согласился, что приходится наступать на горло собственной песне. Соколов при этом говорил, что колхозники живут плохо, у многих нет хлеба! Чавайн дополнял это примерами» (14).

Да, действительно, какая уж тут свобода творчества, когда приходится восхвалять «счастливую колхозную жизнь», зная, что деревня поражена голодом. Трагедия Чавайна и его поколения писателей заключалась в раздвоенности между знанием реальной действительности и «долгом» (в том понимании, как это внушали) отображать положительное. Было бы несправедливо сейчас упрекать этих людей в конформизме. Стараясь услужить правящей силе, Чавайн, конечно, думал и о «хлебе насущном» для большой семьи, и о собственной спокойной жизни, и о возможности хоть чем-то служить родному народу, имея в виду, что любая книга на родном языке — это уже добро.

К этому времени, к 1937 году, Сергей Григорьевич Чавайн успел написать большое количество произведений в разных жанрах. Не все они, конечно, имеют одинаковую ценность. Я не хочу писать о нынешних оценках. А вот как оценивались некоторые произведения основоположника марийской литературы тогда, в 30-е годы? И какую роль это могло сыграть в тогдашних условиях? Как уже отмечалось, некоторые написанные раньше произведения Чавайна или в это время не упоминались, не пере-

издавались, или упоминались в качестве отрицательных примеров. А между тем в умах демократической, национально мыслящей интеллигенции они считались лучшими в творчестве писателя. Такова была судьба драматической повести «Ямблат кӱвар».

Многие видные деятели именно это произведение считали одним из лучших в творчестве С. Г. Чавайна. Например, доцент В. Т. Соколов (который во время процессов 30-х годов назывался одним из руководителей «контрреволюционной буржуазно-националистической организации») особенно хвалил его, ставил выше других произведений Чавайна, оценивая на широком фоне понимания сложной истории и перспектив возрождения родного народа. По словам С. Г. Чавайна, осенью 1932 года Соколов сказал ему: «Ленинско-сталинская национальная политика не отвечает тому положению, что нужно марийцам. У Ленина и Сталина прежде всего пролетариат и классовая борьба, а национальные интересы в последнюю очередь. При существовании Советской власти политического, культурного и экономического роста нам не достичь. Наша задача — возбудить национальные чувства и научить марийцев мужественно защищать свою самостоятельность, как это Вы, Сергей Григорьевич, показали в своем рассказе «Ямблат кӱвар». Нужно писать и дальше в этом же духе и будить в марийцах национальную гордость».

В другом случае, прочитав рассказ «Девушки», В. Т. Соколов укорял Сергея Григорьевича: «Это — вещь преходящая. Колхозы — временное явление, это крепостное право, только в другой форме. В колхозе крестьянин не располагает собою. Писать о колхозах правду нельзя, не пропустят, а восхвалять незачем. Для Вас теперь темой должно быть историческое прошлое. Восхваление былого геройства марийского народа — самое верное средство возбуждения национального чувства».

Оценивая эти слова, можно сказать, что Соколов — беспартийный «буржуазный» специалист, оценивавший все старыми мерками, отставший от жизни; можно сказать и то, что он ошибался, не признавая классовых критериев, требований социалистического реализма.

Но так же высоко оценивали «Ямблат кӱвар» и некоторые литераторы-коммунисты. Я уже отметил, что М. В. Кузнецов (Апшат Макси) в 1926 году издал в Москве под своей редакцией эту повесть и особенно хвалил ее в печати. Также Кузнецов издал рассказ Чавайна «У мланде» («Новая жизнь»), за что потом автора и редактора ругали за восхваление единоличного крестьянского хозяйства. А в 1933 году, будучи председателем организации марийских писателей, редактором областной партийной газеты «Марий коммуна», кандидатом в члены бюро обкома ВКП (б), во время встречи с С. Г. Чавайном М. В. Кузнецов говорил ему: «Вы, Чавайн, за последнее время пишете не совсем хорошие вещи. Надо писать такие произведения, как «Ямблат кӱвар». Этот рассказ написан хорошо.

его читают и любят не только марийцы МАО, но и марийцы, проживающие в Башкирии. Вам нужно взять какое-нибудь предание и написать героическую пьесу или рассказ, чтобы это произведение поднимало национальные чувства марийского народа» (14).

Коммунист А. К. Эшкинин, ранее бывший руководителем писательской организации, а в 1936—1937 гг. возглавлявший Марийское книжное издательство, тоже положительно оценивал «Ямблат кӱвар», вопреки противодействию председателя Союза писателей П. К. Карпова добился включения этого произведения в собрание сочинений Чавайна.

По свидетельству Л. Я. Мендиярова, и сам С. Г. Чавайн лучшим своим произведением (до начала 30-х годов) считал «Ямблат кӱвар», говорил: если убрать искусственную концовку, ее можно издать даже в Финляндии (10).

Примерно такая же противоречивая оценка наблюдалась тогда в отношении рассказа «Йыланда» и даже первой ласточки марийской литературы — стихотворения «Ото» («Роща»), которое Карпов и иные оценивали как националистическое и идейно-политически вредное (якобы это — восхваление язычества и языческой священной рощи). Но А. К. Эшкинин так не считал и добился, чтобы эти произведения были включены в сборник.

В общем, еще до репрессирования писателя развернулась дискуссия об идейном содержании его творчества. Показательны суждения председателя Союза писателей П. К. Карпова. Дав развернутую характеристику «националистической» пьесы «Ямблат кӱвар», он в обобщающем виде продолжал: «Чавайн не случайно берет исторические темы. С одной стороны, это свидетельствует о глубоком равнодушии к советской действительности. Приукрашенное прошлое черпал из народных сказаний и легенд. «Акпатыр» — националистическая пьеса... . Не случайно, в письме к Сталину Чавайн взял историческую часть — фольклоризацию. Песни и сказки произвольно вставлялись, создавалась видимость народности. Мечта народа предстала гораздо красочней, нежели наша советская действительность. В «Рвезе коммунисте» смазал достижения национальной политики. Не случайно, что советская действительность Чавайном не изучалась: если он и вынужден был писать на современные темы, то он искажал. В «Окса тул» молодежь только и занимается тем, что издевается над единоличником. «Чодра завод» — пьеса осталась недописанной» (14).

В суждении Карпова о том, что Чавайн не понимал и плохо отражал современную действительность, есть много истины.

Действительно, в первой половине 30-х годов, напуганный арестом В. М. Васильева, Л. Я. Мендиярова и других «федералистов» и «финских шпионов» и периодической критикой в свой адрес, С. Г. Чавайн пытался «перестроиться», как от него требовали, на принципах соцреализма.

«Чодра завод» — на самом деле одна из таких попыток, закончившаяся творческим провалом.

С. Г. Чавайна писательская организация направила в творческую командировку на великую стройку первой пятилетки — Сормовский автозавод. Казалось бы,— новые огромные творческие возможности должны были открыться перед писателем, хотя бы в описании трудового энтузиазма марийских юношей. Ведь там славилась «Марийская комсомольская рота». Да и помогал ему в ознакомлении с промышленным бытом друг Андрей Эшкинин, работавший там редактором многотиражной газеты. Ан нет! Дело ограничилось слабой агиткой-очерком «Семен и Джон».

Когда Андрей Эшкинин по партийному заданию вскоре оказался редактором многотиражки в знаменитом, гремевшем на всю страну совхозе «Гигант» Ростовской области — Сергей Чавайн съездил и туда в творческую командировку. И из этого не родилось ни строчки.

Согласимся, что и Сормово, и Дон — далеко от Марийской земли, там совсем другие люди, обычаи, традиции. Но вот Удмуртия — родственница наша. И в феврале 1932 года Сергей Григорьевич едет в Ижевск изучать быт рабочих, тем более он знает: на ижевских заводах работают немало марийцев, вчерашних выходцев из села. Да и поможет ему близкий знакомый, добрый товарищ, замечательный поэт — Кузебай Герд, с которым Чавайн познакомился еще в 1925 году и близко сошелся в 1930 году, когда был гостем на съезде писателей Удмуртии.

Одну бессонную ночь гость из Йошкар-Олы провел дома у Герда в бесконечных беседах, а на следующий день жена Герда отвела его в заводское общежитие к знакомым «для изучения быта рабочих». Где он был, с кем общался, сколько пробыл среди рабочих? — нам неизвестно, но и эта поездка в гущу современной жизни оказалась безрезультатной в смысле художественного отражения. Зато интересны сведения, которые сообщал ОГПУ о ночных беседах с Чавайном арестованный вскоре (в мае того же года) Кузебай Герд как якобы руководитель «Союза освобождения финских народностей» (Софин). По его словам, удивительно понимали друг друга два выдающихся сына своих народов, во всем они были солидарны. «Мы с Чавайном,— сообщал Герд,— говорили о широком праве на автономию; Чавайн сказал: в основу национальной культуры положить принципы, положенные финнами. Также Чавайн говорил о необходимости развивать у молодежи национальное самосознание, чтобы она не стыдилась своего происхождения и языка, что без этого самосознания наши народы погибнут» (14).

Уж чего проще — съездить в марийскую деревню и написать хоть поэму, хоть повесть о «счастливой колхозной жизни». С. Г. Чавайн и это попытался сделать. Результатом был вялый рассказ «Девушки», как и результатом поездки к лесным рабочим оказалась такая же слабая пьеса «Чодра завод» («Лесозавод»).

69051
МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Таким образом, в 1932—1934 годах Сергей Григорьевич Чавайн пытался по совету А. К. Эшкинина «перестроиться», овладеть марксистско-ленинскими принципами, классовым подходом в отражении действительности. Хотя ощутимых результатов этого не наблюдалось, некоторые внешние проявления интереса к современной жизни имелись. Поэтому Осып Шабдар в статье, посвященной 30-летию творчества Чавайна, в конце 1935 года сделал вывод, что «Чавайн перестраивается» и становится прогрессивным пролетарским писателем. В качестве примеров Шабдар приводил упомянутые выше очерки и рассказы, пьесу «Чодра завод».

И сам С. Г. Чавайн тогда делал публичные заявления в унисон Шабдару. Он писал: «Возмужало и мое творчество. Стихотворение «Революция» (1920), «Первому съезду Советов Марийской области» (1921), очерк «Семен и Джон» (1931), пьеса «Лесозавод» (1932), поэмы «Ударникам полей» (1933), «Девушки» (1934) свидетельствуют о том, что я в своей литературной деятельности встал на позиции пролетарской идеологии. Если сказать правду, то и они не без погрешностей. Однако по их содержанию видно, что писатель С. Чавайн уверенно встал на прочную, светлую дорогу. У меня теперь одна цель: глубже познав философские идеи Маркса и Ленина, дать марийским трудящимся новые художественные произведения, социалистические по содержанию, национальные по форме» (15, с. 55).

Но Сергей Григорьевич внутренне, конечно, понимал, что это — спад творчества. Нужен был смелый рывок вперед. И тут как раз подоспел совет М. В. Кузнецова «взять какое-нибудь предание и написать героическую пьесу». И рождается именно на основе обращения к истории и фольклору родного народа — одно из лучших произведений марийской литературы — драма «Акпатыр».

Правда, в этом произведении заметно чувствуются результаты стремления Чавайна «перестроиться»: на основе канонов соцреализма проводится идея классовой борьбы трудящихся разных национальностей под руководством русских рабочих, выведены схематические антиисторические образы кулака-кровопийцы и бедняка-наемного батрака. Но все это мощно перевешивается здоровой фольклорной основой, любовным романтическим отношением к истории и культуре родного народа. Неслучайно критиковавший Чавайна за его произведения на современную тему В. Т. Соколов говорил ему: «Твой «Акпатыр» будет жить вечно» (14).

Тогда же С. Г. Чавайн поднимается на вершину своего творчества — создает роман «Элнет», отвечающий основному вопросу, волновавшему писателя. Он, во многом основываясь на биографии своего поколения, глубоко художественно показывает истоки национального подъема марийского народа, сохранение его жизненных сил, несмотря на национально-колониальный гнет в отношении «инородцев».

Творческая мысль С. Г. Чавайна в стремлении возвеличить свой народ, показать перед всеми его богатое культурное наследие обращалась к историческому опыту других родственных народов. Это, в частности, выразилось в планах создания марийского героического эпоса, наподобие карело-финской «Калевале» (что впоследствии стало дополнительным обвинением по «финской» линии). В. А. Мухин, директор МарНИИ, писал в 1935 году:

«Ко мне побеседовать пришли Сергей Чавайн и Олык Ипай.

Чавайн говорит:

— Давно думаю создать марийскую Калевалу. Как вы относитесь к этой идее?

Я очень обрадовался:

— Это нужное и вполне реальное дело. Материала очень много. Если за пять лет создадим марийский эпос, это будет весомым вкладом в нашу культуру...

Долго мы разговаривали об этом. В итоге пришли к решению, что работу над марийским эпосом надо срочно включить в перспективный план работы научно-исследовательского института.

Чавайн задумал создать марийскую Калевалу, для этого в нашем фольклоре потенций достаточно. И мы не останемся в стороне, изо всех сил будем помогать ему в реализации задуманного» (15, с. 42).

Тогда, в конце 20-х — первой половине 30-х годов, в период подъема национальной культуры, среди творческой интеллигенции иногда рождались смелые проекты, и их могли поддержать руководители-мари. В этом плане интересна попытка создания первой марийской оперы.

О национальной опере стал мечтать уже первый профессиональный марийский композитор И. С. Палантай, но он ушел из жизни слишком рано, в 1926 году. Но вот в середине 30-х годов некоторым передовым, широко мыслящим марийским деятелям стало казаться, что такое время наступило, тем более подобные шаги тогда уже предприняли на Кавказе и в Средней Азии. Некоторые подходящим материалом для оперы считали пьесу «Мӱкш отар» («Пасека») Чавайна, другие — принятую в 1936 году к постановке с музыкой Якова Эшпая его же драму «Акпатыр». И как раз в разгар последних репетиций «Акпатыра», премьера которого была приурочена к открытию юбилейной сессии Мароблисполкома, посвященной 15-летию МАО, исполком 13 июня 1936 года принимает важное постановление — «О создании марийской оперы»:

1. Приступить к составлению марийской оперы.

2. Поручить ОблОНО с привлечением композитора Эшпая и писателя Чавайна разработать практические мероприятия по составлению оперы и не позднее 1 июля представить на рассмотрение президиума облисполкома» (16).

Через два месяца, 13 августа 1936 года, облисполком принял новое постановление. К этому времени поступившие предложения были проанализированы, обобщены. Но их было немного. На всякий случай было решено объявить открытый конкурс, и в то же время предусматривалось заключение творческих договоров с ведущими литераторами и композиторами. Но при здравом размышлении на конкурс, объявленный 13 сентября, особой надежды не имелось. И была реально взята совершенно конкретная линия по второму из названных выше пунктов: заключение договора с поэтом Сергеем Чавайном и композитором Яковом Эшпаем.

По вызову председателя исполкома из Москвы в Йошкар-Олу в конце ноября 1936 года приехал композитор. Встретился с Чавайном, чтобы договориться о совместной работе. Речь между ними прежде всего шла о теме оперы. Конечно, условия времени и требования соцреализма заставляли обратиться к теме счастливой колхозной жизни, или вообще к советской действительности.

У С. Г. Чавайна между тем отношение к колхозной жизни, а в литературе и искусстве — к принципу партийности не было восторженным и спасением от этого он в некоторой мере считал уход в историю. К его удовлетворению, и Я. А. Эшпай придерживался близких взглядов. На вопрос поэта — «Какой взять сюжет?» — композитор сказал: «Сюжет надо взять из прошлой жизни мари, а из колхозной жизни ничего путного не создать». Так у них сразу же выработался общий ориентир: героическая опера о борьбе марийского народа за свободу с широким использованием марийской народной поэзии и музыки.

С этим они пошли к председателю исполкома И. П. Петрову. Тот с предложением авторов согласился, но с необходимым уточнением: показать классовую борьбу марийских трудящихся с самодержавием. А у Сергея Григорьевича были уже заготовлены и название, и сюжетная линия либретто.

Опера будет называться нейтрально — «Элеви» по имени главной героини. Сюжет — из истории освободительной борьбы марийского народа.

28 ноября 1936 года в здании облисполкома заказчик — Управление по делам искусств — и исполнители С. Г. Чавайн и Я. А. Эшпай подписали договор, сразу же утвержденный президиумом исполкома. Либретто было определено в 2 тысячи стихотворных строк, оно «должно показать борьбу марийских трудящихся с самодержавно-крепостническим строем». Опера по договору должна была быть готова к 1 октября 1938 года. В промежуточном отчете о ходе выполнения договора указывалось: «По тексту, составленному С. Г. Чавайном, в опере «Элеви» предусматривается 12 ролей солистов, из них 5 женских и 7 мужских. По голосам примерно должны быть: сопрано — 2, альтов — 3, теноров — 2, басов —

3, баритонов — 2. Массовый хор должен быть в составе не менее 60—80 человек. Надо также 30 человек дополнительно — из среднего возраста» (16). Отсюда ясно: автор уже четко видел своих героев, их характеры.

И. П. Петров постоянно интересовался ходом этого важнейшего в истории марийской культуры события и оказывал авторам посильную помощь. За счет дотации театру Чавайн был назначен заведующим литературной частью театра, Эшпай — заведующим музыкальной частью; было выдано С. Г. Чавайну «700 руб. на творческую командировку в Москву и Ленинград для знакомства с либреттистами»; Я. А. Эшпаю — «аванс на поездки в связи с работой над оперой — 4150 р.» По другому подписанному Петровым документу Я. А. Эшпаю отпущено 3600 руб. на приобретение пианино. В музыкально-театральном училище в ходе учебного года были скомплектованы дополнительные группы (16).

Наступал новый, 1937 год. Он сулил С. Г. Чавайну творческое удовлетворение результатами своего труда: в план издательства на новый год было включено начало издания полного собрания его сочинений.

В то же время различные работники заранее стремились застраховать себя от неприятностей. Например, директор театра (он же — председатель Союза писателей) П. К. Карпов докладывал председателю исполкома И. П. Петрову, что не будет включать пьесы С. Г. Чавайна в репертуар сезона 1936—1937 года, потому что они «идеологически невыдержанные». Но Петров, очень высоко ставивший и любивший и «Мӱкш отар», и «Акпатыр», настоял, чтобы произведения Чавайна остались в репертуаре.

Мы сейчас отлично знаем, каким оказался 1937 год. А Сергей Григорьевич начинал его с оптимизмом (пусть, возможно, внешним).

1 января 1937 года газета «Рвезе коммунист» опубликовала его письмо-обращение к родному народу, к его молодому поколению: «Пусть будущее марийского народа будет счастливым». Но его слова кое-кому первым же читателям (а это — работники обкома партии, читавшие «сигнальный экземпляр») очень не понравились. Из них, по мысли партийных цензоров, получалось, что только будущая жизнь марийцев будет счастлива. А настоящая разве не является счастливой? Вывод: Чавайн недооценивает положительные результаты ленинско-сталинской национальной политики. Уже 3 января был печатно устроен «разнос» писателю. Долго он пытался доказывать, что ничего преступного и даже двусмысленного он не написал. Но в конце-концов его заставили признать, что он написал «не то». Что ж, у каждого своя, определенная степень твердости характера. 1 февраля в той же газете было опубликовано покаянное письмо Чавайна.

К покаянию, признанию своей «вины» подтолкнуло и то, что как раз в эти дни мучительных раздумий, 11 января 1937 года, Сергея Григорьевича Чавайна вызвали в НКВД, но пока только в качестве свидетеля.

Протокол его допроса представляет для науки огромный интерес, хотя для многих читателей, считающих, что «не надо копаться в прошлом», ибо там могут найтись некоторые моменты, бросающие тень на славные имена, он покажется лишним, ненужным для общего ознакомления. Для человека, стремящегося понять глубинный смысл событий 20—30-х годов, показания С. Г. Чавайна являются отличной квинтэссенцией тогдашнего сознания, общественно-политических взглядов марийской демократической интеллигенции, типичным представителем которой был Сергей Григорьевич Чавайн. (Для меня совершенно очевидно, что в последующем изложении представлены как групповые взгляды определенной группы интеллигентов, так и индивидуальные взгляды Чавайна).

«Вопрос: Расскажите следствию о составе контрреволюционной националистической организации, возглавляемой Мендияровым Л. Я.

Ответ: Основным составом контрреволюционной организации марийской националистической интеллигенции, поставившей перед собой задачу — через свержение Советской власти под знаменем возрождения угрофинских народностей добиться учреждения демократической республики от Балтийского моря до Уральских гор — были: Мендияров, Егоров, Васильев, Веткин, Янтемир, Евсеев и Чавайн. Участниками и проводниками этих идей были: Эпин Сергей Гаврилович, Григорьев Петр Григорьевич, Ефремов Тихон Ефремович, Сайн, Шабдаров и Мухин Николай Степанович (Так в тексте, надо — Семенович — *К. С.*). Из учащейся молодежи были привлечены: Казаков Гаврил из дер. Аксаматово, ныне осужденный и отбывающий наказание, и Степанов Ипатий Степанович (Олык Ипай — *К. С.*).

Вопрос: Кто являлся участниками устраиваемых совещаний контрреволюционной организации?

Ответ: Всего совещаний контрреволюционной организации было проведено два. Одно — в конце 1927 года, а другое — в начале 1928 года, проводились в квартире Васильева Валерьяна Михайловича. Участниками были: Мендияров, Васильев, Евсеев, Егоров, Веткин, Чавайн, Янтемир. Мендияров предлагал написать письмо ответственному секретарю Марийского обкома ВКП (б) Куликову, что национальная политика партии и соввласти в пределах МАО искажается, что марийские национальные работники преследуются и что просвещение марийской массы почти не тронулось с мертвой точки. Без нас, национальных работников (интеллигентов) национальная культура марийского народа не может развиваться. Письмо написано не было.

Вопрос: Расскажите о связях с Финской миссией.

Ответ: Связь с Финской миссией поддерживалась через Евсеева, затем — Гаврилова (надо — Гаврила Казакова — *К. С.*) и Степанова. Оттуда получали указания — доводить до марийской массы о преимуществах

финских порядков, условий жизни в образцовом, хорошем, изукрашенном виде. Евсеев, Васильев, Ефремов передавали туда материалы, сведения. В 1931 году через Казакова Гаврила и Степанова Ипатия мне было предложено сообщить о лесозаготовках как о принудительном труде, о коллективизации тоже как о «добровольно-принудительной», о ликвидации кулачества как о разорении хозяйственных мужиков, о выселении (кулаков) как издевательстве над марийским народом, потому что марийских кулаков вообще нет, а есть только зажиточные мужики.

Вопрос: В чем заключалась контрреволюционная деятельность членов организации?

Ответ: Васильев должен был развивать марийский язык, приближая к финскому... я — использовать литературные произведения для пробуждения национального сознания... Ефремов собирал марийские мотивы песен, чтобы доказать, что марийский народ и в музыкальном отношении не ниже других.

Вопрос: В чем выражались программные установки контрреволюционной организации?

Ответ: Утвержденной и написанной программы у контрреволюционной организации не имелось. Питающими корнями были: 1) неверие в созидательные силы пролетарской революции; 2) уверенность в скорой интервенции и распаде СССР; 3) сомнение в возможности культурного роста Марийской области, руководимой коммунистами. Проводилась идея, что все благополучие Советского Союза лишь на газетных страницах, в самом же деле страна идет к гибели, ибо большевики могут только разрушать, но не создавать. Вера в помощь иностранного пролетариата считалась смешной: если бы советская система была бы очень близкой сердцу мирового пролетариата, то такие передовые индустриальные страны, как Германия, Англия и САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты), давно были бы советскими... Считалось, что распад СССР — только вопрос времени. Считалось, что Марийская автономная область в условиях Советского Союза лишь фикция, в действительности никакой автономии нет. Марийские же коммунисты выполняют то, что предпишет Центр: родной язык в загоне, литература не растет; русские по-прежнему чувствуют себя господами, издеваются над марийцами. В составе организации было мнение: «Прежде нас угнетали православием, а теперь интернационализмом». Прежде марийские национальные особенности вытравлялись во имя православия, а теперь то же делается во имя интернационализма. Марийская национальная интеллигенция говорит так: «Какая разница для меня, если вместо попа и урядника давит коммунист?» ...Только национальное чувство является двигателем в культуре, и поэтому имелось в виду в подрастающем поколении возбудить национальное чувство через литературу, живопись, сцену, музыку, школу и т. д.

Одновременно примером национального и культурного благополучия ставилась Финляндия. В пример ставились безусловная честность и трезвость финнов, финская культура выше русской. Русские марийцев, кроме похабных слов, хулиганства, воровства, пьянства, ничему не научили. Русский хоть барин, хоть крестьянин, всегда смотрит на марийцев как на низшую расу.

Считалось, что воспевание былой мощи марийского народа, идеализация марийской самобытности явится основой укрепления национального самосознания марийцев» (14).

Итак, весь допрос обращен в прошлое. Казалось бы, ничто не интересует следователя из сегодняшних (на январь 1937 года) событий. И Сергею Григорьевичу нечего беспокоиться. Но дело обстояло иначе.

Документы свидетельствуют, что уже тогда даже переписка С. Г. Чавайна находилась под контролем органов. В «деле» сохранилось его письмо от 10 февраля 1937 года в деревню Чавайнур Трофиму Вакхову в переводе на русский язык с указанием: «Перевел п/опуполн.» (т. е. помощник оперативного уполномоченного, подпись которого неразборчива — *К. С.*). На машинописный экземпляр этого документа наложена резолюция: «Егорову. К разработке. 13/II-37 г. Кленов».

Интересно узнать, в чем контрреволюционное, антисоветское содержание этого письма, что дало повод использовать его для «разработки»?

«Добрый день, Евдокия, Трофим, Анастасия, Анна, Зина, Гена, Нюша, Анук.

Пока мы живем, все здоровы. Посланное письмо вчера получили. Мать ревела, когда прочитал письмо. На самом деле оказывается живете вы плохо. По-моему, Григорию с женой, Анастасия, дома нечего лежать. В момент своего приезда из Москвы я еще давно видел, как на ст. Зеленый Дол женщины-марийки ехали на работу в г. Архангельск. Я бы на месте Григория хотя бы охранником леса поступил бы. Нынешние времена нужно, чтобы живот был не пуст. Солдат Константин нашел себе работу, молодежь тем более найдет работу.

Пусть Трофим прокормит маленьких, а взрослым нужно самим искать пропитание.

На имя Евдокии я вместе с этим письмом посылаю 50 рублей (деньги перевожу переводом). На эти деньги, Евдокия, нужно купить исключительно продукты, в случае если нечего покупать — то купи сахару. Сахару когда в рот положишь и пососешь — это утоляет голод и это поможет. Остатки муки от матери нужно обеспечить только маленьким ребятам. Корова если отелится, то нужно пить молоко, а также сделать кислое молоко, это будет как хлеб.

По получении этого письма уведомите меня. Пока до свидания, привет от всего нашего семейства. С. Чавайн» (14).

В начале 1937 года начал осуществляться намеченный в дни празднования 30-летия творческой деятельности писателя план издания собрания сочинений С. Г. Чавайна в шести томах. В марте первый том уже был набран, тогда же Сергей Григорьевич отправил Якову Эшпаю первую часть либретто, но именно в это время вокруг его имени, а также имен Осыпа Шабдара и Олыка Ипая развернулась широкая клеветническая кампания.

К этому времени уже было арестовано несколько видных деятелей марийской культуры. И следователи пытками сломили Владимира Алексеевича Мухина (17). 21 февраля он подписал «признание», что является руководителем марийской «буржуазно-националистической организации», в качестве членов которой были названы среди многих Чавайн, Шабдар, Олык Ипай.

Первый секретарь обкома ВКП (б) Ч. И. Врублевский на заседании бюро объявил, что в республике раскрыта обширная, глубоко законспирированная контрреволюционная буржуазно-националистическая организация, куда входит практически вся национальная интеллигенция. С этим не согласился член бюро, председатель исполкома Марийской АССР Иван Петрович Петров. 26 февраля он написал письмо в ЦК ВКП (б).

«На заседании бюро обкома тов. Врублевский сказал об аресте большого количества людей... Из сообщения т. Карачарова стало известно, что еще более громадному количеству людей предъявляется обвинение в контрреволюции... Предъявляется обвинение в контрреволюции популярнейшему марийскому драматургу и поэту Чавайну С. Г., который дал так много ценного для марийского театра и марийской литературы и который сейчас по поручению Исполнительного комитета пишет либретто для первой марийской оперы. Предъявляются обвинения в контрреволюции писателю и поэту Шабдару и молодому талантливому поэту Олык Ипай, которые вместе с Чавайном блестяще выполнили задание написать письмо тов. Сталину в стихотворной форме от марийского народа...» (18, с. 227).

19—21 марта 1937 года на пленуме обкома ВКП (б) И. П. Петрова в связи с этим заявлением резко критиковали за защиту «националистической интеллигенции». Вот отрывки из некоторых выступлений.

П. И. Андреев: «Заявление т. Петрова не случайное. Это — защита контрреволюционной интеллигенции... Защищать ту интеллигенцию, которая никогда не стояла за Советскую власть, по существу которая перекрашивалась, а на самом деле вела глубоко контрреволюционную работу, как Чавайн и другие?

...Чавайн может писать что угодно, тем более если платят по пять тысяч за работу, он напишет что угодно... Известно, что Чавайн по природе своей не переваривает оружие. Чавайн был кандидатом партии, и когда

ЧОН стал проводить военное обучение, сделал назначение, то Чавайн сказал, что он вообще не переваривает оружие. Он сказал: вот вам моя кандидатская карточка, берите».

С. А. Черняков: «В письме неправильно — покровительство контрреволюционной части интеллигенции... Огульно покровительствовать неверно. Взять того же Чавайна. Я его знаю, вместе учились. Его избаловали, получилось у него самомнение, что я такой поэт, что лучше меня нет никого».

П. Е. Егоров: «Петров в письме в ЦК утверждает, что в МАССР много арестов, считают контрреволюционерами Чавайна, Олык Ипая. Раз человек берет под защиту националистов — самого надо посмотреть».

В конце третьего дня морально-психологического давления, после угрозы «прервать послужной список», И. П. Петров вынужден был выступить с признанием своей «ошибки».

Он сказал: «Первый раз, когда т. Карачаров на бюро примерно два месяца назад сделал сообщение о националистической контрреволюционной организации, у меня было сомнение насчет Чавайна. Чавайн фигура известная. Партия и Советская власть помогли Чавайну подняться как поэту, как писателю, драматургу. Чтобы поднять Чавайна, присваивалось его имя учебным заведениям, есть колхозы, которые носят его имя. Более того, у нас есть ходатайство перед правительством, чтобы присвоить ему звание заслуженного деятеля искусств. Долго готовились к празднованию юбилея его 30-летия литературной деятельности и это празднование провели в прошлом году. Многие литературные произведения Чавайна считаются лучшими произведениями в республике. Вот такие произведения, как «Мӱкш отар», «Акпатыр», «Илыше вӱд», они не только художественно, но и идеологически как будто бы не вызывали сомнения у нас. Чавайн вращался, если хотите, среди круга руководящих товарищей. Вот все это дало мне повод усомниться. Я не допускал, что человек так может низко опуститься и так маскироваться в течение ряда лет. Я просил Врублевского, чтобы он еще раз поставил доклад т. Карачарова на бюро обкома об этой контрреволюционной организации, в частности, о Чавайне. Мое сомнение насчет Чавайна усилилось еще в результате следующих фактов. Мы готовили альбом т. Сталину в связи с преобразованием МАО в МАССР. Альбомом занимался А. Ф. Эшкинин. В этом альбоме мы должны были показать живых людей. В их числе был и Чавайн. Эшкинин говорит: не надо, поскольку он обвиняется в контрреволюции. Врублевский говорит: «Пожалуй, что надо поместить Чавайна в альбом»... Меня затем удивило то, что когда было известно, что Чавайн, Шабдар и Олык Ипай были националисты-контрреволюционеры, все-таки им было поручено написать письмо т. Сталину от имени марийского народа. Кроме того, они находятся на свободе. Все это вместе взятое является причиной

того, что я их взял объективно под защиту. Теперь признаю грубейшей политической ошибкой» (19, с. 69—78, 89—92, 129—131).

После пленума обкома ВКП (б) многие стали проявлять «бдительность» в отношении С. Г. Чавайна. Заместитель директора Марийского издательства Г. И. Голубкин 1 апреля сообщал в НКВД А. И. Карачарову о «вражеских» действиях директора издательства А. К. Эшкинина: «Меня чрезвычайно удивляет забота, чрезвычайная забота Эшкинина о Чавайне, Олыке Ипае и Шабдаре. Пример: Эшкинин решил издать шеститомник полного собрания сочинений Чавайна. Напечатал проект его издания с портретом Чавайна, там между прочим числятся его произведения самые националистические: «Йыланда», «Тошто илыш» и др. Первый том уже набран месяца 11/2 тому назад. Я печатание его задержал (в отсутствие т. Эшкинина, он был в Москве в командировке «по делам издательства»). Он приехал, я ему говорю: издавать в таком виде нельзя, а может быть совсем не надо, поставь этот вопрос в обкоме. Он как хамелеон увертывается, обещается каждый день вопрос решить, а сам решительно ничего не делает. На 8 листов печатных шрифт сейчас забит и лежит без движения.

Эшкинин с Чавайном, запершись в своем кабинете, толкуют секретно, с женой Чавайна толкуют, с Ипаем толкуют — о чем, нам не известно. Вывод ясен — он, видимо, с ними, он их.

...Меня очень удивляет сейчас особая забота некоторых лиц о Чавайне. Уполномоченный по делам искусств т. Янаев бегает, собирает «ценные» произведения Чавайна для отсылки т. Киселеву во ВЦИК РСФСР для утверждения, т. е. присвоения Чавайну звания Заслуженного деятеля искусств. И все это делается после того, каким мы знаем сегодня Чавайна...» (17, с. 205).

Последнее обстоятельство связано с тем, что при праздновании 30-летия творческой деятельности С. Г. Чавайна был поднят вопрос о представлении его к почетному званию Заслуженного деятеля искусств РСФСР. В начале 1937 года с председателем комиссии Президиума Верховного Совета РСФСР по присвоению почетных званий Киселевым был согласован этот вопрос. 27 марта была написана записка директору издательства А. К. Эшкинину (дается в переводе):

«Андрей Карпыч!

Комиссия, возглавляемая тов. Киселевым (ВЦИК РСФСР), рекомендовала послать Боярскому в Комитет по делам искусств самые ценные книги С. Г. Чавайна. В апреле состоится окончательное рассмотрение вопроса о присвоении С. Г. Чавайну звания «Заслуженный деятель искусств». Поэтому сегодня же необходимо дать указание собрать эти книги. Афанасий» (14).

Председатель правления Союза писателей (он же директор Маргос-

театра) П. Карпов на собрании городского партийного актива 29 марта услышал о начале разгрома «марийской буржуазно-националистической организации» во главе с В. Мухиным и что Чавайн отнесен к числу буржуазных националистов.

2 апреля он пишет письмо в горком партии (на 13 страницах). В связи с тем, что Чавайн, Шабдар, Олык Ипай на партактиве были названы в числе подозреваемых в буржуазном национализме, Карпов раскаивается, что раньше этого не видел, что до сих пор не распознал истинное лицо тех, с кем работал. «Моя идиотская болезнь,— писал он,— беспечность, благодушие». Он признавался в том, что не вел достаточно борьбы с национализмом, став руководителем Союза писателей в 1934 году «вместо националиста Кузнецова». Но он мол видел и критиковал в ряде случаев националистические ошибки Чавайна:

«Чавайн имел националистические ошибки. «Ямблат кӱвар» — откровенно националистическая пьеса. Об этом я писал в журнале «У вий» № 11—12 за 1935 год. Но там же Мухин восхвалял Чавайна. Это говорит о их связях. «Акпатыр» — восхваление старины... Бригадой писали письмо Сталину в стихах (для съезда Советов МАССР). Чавайн взял ту часть, которая на основе фольклора воспевает старину. Это не случайно... Я ставил вопрос о несоответствии между описанием старинного богатыря и нашей действительности... Из всего этого видно, что опираться на Чавайна нельзя. Если он даже организационно не связан с националистами, то с ним следует распроститься, чем скорее, тем лучше» (16, с. 132—138).

Но рядом были другие, которые считали, что и от Карпова надо быстрее освободиться. 15 апреля Анатолий Айзенворт написал на него донос в обком партии, в котором, наряду с другими «грехами» председателя Союза писателей, указывал, что он «прикрывал национализм Чавайна, Шабдара, Мухиных».

Заведующий агитационно-пропагандистским отделом Обкома ВКП (б) Н. И. Кобозов 19 апреля 1937 года в докладной записке первому секретарю обкома писал, в основном пересказав слова Анатолия Айзенворта: «Союз советских писателей (имеется в виду Марийское отделение ССП — *К.С.*) и его руководство, состоящее из буржуазных националистов Карпова, Чавайна, Шабдара, сознательно тормозили дальнейшее развитие марийской литературы, отвлекая от освещения вопросов современной жизни, сами вставая на путь изысканий в историческом прошлом марийского народа» (20, с. 56). Конкретное обвинение в заключительной части приведенной фразы, в чем заключалось «вредительство на литературном фронте», относилось в первую очередь к С. Г. Чавайну.

21 апреля бюро обкома ВКП (б), обсудив по этой докладной записке вопрос «О работе Марийского отделения ССП (Союза советских писателей — *К. С.*)», постановило распустить правление Марийского отделения

Союза советских писателей, членами которого (правления), кроме арестованного в этот день Карпова, также были Чавайн и Шабдар. Это уже было для С. Г. Чавайна предгрозовой молнией.

21 же апреля временно исполнявший должность начальника Управления по делам искусств В. А. Фавстов писал в обком ВКП (б) и республиканский исполком:

«В связи с предъявляемым обвинением в участии в контрреволюционной националистической группировке Чавайна мною дана устная директива о приостановлении постановок в театре произведений Чавайна. Управление по делам искусств имеет договор с Чавайном на составление либретто оперы «Элеви». Вчера был у меня Чавайн, который сообщил, что ему необходимо выехать в район для сбора фольклорного материала для составления либретто. Но одновременно с этим он заявил, что в данное время работу по составлению приостановил, так как имеет случай возвращения рукописи из редакции, не указывая, по какой причине рукопись не принята. Он говорит, что мне, видимо, предъявляется обвинение, хотя я виновным себя ни в чем не признаю и меня никто не спрашивал. Я ему предложил работу продолжать.

Поэтому прошу разъяснить: во-первых — как быть с договором на составление либретто; во-вторых, правильно ли я поступил, задерживая постановки его произведений в театре. Одновременно ставлю в известность, что произведения его в продаже приостановлены» (14). (Такое распоряжение было вынесено еще 9 апреля).

В связи с арестом директора П. К. Карпова в театре 22—23 апреля было проведено общее собрание. Хотя там основной разговор был сведен к осуждению «буржуазного националиста», «последыша Карпова» — Йывана Кырли, но все же немало говорилось и о состоянии театра, о «невыдержанном» характере репертуара. И назывались пьесы С. Г. Чавайна, ибо многие знали, что вокруг него сгущаются тучи.

Артист В. Якшов: «Акпатыр» — националистическая пьеса, и все же до сих пор не сняли».

Главный режиссер А. Маюк: «Большинство марийских пьес идеологически невыдержанные. В частности — «Мӱкш отар»,— извращает социализм, рисует его «пчелиным» социализмом. Я заявлял Карпову, что надо снять, идет до сих пор».

У С. Г. Чавайна в те дни национального катаклизма проявилось обостренное историческое сознание. Понять смысл происходящих событий часто помогают исторические аналогии, исторические знания, почерпнутые из книг (в том числе художественных) о давно минувших эпохах. Для характеристики мучительных раздумий в те страшные дни и вообще о мировоззрении С. Г. Чавайна, его вдумчивого знакомства с мировой литературой показательно свидетельство Олыка Ипая: «Когда начались

аресты, в апреле, Чавайн спросил меня: Тиля Уленшпигеля читал? Я ему ответил: читал. — Ипай, как ты думаешь, по-моему, эпоха Филиппа II не напоминает ли нашу эпоху? Я ему ответил, что какую-то параллель можно провести; хотя наша страна считается демократической, но свободы мысли, печати нет» (21, с. 44).

В эти дни слухи о «разоблачении» С. Г. Чавайна как «буржуазного националиста» и «врага народа» достигли Москвы, где в Детиздате готовилась к изданию его книга. Обеспокоенные работники издательства 15 апреля обратились в Марийский обком ВКП (б) с просьбой разъяснить ситуацию: «Дошел слух, что Чавайн в настоящее время не на свободе. Сообщите срочно». Пусть не так срочно, но 9 мая из Йошкар-Олы ответили в Москву: «Слухи об аресте марийского поэта С. Г. Чавайна ни на чем не основаны и он в настоящее время находится на свободе». Но находиться на свободе ему оставалось всего несколько дней.

6 мая состоялось собрание писателей, в постановлении которого записано: «Собрание обязывает всех членов и кандидатов МарССП немедленно приступить к разоблачению «произведений» врагов народа, а также буржуазно-националистических тенденций в творчестве марийских писателей (Чавайн, Шабдар, Олык Ипай и др.)» (16, с. 168 — об.).

13 мая состоялось новое собрание писателей, где, при повестке дня «О проекте Конституции Марийской АССР», по существу подверглась погрому вся писательская организация, вся марийская литература. Доклад второго секретаря обкома партии Н. Н. Сапаева изобиловал резкими оценками, огульными обвинениями практически в адрес всех писателей — не только уже арестованных В. Мухина, Н. Мухина, П. Карпова-Пюнчерского, Мичурина-Ятмана, но и многих других, сидевших пока еще в зале. «Контрреволюционные буржуазные националисты разгромлены, но борьба еще не закончена,— утверждал оратор.— Марийские писатели Чавайн, Шабдар, Ялкайн, Тишин и другие допускают националистические ошибки». Сергей Григорьевич, следовательно, был назван первым, и «каяться» пришлось ему первому.

Боевой разоблачительный дух веял в зале. Михаил Калашников, услышав в докладе многое дословно взятое из его «докладных записок», особенно старался. Он призвал «подвергнуть строгой проверке всю марийскую литературу; добиться, чтобы враги не могли использовать ни одно наше произведение в своих вражеских целях. А ведь «Йыланда» Чавайна долгие годы было знаменем буржуазных националистов».

С. Г. Чавайн, когда его уже кругом обложили, последним напряжением сил завершил работу над второй частью романа «Элнет». Они с женой работали дни и ночи. Татьяна Алексеевна прямо из-под рук мужа печатала страницу за страницей на машинке. Сложив готовую рукопись в папку, он сам лично решил отвезти ее в Москву. К тому же ему в Управле-

нии искусств в середине мая дали командировку в Москву и Ленинград посмотреть оперные спектакли и для консультаций с либреттистами. 17 мая он выехал в Москву (15, с. 76). Но ничего там посмотреть и продолжить творческую работу Чавайну не пришлось.

Приехав в Москву (видимо, это было 19 мая), он сразу же зашел в Марийское представительство. Работавший там А. М. Бирюков показал ему газету «Марийская правда» от 17 мая со статьей «Путь предательства и измены». Это был «отчет» Айзенворта с собрания писателей с злобными ругательствами и нападками на «националистов» наподобие Чавайна и на их защитника И. П. Петрова. И сказал А. М. Бирюков: «Неужели съедят Ивана Петровича? Тогда все пропало». С. Г. Чавайн, конечно, понимал, что «пропало» в первую очередь для него, потому что Петров был единственным человеком, который отводил от его головы занесенный топор.

Об этих днях в 1956 году написал композитор Я. А. Эшпай в своем «Объяснении», данном КГБ.

«Я, композитор Эшпай Яков Андреевич, проживающий в Москве по ул. Большой Бронной, 21, кв. 5, по существу заданных мне вопросов могу сообщить следующее:

Я знал писателя-драматурга марийца тов. Чавайна Сергея Григорьевича, с которым встречался в гор. Йошкар-Ола и на его пьесы писал музыку, например: «Акпатыр» и «Марийская рота», которые шли с большим успехом в Маргостеатре. Особенно всем понравилась пьеса «Акпатыр», поставленная в дни 15-летия юбилея МАО.

Председатель Облисполкома нас вызвал (тов. И. П. Петров) к себе и предложил нам писать оперу на марийский сюжет. Мы дали согласие написать такую оперу, которая отразила бы жизнь марийцев, как участников пугачевского движения. С. Г. Чавайн мне сюжет рассказал и дал несколько песен-арий героини Элави (так была названа и опера). В 1937 году Чавайн приехал в Москву, зашел ко мне с командировкой обоим нам в Ленинград, чтобы там послушать и посмотреть советские оперы, и в Закавказье, где шли оперы грузинские, армянские, азербайджанские. Но на другой день он зашел ко мне и сказал, что его вызывают обратно в г. Йошкар-Олу, приехал человек за мной. Так после того дня я с ним не виделся, ибо он был арестован. Из Йошкар-Ола мне сообщили, что либретто и сюжет Чавайна сняты. При встречах с Чавайном в Йошкар-Ола мы беседовали главным образом о нашей совместной работе над оформлением пьес, он сам иногда давал песенный фольклорный материал, напевая песню, или инструментальную мелодию — их знал он много. Также я писал на его стихи песни, которые теперь не поются. Наши беседы касались о прошлом марийского народа как собирателей фольклора,— я песенного, а он словесного — пословицы, поговорки, сказки и предания.

На политические темы разговоров у нас не было. Разговоры всегда велись чисто профессиональные, творческие. Никаких антисоветских высказываний, а также националистических высказываний мне никогда от него слышать не приходилось. Как все мы, работники национальной культуры, он любил свой народ и писал много о нем и о его жизни. Он был любимым марийским писателем, его пьеса «Мӱкш отар» («Пчельник») была любимой пьесой народа.

Другого о С. Г. Чавайне сообщить ничего не могу.

16 мая 1956 года. Я. Эшпай (подпись)» (14).

История с попыткой создания первой марийской оперы завершилась тем, что после ареста Чавайна работа над оперой, естественно, была прервана.

29 июня 1937 года президиум исполкома республики принял новое постановление: «О договоре на создание марийской оперы». Оно гласило:

«1. Договор с Чавайном на составление либретто марийской оперы расторгнуть, в связи с этим выполнение договора с композитором Эшпаем временно приостановить.

2. Поручить тов. Сапаеву (который в это время недолго перед арестом исполнял должность начальника Управления по делам искусств.— *К. С.*) отозвать все имеющиеся материалы Чавайна и о своих заключениях доложить президиуму исполкома.

3. Одновременно поручить тов. Сапаеву проработать вопрос о привлечении писательских и композиторских сил по составлению либретто марийской оперы».

Яков Андреевич Эшпай, живший в Москве, к счастью, репрессирован не был. Он, как говорится, «лег на дно» и длительное время не давал о себе знать. В качестве компенсации за аванс он представил в 1938 году несколько произведений, которые, видимо, являлись заготовками к опере: песню для хора «Сар кырык» («Желтая гора»); «песню и марш на слова Чавайна», но последние, по документам Управления по делам искусств, «не были приняты», и их судьба не известна.

Но мы немножко забежали вперед, увлеченные судьбой первой марийской оперы, так и не состоявшейся.

А сейчас, 25 мая 1937 года, как только Сергей Григорьевич возвратился в Йошкар-Олу, он был отведен в здание НКВД. Там ему был предъявлен такой документ:

«Постановление о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения.

1937 г. мая 25 (было напечатано — «19», но переправлено чернилами, значит — Чавайна собирались арестовать еще 19 мая.— *К. С.*) дня, г. Йошкар-Ола, УНКВД по МАССР.

Я, оперативный уполномоченный 3 отдела УГБ сержант госбезопас-

ности Перов, рассмотрев следственный материал по делу № (не проставлено.— *К. С.*) и приняв во внимание, что гр. Чавайн Сергей Григорьевич достаточно изобличается в том, что являясь членом контрреволюционной националистической организации, проводил свою вредительскую работу в марийской литературе, осуществлял идею организации об отторжении МАССР от СССР и образовании Угро-Финской Федерации под протекторатом Финляндии, с каковой целью связывался с буржуазными националистами угро-финских племен и финскими фашистами, поэтому постановил: гр. Чавайна Сергея Григорьевича привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58, п. 10 и 11 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей».

Постановление утверждено Начальником Управления НКВД А. И. Карачаровым, арест санкционирован прокурором республики В. Быстряковым.

Тут же оперуполномоченным Егоровым был произведен личный обыск арестованного, в результате чего были изъяты паспорт и членский билет Союза писателей.

По ордеру № 4124 другой оперуполномоченный Макаров вместе с помощниками Ореховым и Пономаревым в это время провел обыск по адресу проживания С. Г. Чавайна: ул. Коммунистическая, дом. 11, кв. 3. При этом, кроме Татьяны Алексеевны Чавайн, присутствовала в качестве понятой Ганешина Анна Васильевна. При обыске на квартире вместе с некоторыми документами (удостоверение депутата городского Совета, удостоверение члена Облисполкома, членский билет Союза писателей (старого образца), профсоюзный билет и др.) было изъято «разных писем на 55 полулистах, фотокарточек 10 штук, автобиография на 9 п/л; тетради с рукописями: общих — 6, ученических — 12, блокнотов с записями — 2; ...рукописей автора Чавайна — в 11 папках» (14).

Что было в них? Какие литературно-художественные открытия в них содержались? Этого мы не узнаем никогда, потому что все это затем было предано огню. Этой участи избежала только вторая часть классического романа «Элнет», что успел С. Г. Чавайн отвезти в Москву. В Москве, когда узнали об аресте писателя, кто-то вырвал титульный лист с фамилией автора и приклеил бумажку, написав на ней: «рукопись на цыганском языке».

К удовольствию работников НКВД, на квартире Чавайна было обнаружено 17 патронов, но «по устному заявлению гр-ки Чавайной патроны Эмиканова Виталия Алексеевича». Поскольку Сергей Григорьевич при обыске не присутствовал, копию протокола и описи обыска получила его жена.

Протокол первого допроса С. Г. Чавайна в день ареста очень краток: «Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвине-

нии по ст. 58—10 и 58—11 УК, т. е. в контрреволюционной националистической деятельности?

Ответ: Виновным себя не признаю».

В тот же день С. Г. Чавайн написал «Объяснение» и вручил проводившему допрос помощнику начальника 3-го отдела Воронцову.

«...На национальных съездах мари 1917—1918 годов я не бывал. В 1915—1919 годах работал в Туркестане, вернулся в ноябре 1919 года. В середине ноября 19 г. принят на работу в Моркинскую школу, работал один день — заболел тифом. В марте 20 г., после выздоровления, поехал в Казань.

Совершил две ошибки: в 1923 г. написал пьесу «Ямблат кӱвар» (издана в 1927 г.) и в 1927—28 гг. имел связь с группой Мендиярова — был на двух собраниях. Осенью 28 г. Мендияров уехал в Казань, затем в Козьмодемьянск. Виделись после этого только в 1934 г. в Горьком.

В 1931 г. я якобы посылал Степанова и Казакова в финскую миссию. Но у меня там нет знакомства...

Меня в этом деле удивляет одно: я никак не могу понять, на что можно надеяться, становясь против Советской власти. Я думаю, что власть Советов очень крепка, и не такой жалкой марийской националистической организации бороться с ней. Я думаю, если даже все взрослое население марийского народа было контрреволюционно, чего, конечно, быть не может, все равно это же капля в море. 0,5 миллиона и 170 миллионов! Говорят Финляндия! Но Финляндия, по-моему тоже пигмей. Остаются фашисты, но фашисты со своей расовой теорией совершенно уничтожат марийский народ, если дело дойдет до этого. Но надо быть сумасшедшим, чтобы допустить, что когда-либо фашисты, будь-то германские или финские, дошли бы до Марийской АССР. Ведь для этого нужно уничтожить не только СССР, но весь русский народ. Все это в моей голове не укладывается. Или я в самом деле схожу с ума. Всякую попытку, вернее, даже разговор об этом я считаю бредом сумасшедшего! Я это понимаю очень хорошо.

Понимаю также, что только советская система, руководимая Коммунистической партией, дает малым народам, таким, как марийский, все возможности национального равноправия и развития культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Только при Советской власти я мог творчески развернуться. Ведь до революции у меня была напечатана только одна книжонка в 32 стр. малого формата и 3 стихотворения в Календарях за 1908, 1909 и 1910 г., в 1910 г. вместе с покойным Ипатовым составил «Третью книгу для чтения».

Я сейчас работаю не за страх, а за совесть. Я считаю себя вполне советским человеком. Я ничего не хочу, только дайте мне спокойно работать. Я своей личностью не дорожу. Я пожил на свете — мне 49 лет — видел и горе и радость.

Есть у меня одно большое чувство. Это любовь к своему марийскому народу. Если любовь к своему народу есть преступление, то карайте меня. Вам виднее. Если считаете, что я еще могу быть полезным для марийского народа и Советской власти, дайте мне возможность работать-творить, ибо лишиться возможности творить для писателя хуже смерти» (14).

Любовь к своему народу посчитали большим преступлением и покарали. Но не сразу. А решили еще поизмываться над человеком, увидев его мягкость, податливость.

На этом «объяснении» руководитель НКВД Марийской АССР А. И. Карачаров красным карандашом наложил резолюцию: «Т. Воронцову. Поручите вести допрос т. Похвалову. Учтите, что он к показаниям подготовлен. Разработайте вопросник предварительного допроса и согласуйте со мной. 25/V-37 (подпись)».

Мы не можем восстановить, что предшествовало и сопутствовало написанию С. Г. Чавайном «объяснения», так и допросу, проведенному Похваловым на следующий день. Но 26 мая Похваловым заполнена лишь анкета допрашиваемого. Нам известно, что почти все безрезультативные допросы протоколами не оформлялись. Также мы знаем, чем сопровождались допросы.

Если у кого-то из читателей вызовет отрицательные эмоции чтение протоколов последующих допросов,— не забывайте, в каких условиях это происходило. Не все люди одинаково сильны духом и телом под пытками. Что ж, и Сергей Григорьевич Чавайн их долго не выдержал. Но было бы несправедливо за это его попрекать, зная, какие зверские методы применялись тогда, чтобы выколотить «признание». Можно предположить, что 26 и 27 мая он еще проявлял терпение и твердость, и Похвалов не мог его окончательно сломать. Тогда 28 мая за дело взялся сам Карачаров, ему помогал тот же Похвалов, а также указано в протоколе, что «участвовал в допросе прокурор республики Быстряков» (и есть его подпись, как и на ордере на арест Чавайна).

Читаем протокол допроса 28 мая:

«Вопрос: На первом допросе Вы отрицали существование подпольной националистической организации на территории МАССР и свое участие в этой подпольной организации. Следствие требует от Вас правдивых показаний.

Ответ: На первом допросе я дал ложные показания, отрицая как существование на территории Марийской АССР подпольной националистической организации, так и свое участие в этой подпольной организации. Обдумав этот вопрос, я пришел к заключению рассказать следствию правду. Мне известно, что на территории Марийской АССР существует подпольная националистическая организация и я являюсь членом этой подпольной организации. В нее я был завербован в 1927 году Мендияро-

вым, он знал меня по произведению «Ямблат кӱвар», которое было знаменем националистов».

С. Г. Чавайн показал, что организацией в 1927—1931 гг. руководили Л. Я. Мендияров и М. И. Веткин, после ареста первого его заменил В. А. Мухин.

В это время, в конце мая 1937 года, Ч. И. Врублевский и А. И. Карачаров усиленно искали компромат на председателя исполкома И. П. Петрова, чтобы добить его на открывавшейся 29 мая областной партийной конференции. Как и от других арестованных, от Чавайна Карачаров требовал показаний на Петрова. И добился: С. Г. Чавайн сказал, что с 1934 года (когда И. П. Петров вернулся из Нижнего Новгорода на должность председателя облисполкома), он «подключился» к руководству подпольной организацией.

В протоколе записано несколько случаев встреч и разговоров Чавайна с Петровым, которые можно было использовать как факты поддержки председателем исполкома «националистов» (он на самом деле всячески старался помочь марийской интеллигенции, но поскольку к этому времени практически вся марийская интеллигенция была объявлена «националистической», «контрреволюционной», то любой факт доброго отношения к ней мог интерпретироваться как поддержка «националистов»).

Протокол от 11 июня (допрос снова вели Карачаров с Похваловым) содержит довольно подробные оценки книг, статей, учебников, написанных В. Мухиным, Н. Мухиным, Ф. Егоровым, Г. Кармазиным, Мичуриным-Ятманом, из чего вытекало «восхваление старой жизни», а в конечном итоге — «вредительство на культурном фронте». Протокол от 15 июня в основном посвящен выяснению связей марийской интеллигенции с Финляндией.

Последний протокол допроса заполнен 20 июня. Он, пожалуй, самый подробный: содержит характеристики 26 человек с точки зрения их взглядов, настроений, отношения к политике Коммунистической партии и Советского правительства.

Судя по «делу», больше С. Г. Чавайн не допрашивался. Имеются лишь выдержки из других показаний, где он упоминался. В «деле» нет и обвинительного заключения.

«Выписка из протокола № 21 заседания Тройки НКВД Марийской АССР от 10 ноября 1937 года.

Слушали: ...7. Дело НКВД МАССР № 8709 по обвинению контрреволюционной националистической троцкистско-бухаринской, повстанческо-террористической, диверсионно-вредительской и шпионской организации:

...25. Чавайн Сергей Григорьевич, 1888 года рождения, служащего, бывшего зав. литературной частью Маргостеатра, исключенного из членов ВКП (б), не судимого.

Обвиняется в том, что входил в состав руководящего ядра подпольно-националистической организации, продвигал буржуазно-националистическую идеологию через литературу и искусство в марийское население. Участвовал в подготовке террористических актов над отдельными руководителями ВКП (б) и Совправительства.

Постановили: Чавайн Сергея Григорьевича расстрелять» (14).

Рядом с этим документом в «деле» подшит другой, в котором зафиксировано, что приговор приведен в исполнение 11 ноября 1937 года в 20 часов.

В 1956 году, когда был поставлен вопрос о реабилитации С. Г. Чавайна, была создана экспертная комиссия Союза писателей в составе: С. Н. Николаев, С. А. Вишневский, А. А. Асылбаев, Т. Г. Апатеева и Н. И. Казаков. Разумеется, она высказалась за реабилитацию писателя, в целом положительно оценила его творчество, но с оговорками:

«Явно националистических и других грубых идейных ошибок в них (основных произведениях, проанализированных комиссией.— *К. С.*) нет, за исключением некоторых произведений раннего периода и произведений, посвященных исторической тематике («Ямблат кӱвар», Йыланда», «Патыр-шамыч»), где имелись идейные срывы и некоторые националистические тенденции, которые автор сам признавал и в дальнейшей своей работе, т. е. в последний период своего творчества, их не повторял, при переизданиях подобные произведения в свои книги не включал.

По ходу изложения авторы этой «справки» называют идейной ошибкой Чавайна перевод из Мережковского «Сакия Муни» (Это — переложение одного из мифов древнеиндийского эпоса); стихотворение «Ото» переводят не «Роща», а «Мольбище» и указывают, что автор «благоговейно склоняет свою голову перед богом, восхваляет молящегося в роще марийца...». О рассказе «Ямблат кӱвар» сказано, что там есть «неправильные формулировки, необдуманные выражения, которые давали повод для обвинения Чавайна в националистических тенденциях, хотя объективно автор не ставил такую цель».

Эксперты, воспитанные в духе идейно-эстетических критериев 30-х годов, оценивали творчество классика с позиций того времени и вынужденные под пытками «признания» Чавайном своих «ошибок» выдавали даже в новых условиях за эволюцию нравственно-художественных принципов писателя, за показатели того, как он якобы «исправлялся» (14). К слову сказать, подобные оценки (в частности, «Ямблат кӱвар») сохранились во всех книгах по истории марийской литературы, в том числе в школьных учебниках.

16 апреля 1956 года Юрию Чавайну, по его заявлению о судьбе отца, сообщили, что Сергей Григорьевич Чавайн умер в местах заключения 16 октября 1942 года от кровоизлияния в мозг. Этот выдуманный «факт» был

зарегистрирован в Йошкар-Олинском ЗАГСе 15 августа 1956 года. Лживая дата смерти писателя была включена во все издания о нем, была высечена и на постаменте памятника Чавайну в Йошкар-Оле на бульваре его имени. И только 30 апреля 1988 года в Йошкар-Олинском ЗАГСе была зарегистрирована правдивая дата смерти Сергея Григорьевича Чавайна и к 100-летию со дня рождения она была выбита на постаменте памятника.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Чавайн С. Г.* Ойпого. Йошкар-Ола, 1957.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ), ф. 1 п, оп. 1, д. 57.
3. ГАРМЭ, ф. 1 п, оп. 1, д. 61.
4. ГАРМЭ, ф. 1 п, оп. 1, д. 63.
5. ГАРМЭ, ф. 1 п, оп. 1, д. 68.
6. ГАРМЭ, ф. 1 п, оп. 1, д. 109а.
7. *Сапуков К. Н.* Иван Петров и Николай Ежов: противостояние // Марийский археографический вестник, 1992, № 2.
8. ГАРМЭ, ф. 1 п, оп. 4, д. 244.
9. Трагедия народа. Книга Памяти жертв политически репрессий Республики Марий Эл. Том II. Йошкар-Ола, 1997.
10. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Марий Эл. Арх. дело № 1761.
11. *Чавайн.* Тӱнгалтыш литератур книга. Йошкар-Ола, 1932.
12. Архив УФСБ. Арх. дело № 2339.
13. Полное собрание русских летописей, т. XIX.
14. Архив УФСБ. Арх. дело № 377.
15. Певец народа. Воспоминания и документальные очерки о С. Г. Чавайне. Йошкар-Ола, 1988.
16. ГАРМЭ, ф. 1 п, оп. 4, д. 246.
17. АРХИВ УФСБ. Арх. дело № 599.
18. ГАРМЭ, ф. 95, оп. 1, д. 38.
19. ГАРМЭ, ф. 1 п, оп. 4, д. 198.
20. ГАРМЭ, ф. 1 п, оп. 4, д. 213.
21. Архив УФСБ. Арх. дело № 1758.

Xenophont Sanukov

S. G. Chavayn: Difficult destiny changes
(to the 110 th anniversary)

Life and creative work of the founder of Mari literature Sergey Chavayn were difficult. In 1915–1919 he worked as a teacher in Turkestan, where he left for to escape call to military service in the Tsar Army and being sent to front. He returned to the native place and while working in the publishing house as an editor of the newspaper he joined the Communist Party (because only the member of the Party could hold this post). But he left it because of his pacific convictions in this way protesting against military education (members of the Party had to take part in this action).

In 1923 the play was screened on his work «Yamblat kyuvar» (Yamblat's bridge) which was later declared to be nationalistic. At the end of 20 tis — the beginning of 30 tis Chavayn was forced to adjust himself to demands of socialist realism, Party-spirit in literature and to become «proletarian» poet. In 1931 he was reckoned in the group of «federalists», who supposedly wanted to draw the Mary Autonomous Region away from the USSR and to form Finno-Ugric Federation under the protection of Finland. But he wasn't arrested then. In 1936 Sergey Chavayn together with Osip Shabdar and Olyk Ipay wrote on the instruction of Regional Committee of the Party the poem «The letter to Stalin» in the name of Mari people. He was the author of the historical part where he described conquest of the Mari Land by the Russians and heroic resistance of Maris. The work wasn't published. At that time he created his masterpiece: the tragedy «Akpatyr», the novel «Elnet» and began to write the libretto of the first Mari opera. On the 25 of May 1937 Sergey Chavayn was arrested. Demonstrative are his words: «I have one great feeling. This is love to my Mari People. And if love to one's people is crime, then punish me». On the 11 of November 1937 Sergey Chavayn was shot. At the same time 18 notebooks and 11 cases with manuscripts were burnt up.

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Сергей Николаев
Саранск

МОРДОВСКАЯ СЕМЬЯ ПО СТАТИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ I ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (на примере Ардатовского и Краснослободского уездов)

В первой половине XIX века для мокши и эрзи было характерно разнообразие семейных форм, что в какой-то степени объяснялось некоторыми различиями в социально-экономическом и культурном развитии отдельных регионов с преимущественно крестьянским населением. В начале этого столетия в мордовской деревне, которая еще была довольно слабо втянута в систему товарно-денежных отношений, сложные семьи различных типов, состоящие из трех-пяти поколений, занимали значительное (если не преобладающее) место. Наряду с ними существовали и простые семьи, которые в дальнейшем нередко разрастались в сложные, а те вновь делились на простые. В уездах Мордовии в рассматриваемый период были характерны двух- и трехпоколенные семьи. Мордовская семья этого периода отличалась большим числом детей как за счет значительного распространения ее сложных форм, так и из-за многодетности многих брачных пар.

Семья мокши и эрзи отличалась коллективным характером собственности и потребления. Строгая иерархия членов большесемейного коллектива в соответствии со старшинством поколений, полом проявлялась в организации труда в хозяйстве и дома, в каждодневном и обрядовом поведении, в очередности вступления в брак и т. д. Роль мужчин как основных добытчиков средств существования ценилась в мордовской семье и обществе выше роли женщин, что отнюдь не означает принижения роли последних.

Во внутренней организации многопоколенной семьи в процессе ее развития (разрастания) возникали серьезные противоречия. Глава семьи по возможности старается как можно дольше задержать выделы сыновей, так как в мелком, технически отсталом хозяйстве физическая сила и сноровка, простая кооперация труда оставалась важной производительной силой. Сыновья же, получая определенные возможности для заработка на стороне, начинают утаивать или явно присваивать часть его и стремятся

к самостоятельности. Женщины постепенно начинают сознавать несправедливость своего неравноправия (прежде всего именно в больших семьях, где оно чувствуется острее) и по-своему поддерживают мужей в их желании отделиться. На противоречиях между коллективным трудом членов семьи и частным характером его присвоения, между частной собственностью главы семьи и стремлением его сыновей выделить для себя доли возникает авторитарный строй сложных семей. Каждая брачная пара в них сплочена намного больше, чем сама неразделенная семья и имеет тенденцию к отделению. Однако выделы чаще всего довольно надолго задерживались.

Правительство усматривало главную причину семейных разделов в стремлении избежать рекрутской повинности. Следует отметить, что мордовское и марийское мужское крестьянское население бралось в рекруты наравне с русскими по закону Петра I с 1722 года. Причем, никаких особых льгот от призыва мордва не имела. Именно с этого времени наряду с выплатой подушных денег мордва и черемисы должны были исполнять и рекрутскую повинность. Следует отметить, что по постановлению 1802 года (помещено в ПСЗ, Т. 27, §19190) удельные крестьяне отправляли рекрутскую повинность особо от прочих. По всей видимости, речь идет о каких-то определенных родах войск. Кроме того по постановлению № 22668 (ПСЗ, Т. 29) 1806—1807 года местному начальству предлагалось не входить во внутренний «между удельными крестьянами разбор касательно рекрутской повинности». В зависимости от необходимости наполнения армии набор производился различный: в одном случае с 500 душ одного, двух рекрут, в других — четырех. В набор попадали как холостые, так и женатые мордовские крестьяне.

Вполне возможным основанием разделов могли быть и сильное разрастание семьи, и жесткие внутрисемейные отношения, и усложнение взаимоотношений межличностного характера (неуживчивость и ссоры снох, возможное униженное положение зятя, споры из-за главенства в неразделенных семьях — особенно часто они могли возникнуть в братских и «смешанных» семьях).

На сегодня многими исследователями принята точка зрения, что общая тенденция семейных коллективов заключалась в разрастании малых (простых) семей в неразделенные, которые со временем вновь делились на малые (1). Так, А. А. Столяров, схематически выразив этот процесс в форме «малая семья-неразделенная I — неразделенная II — сложная неразделенная-малая», предложил назвать данный характер развития семьи «пульсирующим» (2, с. 117). Не вдаваясь в рассуждения о названии данного процесса, о способе его выражения, рассмотрим некоторые стороны этого явления на основе обследованных семейных разделов мордовско-мокшанских крестьянских хозяйств за период с 1816—1850 гг. При

этом считаем необходимым и целесообразным разделить его на два временных отрезка: 1816—1834, 1835—1850 гг. То есть временной границей будет являться год проведения ревизии, что позволит, по нашему мнению, в сравнительном плане раскрыть динамику семейных разделов между тремя ревизиями, рассмотреть, какие типы семей особенно подвергались дроблению. С этой целью нами привлекаются документы военно-статистического учета населения (рекрутские списки), которые будут сопоставляться с материалами 8 и 9 ревизий (3), что позволяет выяснить тип распавшегося семейного коллектива. К сожалению, эти материалы (списки рекрут) выявлены сегодня только по двум волостям Краснослободского уезда — Малоязяською (4, д. 78, л. 8—65, 67—2125, 127—256, 395—415) и Никольской (5, д. 79, л. 110—128, 83—108, 130—152). Однако и эти материалы, на наш взгляд, не только могут достаточно полно осветить эту проблему у мордвы-мокши, но и в определенной степени позволяют определить возможные изменения в семье эрзянского населения.

Наиболее ранние семейные разделы в семейных списках рекрут относятся к 1824 году. В этот год семейный коллектив Дмитрия и Михаила Емельяновых и их дяди Ефима Ильина в селе Волгапино и двор Дениса Захарова, где проживал также его двоюродный брат Василий Николаев, в селе Поникедовка разделились на более простые формы семьи (6, л. 130, 111). В первом случае это неразделенная семья «смешанного» типа (братья-дядя), во втором — братского типа. Всего со времени фиксирования первых разделов (1824 год) до времени проведения восьмой ревизии (1834 год) включительно отмечена 41 неразделенная мордовская крестьянская семья, которые распались на 87 более простых по структуре семейных коллективов.

Анализ их по родственному составу выявляет следующие виды распавшихся домохозяйств.

В данный период разделы в основном произошли в братских семьях различного родственного состава — в 23 их 41, что составляет 56, 1%. В своем большинстве это женатые братья с детьми (11—26,8%) и женатые братья с женатыми детьми и внуками (8—19,5%). Далее следуют сложные неразделенные семьи «смешанного» типа, где наряду с кровным родством нередко встречается и свойство (10—24,4%). Наименее подверженными изменениям оказались неразделенные отцовские семьи (8—19,5%). Что этому могло способствовать? Как нам кажется, именно среди братских коллективов много чаще могли возникнуть различного рода обиды (например, если у одного из них больше детей, то другой мог упрекать второго в том, что и он их кормит, споры из-за старшинства, если, например, младший мог быть более хозяйственным и лучшим организатором и т. д.). Видимо, поэтому они и более склонны к частым изменениям. Целостность же неразделенных семей отцовского типа сохранялась

главами семей, которые стремились ко всемирному усилению экономической мощи своих хозяйств, требовавших значительного количества рабочих рук. Кроме экономических причин, играли роль и общинные традиции.

Во второй группе («смешанный» тип) наличие старшего поколения (авторитет старшинства у мордвы был довольно сильно развит) несколько сдерживало распад семей.

В третьей группе во главе двора стояли отец или мать (хотя в случаях с вдовой указывался ее сын). Их высокий авторитет и власть над детьми и внуками способствовали укреплению семьи. Можно предположить, что в данных семьях произошел не раздел, а выдел, что в принципе не одно и то же. Домохозяин (кудазор) мог отделить или выделить сына (или сыновей) из-за сильного разрастания и усложнения своей семьи. Наиболее вероятно, именно это чаще всего и происходило в трех-четырехпоколенных семействах, когда наряду с хозяевами проживали их женатые сыновья, внуки, а нередко и правнуки.

Образовавшие 87 семей имели свою родственную структуру. Неразделенных семей из их числа было 36 (из них 27 отцовского и 9 братского типа), простых — 51. Среди малых чаще всего встречались супруги с неженатыми детьми (36—41,4%) и супруги с детьми (или без них) и малолетними братьями и сестрами (8—9,2%).

Семейств с неразделенными типами даже относительно числа разделившихся дворов оказалось несколько меньше и они составили 41,4% от общей численности вновь образованных коллективов.

Анализ материалов по поколенному составу показывает, что с 1824 по 1834 годы в основном делились семьи трех- (21—51,2%) и двухпоколенные (17—41,5%). Четырехпоколенные вследствие их малочисленности занимали довольно незначительное место. После раздела этих дворов во вновь образованные преобладающими становятся двухпоколенные семьи различных вариантов. Вследствие того падает число трехпоколенных почти наполовину (с 51,2 до 29,9%). Возникает также (в результате дробления большесемейных коллективов) некоторое число и однопоколенных, которые представлены одиночкой и супружеской парой без детей.

В связи с этими процессами разделов меняется и внутренняя структура семейств по численности брачных пар. В количественном отношении среди разделившихся домохозяйств преобладающими были семьи с двумя брачными парами (16—39%). Далее следовали неразделенные семьи с тремя (13—31,7%) и пятью (5— 12,2%) супружескими союзами. Несколько меньше их с четырьмя и шестью-девятью брачными парами.

В результате разделов превалирующими становятся семьи с одной брачной парой (50—57,5%). Появляется одна семья, представленная одиночкой. Домохозяйств с большим количеством пар стало меньше: из них

с двумя — 20 (23%), с тремя — 12 (13,8%), с четырьмя — 4 (4,6%). Если до разделов встречались семьи в пять-девять супружеских союзов, то в окончательном варианте максимальное количество пар в одной семье достигло только четырех. Семейные коллективы от 10 до 35 составляли большинство разделившихся (32—78,0% от общего количества). Дворов, меньших по размерам, насчитывалось 9 (21,9%). В результате изменений, повлекших за собой уменьшение численности членов мордовского крестьянского двора, на первый план выходят хозяйства с 1 до 9 человек (73—83,9%). Только чуть более одной восьмой части составили дворы с 10 и более членами — 14 (16, 1%). Налицо тенденция уменьшения числа многолюдных дворов и увеличение малочисленных (по числу членов) семейных коллективов.

Таким образом, можно констатировать следующее. К 1834 году несмотря на специальные правительственные постановления 1822 и 1833 годов, направленные на сдерживание семейных разделов (неразделенных различного типа), они продолжались как стихийно (самовольно), так и с утверждением их на сельских сходах. В количественном отношении по всей вероятности преобладали первые.

В результате такого процесса эти коллективы в большинстве случаев распадаются на малые (простые) семьи, которые во вновь образованных семьях становятся преобладающими.

Эти изменения коснулись всех типов неразделенных семейств (одних — больше, других меньше) и отразились не только на семейно-родственном составе, но также на поколенной, численной, брачной структуре. Произошло упрощение всех этих структурообразующих элементов.

Однако, на наш взгляд, значительного влияния на коренные изменения в структуре и типологии мордовских семей исследованных населенных пунктов (вполне возможно и в целом уезда) в данный период времени (с 1824 по 1834 гг.) эти разделы не могли оказать из-за их незначительного количества — разделилась всего 41 семья из общего числа — 603, что составляет 6,8%. То есть, за одиннадцать лет произошло в среднем 4 семейных раздела в год. Из 17 обследованных сел и деревень с мордовским населением Краснослободского уезда на один населенный пункт приходилось 2,4 разделившихся семей, т. е. эти величины очень незначительны.

Период между восьмой и девятой ревизиями характеризуется достаточно заметным увеличением количества разделов сложных семей различного типа. Если между VII и VIII таких случаев отмечено 41, то между VIII и IX ревизиями в тех же селах и деревнях Краснослободского уезда их число возросло почти в четыре раза и составило 163 домохозяйства.

При сравнении ревизии 1850 года с рекрутскими материалами можно установить, что изменениям подвергалось 163 (или 20,1%) из 809 наличных крестьянских семей. То есть, в значительном числе мордовских домо-

хозяйств изменился не только тип семьи, но и все сложившиеся ее структурообразующие элементы. В связи с этим следует отметить, что если материалы VIII ревизии представляются нам достаточно достоверными, то к переписным листам IX ревизии (не говоря уже о X — ко времени последней количество семейных разделов бесспорно и однозначно увеличилось) следует подходить весьма осторожно и по возможности корректировать их по материалам военно-административного и церковного учета.

Также отметим, что достаточно значительная часть разделившихся домохозяйств в ревизских материалах не была отмечена (по всей вероятности, именно из-за их непризнания сельскими общинами). По-видимому, это произошло из-за некоторых правительственных постановлений, которые в некоторой степени регламентировали процесс семейных разделов и которые были направлены на сохранение общей численности рекрут на территории России.

Достаточно полно данная регламентация просматривается в правилах об очередности рекрутских наборов 1837 года, где отмечалось, что «всякий раздел семейства, произведенный без разрешения Казенной Палаты ни в какое уважение не принимать..., но все таким образом отделившиеся семейства считать по-прежнему за одно семейство при отправлении всех видов повинностей и пошлин» (7, с. 135—136). Сама приведенная выдержка из этих правил говорит о том, что существовала определенная часть неразделенных семей только на бумаге. На самом же деле в их составе уже наличествовали самовольно отделившиеся семьи различного типа. Следствием этого обязательно фиксируется фиктивное увеличение средней численности семьи и несовпадение доли различных типов и вариантов больших и малых семейных коллективов.

Больше всего вновь, как и прежде, изменились семьи женатых братьев с женатыми детьми и внуками — 23,3%. Если сюда же включить женатых братьев с детьми (без внуков), то их насчитывается 87 (53, 4%). Как видно, эта группа неразделенных семейств в плане внутренней организации оставалась наименее крепкой.

За ними следуют варианты сложных семейных коллективов «смешанного» типа, где наряду с прямым кровным нисходящим родством существовало боковое нисходящее (нередко восходящее) родство, реже свойство. Они также занимают значительное место, составляя 54 семейных коллектива (33,2%).

Отцовских неразделенных семейств с прямым кровным нисходящим родством было значительно меньше — 22 (13,5%). По устойчивости внутреннего патриархального строя они оказались намного сплоченнее иных сложных по структуре домохозяйств.

По поколенной структуре разделившиеся семьи выглядели следующим образом.

Наиболее слабыми по причине излишней величины и, в связи с этим, усложнения внутрисемейных отношений, оказались дворы с тремя поколениями. Они составили 100 хозяйств (61,4%) от общего числа исследуемых разделившихся дворов. Далее следуют семьи с двумя поколениями — 47 (28,8) и четырьмя — 15 (9,2%). Представлен один однопоколенный семейный коллектив. По родственному составу он состоял из женатых братьев с младшими братьями и сестрами.

Среди разделившихся дворов преобладали семьи с довольно значительным количеством брачных пар.

Разделы произошли даже в хозяйствах, где в наличии только одна брачная пара — супруги с детьми и племянниками и супруги с детьми и родственниками жены. В результате появилось 2-е одиночек. Далее отметим семейства с двумя брачными союзами, которые незначительно, но выделяются из общей массы изменивших свою структуру: их 39 (23,9%). Однако чаще всего дробление происходило в домохозяйствах со значительным количеством брачных пар — от трех до десяти. Всего подобных дворов 122 (78,8%). Достаточно интересен тот факт, что дворы с одинаковым количеством супружеских пар давали различное количество семей — новообразований. Например, женатые братья с детьми (внуками) и дядей (или снохой-вдовой дяди) с детьми (внуками) дали совсем различные варианты разделов: а) два самостоятельных семейных коллектива — с пятью и шестью брачными союзами (3, д. 78, л. 219 об.—220); б) четыре семьи — с одной, двумя, тремя и четырьмя супружескими парами (8, л. 24). По всей видимости, внутрисемейная обстановка в различных коллективах была далеко не одинаковой, что и способствовало различиям по числу разделов в крестьянских дворах даже с одинаковой брачной структурой.

По численности разделившаяся мордовско-мокшанская семья насчитывает в своем составе в среднем 15,7 человека. По числу членов она варьирует в границах от 5 до 41 человека. Наибольшим изменениям подверглись домохозяйства, насчитывающие в своем составе 8—19 душ обоего пола (126—77,3%). Значительно меньше их количеством 5—7 человек (13—7,9%) и с 20 и выше членами (24—14,7%). Таким образом, по всей видимости, большинство типов неразделенных мордовских дворов в своей основе насчитывали от 10 до 20 человек. Логически (и нередко практически) семьи могли разрастаться и до больших величин, но в таком состоянии они долго продержаться не могли. В принципе, они в конце должны были стать неуправляемыми (или трудно управляемыми) в смысле внутрисемейных отношений. Трудности могли возникнуть в определенной мере и в воспитательном процессе, когда над детьми довлело несколько поколений воспитателей (прадед, дед, отец и т. д.). В ходе разделения 163 сложных домохозяйств на их основе образовалось 357 малых (моногамных) и неразделенных семей. То есть, относительно первоначальной их численность увеличивается более чем в два раза.

В результате интенсивных разделов братских вариантов большой семьи на их долю остается всего лишь 25 (7,3%) из 87 дворов (53,4%). Уменьшение составило более чем в 3 раза. Преимущественно за счет дробления их произошло повышение числа отцовских неразделенных семей (как во главе супругов, так и отца или матери). Их по уточненным данным стало 124 домохозяйства (34, 7%), а разделилось подобных типов всего 22 (13,5%). То есть, относительно последних в численном отношении они увеличились в 5,6 раза и стали преобладающими среди новообразованных неразделенных крестьянских дворов.

Существенные «потери» понесли «смешанные» неразделенные семьи, которые ранее занимали довольно значительное место — 54 двора (33,1%). После происшедших разделов их число сократилось до 30, что составило 55% от первоначального числа.

О других вновь образованных семьях можно сказать следующее. Из общего количества новых семей значительное место заняли малые семьи супругов с неженатыми детьми — 124 (34,7%). Столько же неразделенных семей отцовского типа. Среди простых семейных коллективов были и другие варианты: супруги (вдовцы, вдовы) с детьми (или без них), младшими братьями и сестрами — 18 (5,0%), отец или мать с неженатыми детьми — 13 (3,6%) и т. д. Отметим, что появились и хозяева-одиночки, хотя их и немного — 6 (1,7%). Все они мужского пола, которые, по всей вероятности, надеялись на свою крестьянскую хватку, силу, умение, если решились выделиться из большесемейных коллективов. Но вполне возможно, что это произошло не по их собственной воле и желанию, а по решению семьи в целом за определенные провинности.

В результате значительного дробления неразделенных крестьянских семей образовалось примерно равное количество простых (нуклеарных) семей — 181 (50,7%) и сложных неразделенных — 176 (49,3%). Относительно первоначального количества больших хозяйств (163 после происшедших разделов количество их несколько увеличилось — на 13 семейств (7,9%)). Весь процесс разделов шел именно в сторону образования малой (простой) семейной ячейки. По всей вероятности, немаловажную роль здесь сыграло стремление этих коллективов выйти из-под опеки господствующих в семейной организации патриархальных порядков, в надежде на создание своего собственного хозяйства. Налицо противоречие между сдерживанием этих разделов как правительственными постановлениями, так и, по-видимому, общиной, и ростом числа самовольных выходов из сложных семейных структур вариантов простого (моногамного) типа.

Второй аспект данного вопроса состоит в том, что братские и «смешанные» типы неразделенных семейств в процессе разделов шли в направлении образования вариантов отцовского типа, о чем уже было сказано. В итоге налицо направление в сторону более упрощенной структуры во

вновь образованных неразделенных семьях. Это упрощение достаточно четко заметно и в уменьшении количества брачных пар в семьях-новообразованиях.

В разделившихся семьях первоначально встречалось всего два хозяйства с одной брачной парой, после — 171. Увеличивается количество дворов с двумя — 99 (прирост в 2,2 раза), и тремя — 50 (прирост в 1,4 раза) супружескими союзами. Зато уменьшается за счет этого число домохозяйств с 4—6 и вообще исчезают дворы с 7 и более брачными парами. Появляется и несколько дворов-одиночек (без брачной структуры).

После происшедших процессов уменьшается средняя численность мордовско-мокшанского крестьянского двора. Она к середине XIX века по проанализированным материалам составила 6,6 человека (15,7 до разделов). Максимальное количество членов в семье остается 24 (2 двора) против 41 до дробления. Среди разделившихся семей не встречалось семьи ниже 6 человек. Теперь же среди вновь образованных после раздела семей с 1—5 членами достигают значительного числа — 158 (44,5%), с числом жителей 598 человек. По численности семей они составляют чуть меньше половины всех новообразованных, а по проживающему в них населению — одну четверть общего числа. Несколько увеличилось количество дворов с 10—12 членами и сократилось число домохозяйств, где проживало больше душ обоего пола. По численности преобладающими становятся дворы с 3—8 членами — 60,2% (бралась цифра наличия от 25 дворов и выше). Налицо уменьшение численности во всех вариантах вновь образовавшихся простых и неразделенных семьях различного типа.

Вариация семей, образовавшихся в результате разделов большесемейных коллективов различного типа очень разнообразна. Причем некоторые типы давали до 22 различных вариантов семейных разделов (III-х поколенные неразделенные), другие от 4 до 14. Это, по-видимому, было связано с неодинаковой внутренней обстановкой и, естественно, неодинаковыми экономическими показателями разделившихся домохозяйств. Труднее всего установить, что же все-таки произошло внутри этих групп-домохозяйств: раздел, выдел, отдел, отход, а это не одно и то же.

Р а з д е л в собственном смысле проводился обычно по смерти главы семьи. Отцовский дом поступал старшему из братьев, который обязан был взамен помочь остальным братьям выстроить дома и выплатить им стоимость их частей в неделимом имуществе. У старшего брата оставалась жить и мать-старуха.

В ы д е л происходил тогда, когда глава семьи в силу своих личных соображений или побуждений постоянными ссорами и неладами в семье решался удалить неспокойного члена семьи с выделом ему части имущества, размеры которого полностью зависели от него самого.

О т д е л проводился с обоюдного согласия родителей и отделившихся сыновей (сына). Они получали часть семейного надела земли, лошадь,

корову, овец, свинью и даже часть собранного хлеба. Отец помогал в строительстве дома для отделившегося сына или на своем дворе, или просто пристраивал к существующей избе еще три стены; в противном случае, за неимением места в родительском дворе, сельский староста с согласия мирского схода отводил особое усадебное место в конце селения (9). Отделы обычно растягивались на значительный срок, т. к. отделившегося сына нужно было обеспечить всем необходимым, хотя бы на самое первое время. По сообщениям респондентов, с родителями в случае выделов и отделов чаще всего оставался младший сын (женатый). В случае сложности выбора (все дети дороги для родителей) это решение изредка отдавалось на волю случая — сыновья вытаскивали жребий, кому оставаться в родительском доме. Привнесенный молодой снохой в виде приданого скот достаточно часто в раздел не входил и оставался на ее имени.

Отход совершался без разрешения главы семьи, а чаще всего в разрез с его волей. Случаев подобного рода немного, т. к. такое самовольство сопровождалось лишением непокорного сына всякой доли в имуществе. Он с семьей поселялся у соседей и жил чаще всего случайными заработками: наймом в работники к богатым крестьянам, пастухом, летом — поденщик, или же просто уходил на сторону. Иногда такому сыну удавалось путем сбережения и собственной усиленной работы накопить некоторую сумму денег, на которую покупал лошадь, определенный сельскохозяйственный инвентарь и брал в аренду участок земли (10).

К большому сожалению, материалы ревизий и рекрутских списков не отмечают, что же все-таки произошло внутри мордовских семей.

На изменение типологии и структуры мордовской семьи первой половины XIX века оказали влияние и некоторые другие, не менее важные, чем семейные разделы, причины и явления.

Бесспорно одно из них — действующая система рекрутской повинности, так как наряду с холостыми в набор попадали и женатые (и даже с детьми) (см. табл. 1).

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО МОРДОВСКИХ РЕКРУТОВ, ПРИЗВАННЫХ НА ВОИНСКУЮ СЛУЖБУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

УЕЗД	Год ревизии	Кол-во сел	Число рекрут	Из них			
				холостых		женатых	
				Абс.	%	Абс.	%
Краснослободский	1816	58	641	452	70,5	189	29,5
	1834	45	462	305	66,1	157	33,9
	1850	54	411	—	—	—	—
Ардатовский*	1816	21	301	186	61,8	115	38,2
	1834	47	706	483	68,4	223	31,6
	1850	35	573	—	—	—	—

*Материалы по Ардатовскому уезду извлечены из архивов ЦГА РМ (ф. 25) и Государственного Архива Ульяновской области (ГАУО) ф. 156.

Таким образом, в период между шестой и седьмой ревизиями семейные рекруты составили 189 человек (29,5%). Их численность по отдельным населенным пунктам варьирует от 13,3 до 56,2%. За тот же период в среде мордовского-эрзянского населения Ардатовского уезда по 21 населенному пункту их число составило 115 человек (или 38,2%).

За период между седьмой и восьмой ревизиями семейные рекруты у мокши составили 157 мужчин (33,9%), у эрзи несколько меньше — 123 (или 31,6%).

По девятой ревизии подобного рода расчеты нами не производились. Но если учесть, что средняя величина женатых (семейных) рекрутов по предыдущим ревизиям составляет примерно около 30%, то из 411 призванных мокшан они будут составлять примерно около 120—130 человек. По Ардатовскому уезду их число может достигнуть от 175 до 185 призванных на службу. Подтверждением 30%-го допуска могут являться данные по 8 населенным пунктам мордвы-эрзи, где из 134 рекрутов 43 были семейными, что составляет 31,1%.

Интересно отметить еще некоторые явления, которые прослеживаются в ревизских «сказках» относительно рекрутских наборов. В данных материалах у эрзи встречаются рекруты, идущие за другое семейство — 4 человека из трех населенных пунктов (11). В материалах рекрутских списков по Краснослободскому уезду у мордвы-мокши также отмечено 4 человека, причем трое — из села Синдрово (12). В эрзянской зоне в одном населенном пункте отмечен был рекрут, которого отправили на службу за «дурное поведение» (13). Кроме того, у мордвы-мокши села Колопино Никита Николаев отдан в рекруты за систематические «неплатежи налогов» (14), а в селе Дергановка — «по найму» (15).

К изложенному следует добавить, что участь семей мужчин, отданных в солдаты, и прежде всего их жен и детей, весьма мало интересовала как помещиков, так и Удел, и Казенное Ведомство. Юридически, вернее формально, жена солдата по призыву солдата на службу становилась свободной и даже могла следовать за своим мужем к месту его пребывания. Право «свободного выбора», т. е. следовать за своим мужем или «оставаться на прежних жилищах», прекращалось для солдаток лишь со смертью их мужей на службе: в этом случае оставшиеся на «прежних жилищах» не имели права покидать их и оставались в крестьянстве. Так писалось в правительственных указаниях. Но, как справедливо заметил известный русский статистик В. Э. Ден, солдатские жены, а равно и их дети — это самые «печальные фигуры среди различных элементов простого люда того времени» (16, с. 127). Оставшись без мужей, а тем более с детьми, солдатки, как правило, ничего не знали о них многие годы, живя где придется: чаще всего с родителями мужа, изредка — у своих родителей, а нередко и нищенствуя. Чаще всего же при патрилокальном типе поселения, кото-

рый наиболее был характерен для мордвы XIX века, она оставалась в семье своего мужа, где положение ее было достаточно тяжелым.

В целом следует отметить, что система рекрутских наборов больше всего влияла на численность, половозрастную структуру и полноту брачных пар, на производственную и производительную деятельность данных уездов, так как призывались молодые мужчины самого крепкого и работоспособного возраста, а это, в свою очередь, способствовало ухудшению благосостояния сельской мордовской семьи.

Немаловажное значение в плане увеличения численности мордовского крестьянского двора первой половины XIX века имеет естественный прирост населения (см. табл. II).

Таблица II

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОСЛОБОДСКОГО И АРДАТОВСКОГО УЕЗДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

УЕЗД	Год переписи	Число сел, по которым есть данные	В них		
			Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
Краснослободский	1816	58	1523	1075	1,4:1
	1834	45	4185	2106	1,9:1
	1850	—	—	—	—
Ардатовский	1816	35	1880	1029	1,8:1
	1834	43	7527	3054	2,5:1
	1850	21	3807	1558	2,4:1

Практически между всеми ревизиями прирост населения преобладал над его убылью. Следует отметить, что, судя по таблице, у мордвы-мокши в 1816 году прирост населения был все-таки незначительным. В отдельных населенных пунктах величина колебаний естественного прироста довольно различна. В Краснослободском уезде наибольший прирост в 1816 году отмечен в селе Мамолаево — 3,4:1 (52 к 15), наименьший — в деревне Шенгарино — 0,6:1 (5 к 9). У мордвы-эрзи колебания примерно такие же.

Восьмая ревизия отмечает довольно значительный прирост (особенно это заметно среди эрзян). И опять соотношение рождаемости и смертности в различных поселениях колеблется значительно. Так, если у мокши д. Малый Уркат оно составило 6,6:1 (33 к 5), то в д. Родькино рождаемость меньше, чем смертность — 0,8:1 (10 к 8). Интересно отметить, что в некоторых селениях, если по материалам 1816 года смертность была выше, то 8 ревизия зафиксировала обратную картину (например, в д. Шенгарино — родилось 54, умерло 18).

Ревизия 1850 года также отметила у эрзян Ардатовского уезда значительный прирост населения.

В целом по этому периоду отметим, что в большинстве населенных

пунктов эрзи и мокши в первой половине XIX в. рождаемость населения превышает смертность, что в немалой степени влияло на все структурообразующие элементы крестьянской семьи.

Бесспорно, что немалый процент убыли падает на женатую (замужнюю) часть населения (особенно старшего поколения), что изменяет поколенный состав, количество и полноту брачных пар, и даже сам тип семьи (например, в случае смерти отца семья из неразделенной отцовской может перейти в братскую или «смешанную» семью).

Рассмотрим еще несколько моментов, отмеченных в ревизских и рекрутских материалах. В числе наиболее важнейших следует отметить переселения мордовских семейств (одиночек, части или домохозяйства в целом) на новые места жительства. В качестве основных направлений переселений, отмеченных в архивных материалах, указаны Самарский, Сызранский уезды и просто Оренбургская губерния. В некоторых листах в графе «выбыл» отмечено «неизвестно куда». Причем отметим, что если мордва-эрзя предпочитала два указанных уезда, то мокшане населяли преимущественно Оренбургскую губернию.

Итак, регионы переселений мокши и эрзи были различны. В материалах ревизии 1834 года зафиксировано 39 семейств, которые переселились в Самарский, и 2 семьи в Сызранский уезды. В первом случае в них насчитывалось 134 человека, во втором — 7, все мужского пола. Считая число женщин примерно равным числу мужчин (19, с. 181—182), получаем, что общая численность переселившихся в первом случае 226, во втором — 14 человек обоего пола. То есть, средняя численность переселившихся семей могла быть в пределах 5,7—7 человек. Из 39 домохозяйств о 9 точно можно говорить как о различного типа неразделенных домохозяйствах (т. е. 23,7%). Можно предположить, что их число было несколько больше, так как не учитывалось женское население.

В архивных материалах по мордве-мокше можно встретить указания «разрешенное» или так называемое «самовольное» переселение. Причем последние в 1834 году занимали значительное место. Из 292 мокшанских дворов, поменявших свое место жительства, 98 выехали самовольно, без разрешения сельского схода, что составляет 33,9%, т. е. более 1/3 от общего числа. Самовольно могла выехать как целая семья, так и только его мужская часть (возможно, из-за этого и указывалось только мужское население).

Рассмотрим их по отдельности. Переселившиеся с разрешения сельского схода и вышестоящего начальства 194 семейства имели в своем составе 578 человек (или примерно 1156 душ обоего пола), что составляет 5,9 человека на одну семью. Из них установлено 57 домохозяйств различных неразделенных типов, что составляет 29,3% (возможно, было несколько больше).

В домохозяйствах — «самовольниках» насчитывалось 238 мужчин (или 476 обоего пола), что в среднем 4,8 человека на одну семью. Из них неразделенных типов 28 (28,3%) из 98.

Ревизия 1850 года отметила в Краснослободском уезде 199 переселившихся домохозяйств, которые насчитывали в своем составе 652 мужчины (или 1304 обоего пола). Это в среднем 6,5 человека на один переселившийся двор. Трудно судить, все ли эти домохозяйства уезжали с разрешения властей или без — подобного рода отметок ревизия не зафиксировала.

В целом следует отметить, что достаточно значительная часть переселенцев (до 30% и выше) были сложные семейные коллективы, что по-видимому, объяснялось нуждой и трудностями на месте заселения (особенно в первое время), где нельзя обойтись без значительного количества рабочих рук. Можно предположить, что часть малых семей шла тоже вслед за своими родственниками, которые переселились ранее. Косвенным подтверждением этого может являться то, что переселение шло в основном из одних и тех же населенных пунктов.

Отметим еще несколько названных в материалах ревизии причин, которые, возможно, не играют существенной роли в общей массе обследуемого материала, но достаточно существенно изменяют типологию и другие структурные элементы отдельных семей. К их числу относятся «пропал без вести» (мордва-эрзя: 1834 г.— 8, 1850 г.— 15 человек; мокша соответственно 5 и 8, «сослан в Сибирь» соответственно у эрзи 15 и 7, у мокши 15 и 5), кроме того встречается «в неизвестной отлучке», «в бегах», «отпущен по паспорту (билету) и не вернулся» и т. д. По обследованным ревизиям эти причины занимают различное место в общей массе населения. Отсутствующих членов семейств по вышеуказанным причинам в 1834 году среди эрзи отмечено 27, в 1850 г.— 24 человека, у мокши соответственно по 8 ревизии — 39, по девятой — 19 человек.

Отметим еще одно интересное явление. Под отметкой «в бегах» за годы вышеуказанных переписей числилось 8 человек, которые все женского пола и достигают возраста от 20 до 35 лет.

Все вышеуказанные причины, возможно, не меняя в целом регионе (волости) состояния мордовских домохозяйств, в той или иной степени затрагивают не только конкретные, данные семейства (где по той или иной причине отсутствуют его члены), но иногда меняют структуру мордовской семьи целого населенного пункта, особенно это касается переселений. Например: переселение полной или части семьи меняет полностью структуру и семьи, и населенного пункта, что достаточно ярко просматривается в селе Мордовские Юнки, где из 123 дворов 33 переехало в Оренбургскую губернию, и в селе Курташки, где переселилось 25 семейств из 137.

Таким образом, судя по вышеизложенным и ранее опубликованным материалам (см. ссылку 3), статистика первой половины XIX столетия

фиксирует процесс усложнения семейной структуры мокшанского и эрзянского населения и возрастание ее численного состава, которое происходило как за счет естественного прироста мокши и эрзи (который преобладал над смертностью на протяжении всего исследуемого периода), так и естественно за счет усложнения родственной структуры. Соответственно увеличивается и средний размер мордовской семьи, достигая к середине XIX века 9,1 (у мокши) и 10,9 (у эрзи) человек на один крестьянский двор.

В начале указанного столетия в обоих уездах преобладали одно- и двухпоколенные семейные коллективы. К моменту проведения девятой ревизии на первый план выступают более многопоколенные семейные коллективы. Однако эти изменения у мокши и эрзи происходили по-разному: у первых они на протяжении всей первой половины XIX века держатся более или менее на примерно одинаковом (равном) уровне, тогда как у вторых их число несколько возрастает. Пятипоколенная семья в обоих уездах остается редким исключением.

В 1816 году главную роль занимали дворы с одной или двумя брачными парами. По численности последние у мокшан остаются ведущими на протяжении всего исследуемого периода. У эрзи они преобладали до 1834 года. К IX ревизии их место занимают дворы с тремя супружескими парами (20).

Исходя из материалов ревизий, можно предположить, что в первой половине XIX века в семьях у мордвы-эрзи и мокши наметился процесс раздела большесемейных коллективов, что в определенной степени нашло отражение в появлении большего числа семей одиночек и супругов без детей. Это подтверждается и материалами военно-административного учета.

При сравнении этих типов материалов вытекает, что ревизские «сказки» в значительной степени не отразили семейные разделы (особенно самовольные). По нашему мнению, несмотря на то, что они не отмечены в ревизских материалах, эти «сказки» (до VIII обязательно) можно считать достаточно достоверными (из-за малочисленности разделившихся семей). К 1850 году число незафиксированных разделов возрастает, что требует дополнительной корректировки IX и X ревизий.

Наиболее подвержены семейным разделам оказались братские и «смешанные» неразделенные семьи. Это, по всей вероятности, зависело в основном от внутрисемейной обстановки в данных семьях. Именно в этих семьях возможность возникновения недоразумений была выше, чем в отцовских. Родители, прямое кровное родство, играли определенную консервирующую роль.

Процесс разделов во всех случаях был направлен в сторону увеличения количества малых и более упрощенных неразделенных семей отцовского типа.

На структурообразующие элементы немаловажное влияние оказывали рекрутские наборы, которые, наряду с холостыми, забирали и женатых. Правила набора рекрут были для мордовского и русского крестьянства одинаковыми (утверждены Петром I в 1721 году). Они же в определенной степени разрушающе действовали и на хозяйство призывника, и на ухудшение положения солдатки и оставшихся детей.

Естественный прирост населения у мордвы-эрзи Ардатовского уезда, на наш взгляд, был выше, чем у мокши Краснослободского уезда. Эта особенность достаточно четко проявилась во второй четверти XIX века, что не могло не отразиться на структуре эрзянской семьи (увеличив его среднюю и общую численность, несколько более усложнив внутреннюю структуру).

Значительное влияние на структуру семьи оказывали переселенческие процессы. Переселения происходили как малыми, так и неразделенными семьями, которых было не менее 30%. Средняя численность переселившихся семей, вероятно, не превышала 5—8 человек. Родственный состав данных семейств был достаточно разнообразным.

Относительно некоторых различий можно высказать следующее предположение.

Можно предположить, что семейные разделы были присущи больше мокшанскому населению, чем эрзянскому. Это связано с переводом мокшан Краснослободского уезда в разряд государственных в 1838 году. Несколько лучшая обеспеченность землей, прирезки ее на увеличившееся население, меньшая регламентация внутрисемейных отношений, большая свобода действий, облегчение переселений — все это вполне могло сказаться и на структурных изменениях мокшанской семьи. В несколько иной ситуации, на наш взгляд, оказалось эрзянское население Ардатовского уезда. Более частое вмешательство и регламентация частной жизни со стороны Удельного Ведомства, меньшая обеспеченность землей, меньшая хозяйственная самостоятельность и т. д. определенно способствовали дальнейшему усложнению (или в крайнем случае консервации) семейной структуры эрзянского населения. Поэтому можно предположить, что эрзянская семья в первой половине XIX века могла оказаться несколько консервативней в плане усложнения внутренней структуры семей, чем мокшанская (имеется в виду родственный состав, численная, поколенная и брачная структура). Этому же могло способствовать и наличие более высокого естественного прироста у мордвы-эрзи, чем у мокши, что отмечается на протяжении всей первой половины XIX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров В. А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма. (История СССР, 1981, № 3.; *Асфандияров А. З.* Семья и брак у башкиров в XVIII — первой половине XIX в. Уфа, 1989; *Свердлов Б. М.* Семья и община в Древней Руси/ История СССР, 1981, № 3.

2. *Столяров А. А.* К вопросу изучения структуры русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI — начале XX вв. // Вопросы этнографии Поволжья. Казань, 1980. С. 97—108.

3. О мордовской семье в материалах ревизских сказок первой половины XIX века см.: *Николаев С. Д.* Структура мордовской семьи I половины XIX века // Проблемы дореволюционной истории крестьянства Мордовии. Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1991. Вып. 103.

4. ЦГА Республики Мордовия.— Ф. 78. Краснослободское уездное рекрутское присутствие.— Оп. 1., д. 77, 78.

5. Там же.— Д. 79.

6. Там же.— Д. 77., лл. 130, 111.

7. *Рогачев А. М.* Коми и городская мещанская семья в XIX веке (по материалам Усть-Усольска) // Вопросы этнографии народа коми. Тр. ИЯЛИ. Сыктывкар, 1985. Вып. 32.

8. Государственный архив Пензенской области (ГАПО).— Ф. 60. Пензенская казенная палата. Оп. 4., д. 340, л. 24

9. *Красноперов И.* Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестник. СПб, 1887. Кн. 1. С. 66—75,

10. Полевые записи автора. Ардатовский, Атяшевский, Теньгушевский районы РМ.

11. ГАПО, д. 353, лл. 315—390, 478—526, 528—576.

12. ЦГА РМ, д. 77, 202, 207, 214., д. 78, л. 47

13. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 157. Симбирская казенная палата. Оп. 2., д. 356, л. 198

14. ЦГА РМ, д. 77, л. 39

15. Там же. Д. 78, л. 174

16. *Ден В. Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать XVIII и статистика населения в конце XVIII в. М., 1902. Кн. 1.

17. *Шахматов А. Н.* Мордовский этнографический сборник. СПб, 1910.

18. Там же. С. 456—7.

19. *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе (Опыт исчисления). М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941.

20. *Николаев С. Д.* Указ. работа. С. 85—104.

Sergey Nikolaev

Mordvinian family according to statistic data of the first half of the XIX th century (on the example of Ardatovsky and Krasnoslobodskoy districts)

The article is devoted to Mordvinian family of the I st half of the XIX th century in Ardatovsky and Krasnoslobodskoy districts. The author shows the variety of family forms of the Mordvinian people of that period. The author studied the factors influenced on the status of Mordvinian family using a great number of archives and statistic sources.

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Людмила Никонова
Саранск

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ
(по полевым материалам 1996 года)

Традиционная медицина мордвы Самарской области до сих пор не привлекала специального внимания исследователей. Поэтому есть основания предполагать, что какая-то часть богатого арсенала средств и методов народной медицины, не привлекших в прошлом должного внимания, оказалась безвозвратно утраченной после смерти их накопителей и пользователей, особенно известных знахарей и знахарок. Предлагаемая статья является по существу первым опытом систематического изложения сведений по народной медицине мордвы Самарской области, собранных автором во время экспедиционной работы в селах этой области (Кошкинский и Красноярский р-ны).

Исследование проводилось методами анкетирования, беседы, произведена аудио-видеозапись. Большинство информаторов были пожилого и среднего возраста. Именно они сегодня владеют знаниями и практическими навыками по народной медицине. Это целители И. М. Григорьева (с. Степная Шентала), А. С. Жингурова (с. Городок), А. И. Адаева (с. Грачевка), А. С. Кумаева (с. Новая Кармала) и др., которые при оказании лечебной помощи используют молитвы, заговоры; А. С. Ширяева, А. И. Терешкина (с. Ст. Бинарадка, с. Городок) и др. используют траволечение, средства животного происхождения. В некоторых селах мы встретились с удивительными знахарями-костоправами, которые до сих пор выправляют вывихи, растяжения мышц: М. Е. Мадьярова (с. Н. Кармала), О. А. Кудашова (с. Н. Кармала), Н. М. Шашкова (с. Ст. Бинарадка) и др. Некоторые знахари специализируются по выправлению опущения внутренних органов: М. С. Климушкина, Г. С. Дубоносова (Ст. Бинарадка). В ходе полевой работы нами отмечены некоторые, достаточно интересные, наблюдения. Автор выражает искреннюю благодарность всем информаторам, предоставившим сведения о методах и способах народной медицины, а также старшему научному сотруднику отдела литературы и народного творчества НИИ ЯЛИЭ А. Д. Шуляеву за перевод заговоров с мордовского на русский язык.

В исследуемых селах достаточно четко фиксируется связь научной медицины с народной. Бывший фельдшер Н. Е. (в настоящее время он на пенсии) по-прежнему оказывает первую медицинскую помощь больным (ставит уколы, при неотлагательных моментах может принять роды и т. п.). Но кроме этого, он является единственным в селе среди знахарей-костоправов, кто может выправить вывих плеча с использованием не только медицинских, но и практических народных способов. В прошлом биолог-учитель З. П. Гришова знает много лекарственных растений, их медицинское и народное применение при лечении некоторых болезней.

Необходимо заметить, что знахарством обычно занимаются люди, у которых кто-то из предков был народным лекарем. Например, Ф. И. Климушкина (с. Ст. Бинарадка) обучила выправлению опущений женских органов двух своих снох и старшую внучку. Отец П. А. Зубрилиной А. И. Коновалов учил своих детей и внуков различать лекарственные растения и пользоваться ими при лечении тех или иных болезней.

Некоторые знахари пришли к подобному ремеслу через свой опыт, в силу определенных обстоятельств (Н. И. Каменцева, Н. К. Мочалова и др.).

Мордовские знахари выработали вполне рациональные способы излечения ряда заболеваний, дифференцировавшиеся ими в зависимости от характера и признаков. В обследованных районах они различают болезни сердца, ревматизм, заболевания верхних дыхательных путей, желтуху, грипп, ангину, чесотку, инфекционные болезни и др.

По формулировке В. И Даля, знахарь определяется как знающий, сведущий в деле лекарь-самоучка (1 с. 689).

Какими представляют односельчане этих людей? Опрошенные сельские жители указывают, что знахарь несет добро людям. Даже при трудноизлечимых болезнях нередко идут на могилу к умершему знахарю просить об исцелении. При беседе с информаторами в исследуемых районах можно отметить, что мордва имеют четкое представление о понятии знахаря и колдуна, их функциях, о пользе и вреде лечения, как уберечься от действий колдуна и т. д. Так, по их представлениям, лечебными заговорами обычно занимаются знахари. В отличие от колдунов, ведьм, знахари никогда не обращаются к содействию нечистой силы и не применяют свои знания и умения во вред человеку. Практически в каждой деревне есть несколько целителей. Знахари — обычно спокойные, мудрые бабушки. У костоправов, несмотря на их возраст, руки сильные, но теплые и мягкие на ощупь. Они быстро и толково диагностируют болезнь, как зрительно, так и по ощущению. Знают, сколько необходимо провести сеансов для полного выздоровления больного. При лечении используют разные методы и средства: травы, средства животного происхождения, минералы и т. п.

Целители очень скромны, их подчас нелегко разговорить, но к своему умению относятся как к обычному ремеслу. После посещения больных они, как правило, ложатся отдыхать, читая при этом «про себя» или вслух молитвы. Также просят у Бога, Святых о восстановлении их сил, благодарят за силу, данную им «сверху» для излечения больных. А. Ф. Кумаева отмечает, что при лечении людей она старается как можно больше вложить своих сил, энергии. Для этого в процессе исцеления больного она вначале через разговоры старается успокоить его, если необходимо, посадит на стул, уложит его для чтения над ним молитв и соблюдения других обрядов, покрестит, обмоет водичкой и т. п. Когда почувствует, что больной расслаблен, начинает ритуал лечения. При этом сама спокойна, взглядом также дает понять больному, что процесс лечения идет как надо и вскоре ему будет хорошо. После подобных процедур знахарка очень устает, но продолжает лечить и дальше, если приходят другие больные. «Мне становится лучше и самой, если вижу, что больному становится легче»,— отмечает целительница.

Заговорами может владеть как колдун, так и знахарь. Но их цели разные. Колдун заговор может употреблять во вред, а знахарь наоборот. Знахарь, употребивший заговор во зло, может перейти в категорию колдуна. В отличие от колдуна, знахарь может унести свои заговоры в могилу. Если колдуну не удастся найти себе ученика, то умирает он очень тяжело. Колдун, как утверждают информаторы, он от сатаны и служат ему черти, ведьмы и, как сейчас вроде бы поговаривают, и вампиры (они от людей вытягивают силу). Поэтому колдун несет людям зло и вред. После смерти в его могилу вбивают осиновый кол — чтобы он никогда не вышел обратно. В дома, где живут колдуны, люди стараются не заходить, не брать у них в долг хлеб, деньги, так как они могут быть заколдованными во вред здоровья «берущего» человека. От колдунов под кровать острием к двери клали раскрытые ножницы. В народе ходили слухи, и верили в это, что если колдун войдет в дом, то «наткнется» на острие этих ножниц и сразу выйдет из дома. В туфли новобрачным насыпали растолченное пшено, а жениху в пояс брюк втыкали булавки. На подоконники сыпали древесный уголь или пшено, чеснок клали в карманы на случай, если вдруг колдуна встретишь по дороге или на свадьбе.

Исправить зло, причиненное колдуном — задача знахаря. Его основным орудием, наряду с обрядами, являются заговоры. По формулировке С. А. Токарева: «Заговоры — особые тексты формульного характера, которым приписывались магическая сила, способная вызвать желаемое состояние» (2, с. 451).

Происхождение первоначальных форм заговора относится к глубокой древности. Как к живым, реальным существам он обращался к солнцу, звездам, месяцу, огню, воде, тучам, растениям, камням, просил у них помощи и удачи.

У мордовского народа, как и у других народов, населяющих нашу планету, магические обряды были направлены к тому, чтобы в какой-то мере повлиять на силы природы, попросить их об исцелении от болезней. Мордва считала, что у природы есть покровители и держатели, свои божества. Для них они делали жертвоприношения, устраивали праздники, при этом совершались определенные обряды, которые подкреплялись заклинаниями с просьбами помочь в исцелении. Например, одним из древнейших божеств мордвы являлась *Мода-ава* или *Масто-ава*, считавшаяся держательницей земли. Мордва считала, что эта богиня много может сделать для людей, дать им здоровье. Поэтому во время жертвоприношений они говорили: «Масто-ава, матушка, тяжесть земли державшая, вот пришли-собрались, твое имя вспоминаем, посмотри на наши поклоны. Что просим — дай, что скажем — сделай... дай хорошего здоровья» (3, с. 21). Обращение к ней частично сохранилось и в заговорах, которые применяют при лечении мордва Самарского края.

С введением христианства у мордвы многие заговоры принимают молитвенную форму. Заговоры в ряде случаев начинаются словами: «Господи Иисусе Христе», «Во имя отца и сына и святого Духа...» Это в ряде случаев наблюдается у мордвы и Самарского края (при лечении «килы», «рожи» и др.). После этого в некоторых заговорах следует зачин: «Встану я не молясь, встану я не крестясь, пойду я из двери в дверь, из ворот в ворота...» Далее место, где происходит действие: «...на синем море»; «...великая вода, широкая вода, в глубине широкой воды...»; «...Приходите в одно место, на скамейку собирайтесь»; «...Великая вода глубокая... на берегу великой воды высочайший дуб»; «...На широком поле, на безмерном поле, высокий бугор, на высоком бугре у божества Нишке, у бога Солнца 77 церквей» и т. д. Вокруг них и разворачиваются основные события. Действующими лицами являются персонажи языческого и христианского пантеонов, герои фольклорных произведений: Бог, Богородица, Мастор ава, Нишке паз, Норов ава, Тихон святой, бабушка Салманила, Андямушка, матушка Юртава и т. п. (4).

Необходимо отметить, что мордва этого края имеет представление о мифологических соотношениях между человеческими частями тела и элементами природного окружения, которые они иногда употребляют в заговорах. Так, они понимают, что плоть человека соответствует земле, кровь — воде, волосы — растениям (траве), кости и зубы — камню, глаза — солнцу, уши — сторонам света, дыхание (душа) — ветру, голова — небу.

Болезнь, в их представлении, как правило, мыслится в виде животного существа, вселившегося в человека, или принеслась с ветром. В заговоре она переводится на другой (неживой) объект или отсылается в пустынное, далекое место и т. п. Так, Г. А. Жингурова при лечении от порчи читает такие слова заговора:

...эту тоску возьму,
С ветром, с пылом, с дымом
По вольному свету пущу такую (имя рек)...

Для установления диагноза болезни в некоторых заговорах перечисляются разновидности болезни. Так, А. И. Адаева при лечении больных от рожи нашептывает такие слова заговора:

Рожа, красная рожа,
Рясная рожа, стригучая рожа,
Колючая рожа, ветряная рожа,
Рассыпная рожа, рожа нарывная,
Рожа костевая, рожа мозговая,
Рожа помутная, рожа белая,
Рожа мокрая...

А. С. Жингурова при лечении рожи в заговоре перечисляет другие определения рожи:

Сечи, сечи язву востропологическую,
Сибирскую выбей,
Мателъ колючую, болючую, ветряную, внутреннюю,
Верховую, кровавую, жгучую...

В других случаях болезнь еще и «огораживают». Так, А. С. Жингурова от любой наружной (явно видной, напр. чирий) болезни читает такие слова заговора:

Серебром загорожу, серебром загораживаю,
От шума насланного загораживаю,
От осуды, от встречного загораживаю,
От шишек, палок загораживаю,
Кому за что: от страданий,
От нытья, от ломоты,
От корней гриба загораживаю,
От места падения загораживаю,
От болезней матушки земли,
Загораживаю от болезней деревьев,
Загораживаю от пляшущих болезней,
Загораживаю от пакостей бани,
От умерших, от их насланных болезней загораживаю,
От рожи заговариваю,
От грыжи загораживаю,
От шума, от насланного загораживаю,
От всякого зла, от насланного пришедшего загораживаю...

При лечении некоторых болезней знахарки используют слова заговоров, в которых она как бы лечит не сама, а вызывает со стороны кого-то. Например, Г. С. Жингурова при чтении заговора от кровотечения употребляет такие слова:

На высоком бугре
Золотая бабушка,
Золотые лапти, золотые портянки на
ее ногах,
Золотой платок на ее голове,
Золотой фартук на ее одежде,
Золотая игла у нее в руках,
Шелковая нить в этой игле,
Ими она выкорчевывает, высушивает,
сдувает, сплевывает,
Красную кровь останавливает (16).

Как одну из форм заговора можно выделить сочетание монолога и диалога. Она характерна и для мордвы Самарского края. Примером этой формы может быть заговор от зубной боли. В таких заговорах четко проводится принцип аналогии: «...как у месяца (или мертвеца) не болят зубы... Так и у раба Божьего (имя рек)...» Или:

Месяц, месяц, где ты ходишь?
Хожу на мазарку.
Чего ищешь?
Ищу мертвого человека.
У мертвого человека зубы бы болели,
А у (имярек) не болели.

Заговоры обычно заканчиваются закрепкой: «...замыкаю злые губы, железную кадь, а ключи бросаю в Океан-море. Аминь. Аминь. Аминь». Но также до этого иногда просится прощение: «Простинк, простинк, простинк».

Заговор составляет единое целое с обрядом и, собственно, является его частью. Для обеспечения «силы» он должен иногда произноситься в строго определенном месте: на пороге, под матицей, на перекрестке дорог и т. д. Так, для того, чтобы снять «сглаз» у ребенка, его обмывали святой водой над порогом и в это же время читали заговор; для лечения от болезни «Кулэринь савт» необходимо было выйти в укромное место и также читать заговор и т. д.

Знахари всячески скрывали секреты своего лечения, так как до сих пор считают, что рассказанный непосвященному человеку теряет силу. Такое

отношение носителей заговоров к своему знанию привело к тому, что многие заговоры (их тексты) и сопровождающие их обряды у мордвы также безнадежно утрачены. Не способствовали сохранности заговоров и естественные искажения при устной передаче заговоров от учителя к ученику. Знахари считают, что передать силу заговора можно только младшему и, желательно, родственнику.

Безусловно, в силу определенных традиций, внутренней психологии, установок, записать заговоры от знахарей достаточно сложно. Они прекрасно понимают, что лечебными заговорами может владеть далеко не каждый человек, поэтому этнографу очень важно находить индивидуальный подход к каждому целителю, что, на наш взгляд, нам в этой или иной степени удалось.

Многие знахари не берутся за лечение всевозможных болезней, а узко специализируются, причем специализация доводилась по крайней мере по двум направлениям: или только от «сглаза», или также и от «сглаза», «порчи», «рожи», «грыжи» и т. д. Словом, чуть не каждая болезнь, чуть не каждый больной орган имел своих специалистов. Так, А. И. Адаева лечит от «сглаза», «рожи», «грыжи», И. М. Григорьева — от «килы», «испуга» и др., Р. И. Выборнова — от «грыжи», пробует лечить лишай и аллергию, Н. М. Шашкова — «грыжу», А. С. Жингурова — самая опытная знахарка, ей в этом году исполнилось 94 года; ее сноха — преемница — Г. А. Жингурова — они владеют несколькими видами заговоров для лечения разных болезней. Лечит и от «грыжи», от «притки», выводит всякие внутренние болезни, при этом использует воду, металлические предметы, уголь и пр.

Способы диагностики и лечения заболеваний у знахарей разнообразны. Так, если «сглаз» у ребенка — лоб, по их мнению, становится соленым, у взрослого «сглаз» проявляется в виде неспокойного состояния, тоска, плаксивость и т. п. По мнению А. И. Адаевой, рожистое воспаление — это воспаление кожи и мышц, а также злой дух вселился в человека. Прежде чем лечить, для определения, откуда пришла болезнь, она применяет маятник — крестик на ниточке. Кстати сказать, подобное мы встречали при исследовании мордвы Пензенской области, только там в качестве маятника использовали кусочек высохшего хлеба, подвешенного также на ниточке (5).

Обычно у знахарей многих народов болезнь классифицируется исходя из самых разных понятий о ее сущности. У мордвы исследуемых районов они определяются как «вхождение дурного воздуха в тело», «вхождение в больного нечистой силы» и т. д. Соответственно этим понятиям называются и болезни: «порча», «сглаз» и т. д. Причем, по понятиям И. М. Григорьевой, «порча» сильнее «сглаза» и ее лечить гораздо труднее. Причем, не каждая знахарка сможет вылечить ее — «возьмется лечить».

Наряду с заговорами для лечения этих болезней, применялись и иные методы воздействия: обдувание больной части тела, поглаживание, накладывание рук и т. д. Так, А. С. Жингурова при лечении болезни «Кулоэринь савт» (букв. — от рта умирающего) ножом осторожно водит крестообразно над определенными местами (точками) вначале желудка, потом кишечника, а затем груди. При лечении ячменя знахарка сплевывает три раза через левое плечо. От любой наружной болезни (напр., чирия) «...знахарка дует на больное место, плюет через левое плечо и затем стучит монетой в пол».

При исследовании мордвы Самарского края выявлены заговоры от довольно многих и серьезных заболеваний — порчи, сглаза, рожи, грыжи, зубной боли, опухоли, даже «подходные заговоры», помогающие при подходе к начальству с определенной просьбой и т. д.

При чтении некоторых заговоров считается не столько важным смысл произносимых слов, сколько способ и обстановка, при которой производится шептание. Так, при лечении от споров, ссор и т. п. знахарка укладывала больного на кровать и около часа произносила шепотом заговор. При этом водила по груди, животу больного вначале толкушкой, а потом ножом — легонько дотрагиваясь до этих мест.

В других случаях придается большое внимание набору слов заговора, правильности, порядку и полноте произношения. Иногда, чтобы не забыть последовательности, они читают заговор по тексту, написанному на бумаге, листочках или в тетрадях, которые они бережно хранят или около иконы или под клеенкой на столе — «под рукой». Но, как правило, большинство заговоров знают наизусть. Среди общих правил можно выделить то, что чтение заговоров происходит натощак и по легким дням (вторник, среда, суббота). Причем, И. М. Григорьева считает «легким» днем и день своего рождения и также в этот день никогда не лечит больных. А. Ф. Кумаева не соблюдает легких дней и принимает больных ежедневно, не принимает больных только на великие праздники.

Магическая сила слова в заговоре подкрепляется особым созвучием, известным ритмическим складом и даже рифмой. Согласно народным воззрениям, слово якобы сохраняет свою магическую силу, когда адресовано и к другому используемому при лечении средству (напр., воде). Знахари применяют воду от «порчи», «сглаза». При этом существует поверье, если больной после этого позевывает и спит, то заговоренная вода имела силу.

Вода употреблялась как в простом, так и освященном виде. В первом случае знахари читают над водой, которую приносит сама больная, т. е. передает целебную силу через чтение заговора над водой. Причем, считалось, что воду для «наговаривания» надо приносить родниковую или ключевую.

Очевидность рационального подхода в этом случае состоит в том, что

вода действительно смывает в природе грязь, нечистоты. По аналогии считалось, что со смытой водой уйдет и сама болезнь. Применяя заговоры и средства, знахарки, видимо, своими действиями оказывали также положительное влияние на психологию человека, помогая и таким путем избавиться от недуга.

Кроме воды, знахарки направляли свои заклинания и на другие средства: конфеты, яблоки, хлеб и т. п., так как полагают, что всякий, кто проглотит эти средства («нашептанный хлеб» и др.), «проглатывает» и слова заговора. Съестные наговорные продукты употребляются в некоторых случаях так, чтобы объект применения не знал о коварном вмешательстве в его личную жизнь. В значительной мере это относится к заговорам при лечении пьянства и любовным (приворотам). Считается, если мужчина приворожен к своей жене, то у него, как правило, болит (причем постоянно) желудок. Заговоры на привораживание делались на квас, вино, но только чтобы они были комнатной температуры.

Наговорные предметы употребляются и для наружного применения. При лечении «килы» заговоренным вазелином дома смазываются больные места. При половом бессилии заговор читается на вино. При лечении «рожи» знахарка читает заговор на масло и на красную тряпочку, которым больная несколько раз смазывает больные места, а тряпочку прикладывает к воспаленному участку тела и т. д.

При чтении текста заговора некоторые знахарки применяют и иные средства: головешки, уголь и др. Так, А. И. Адаева при чтении заговора от «рожи» легонько обтыкивает болезненное место (вокруг) палочками от столба, расколотого молнией во время грозы, так как считает их священными. А. С. Жингурова при заговоре воды опускает в нее древесные угли, А. И. Адаева при лечении грыжи обтыкивает ее потухшей головешкой. Н. М. Шашкова «завязывает» грыжу мочалой. Кстати сказать, грыжу она различает паховую, пупочную и внутреннюю.

Надо отметить, что знахари не препятствуют прохождению последующего лечения больного у другого лекаря и даже могут посоветовать: «...попробуй, вреда не будет».

Таким образом, заговоры являются у мордовских знахарей методом лечения от многих заболеваний, имеют широкую область применения (до конца не изученную) и употребляются ими во имя добра, используя при этом и другие средства лечения.

Так почему же заговоры помогают при лечении некоторых болезней? На этот вопрос сами знахари отвечали: «Наверное, в нас есть какая-то особая сила, которую нам дает Бог». Другие отмечают, что стараются как можно больше вложить своего душевного тепла, энергии при лечении болезней». Третьи ответили: «...это передалось по наследству и от доброты к людям, веры в Бога».

На наш взгляд, все они по-своему правы. Действительно, в роду почти у всех из них были подобные специалисты. Заговоры передавались от близких родственников, как правило, из поколения в поколение. Все они видели и знали, как у них в доме лечились больные, какая атмосфера царила вокруг в это время: тишина, спокойствие и таинственность, горели свечи, читались молитвы, в доме обычно богато украшены иконостасы, часто ходят в церковь, их приглашают иногда отслужить около покойного.

Из всего этого можно предположить, что знахарка в процессе чтения молитв аккумулирует в себе энергию, которую она впоследствии передает человеку, расположенному к ее восприятию. Причем после окончания чтения молитв она благодарит Бога, т. е. эта энергия таким путем в ней как бы закрывается. Когда приходит больной, она подходит к иконам и просит Бога, чтобы он помог вылечить пришедшего. Исполнив этот ритуал, она как бы получает разрешение «свыше» и саму психологическую готовность к отдаче своей энергии, сил для больного.

Вокруг каждого человека есть биополе, которое образуется за счет работы клеток организма. Оно при нормально функционирующем организме имеет вид ровного вытянутого эллипса. При болезни какого-то органа или части тела и т. д. клетки больного органа выделяют энергии гораздо меньше, чем при нормальном их функционировании, т. е. биополе нарушается — в этом месте образуется «дыра». Знахарка же через заговор отдает свою энергию, аккумулированную во время его чтения, произношения. Эта энергия направляется от нее в больное место через наложение ее рук, дуновение, подкрепляется взглядом и вся она «входит» в больного. В зависимости от степени заболеваемости она дополнительно наговаривает воду, мазь и пр. и передает больному для лечения в домашних условиях, фиксируя это и в его сознании.

Но для того, чтобы энергия знахарки перешла в энергетическую «дыру» больного и чтобы она там закрепилась («схватилась»), нужна, на наш взгляд, определенная вибрация слов для передачи энергии знахарки больному, а для точного попадания — нужен определенный смысл. Эту функцию и выполняют заговоры, которые довольно четко дифференцируются по определенным болезням. Поэтому в них нельзя искажать слова, возможную интонацию, последовательность схемы лечения и т. д.

При лечении же таких болезней, как: рожа, лишай, опухоль и т. п. знахарки загораживают болезнь, т. е. образуют своими действиями замкнутый энергетический круг, чтобы болезнь не расходилась дальше. При этом для «устрашения» болезни используют потухшую головешку, святые палочки и пр., а больным, как уже отмечалось раньше, через дуновение, заговор в это время передают часть своей энергии.

В связи с разной степенью заболеваемости знахарка сама назначает количество дней лечения больного (от одного и более), т. е. столько, сколь-

ко необходимо для восстановления жизнедеятельности клеток организма (излечения болезни). Свою потерянную энергию знахарка восполняет через молитвы, сон или просто спокойный отдых. Но для знахарок важно, чтобы они сами были здоровы, ибо через себя могут навредить здоровью больного.

Такова, на наш взгляд, предполагаемая схема механизма лечения через заговор некоторых болезней. При нарушении этого механизма не достигается положительных эффектов.

Анализируя заговоры, которые собраны нами в Самарской области (на основе Кошкинского и Красноярского районов, записи 1996 г.), можно отметить, что до настоящего времени эти способы продолжают иметь место в знахарстве мордвы. При этом используются разные средства и методы (головешки, палочки, вода, уголь, дуновение, наложение рук и др. предметов и т. д.). Смысл их порой не всегда понятен. Передача заговоров происходит из поколения в поколение. В большинстве своем мордвой они применяются для облегчения состояния больного. Заговоры являются источником устного народного творчества, а также требуют глубокого и комплексного изучения как со стороны этнографов, лингвистов, так и медиков, биологов и других специалистов, заинтересованных в здоровье людей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. т. 1.
2. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1990.
3. *Мокшин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968.
4. Подробно о народной медицине мордвы Самарского края, в том числе и тексты заговоров см.: *Никонова Л. И.* Знахарство мордвы Самарского края // Архив ассоциации «Поволжье». Самара, 1997.
5. *Никонова Л. И.* Тайны мордовского целительства. Саранск, 1995.

Ludmila Nikonova

Folk medicine of Mordvinians of Samara region (Based on field materials 1996)

Methods of treatment of traditional folk medicine of Mordvinians of Samara region are investigated in the article. Sorcerers use herbs, products of animal origin as well as various incantations by rendering medical help. The author examined in detail the mechanism of incantation influence on sick people. The work is written on the basis of field ethnographic materials, collected among the Mordvinians of Samara region.

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Александр Липатов
Йошкар-Ола

ЭТИМОЛОГИЯ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО ТЕОНИМА *VADAŠ И СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЕГО С ПРАСЛАВЯНСКИМ ТЕОНИМОМ *UBOGЪ

1. Язычество и мировые религии (христианство, ислам, иудаизм, ламаизм, буддизм и др.) не явились миру в готовом виде, словно Минерва из головы Юпитера, а представляют собой продукт длительной эволюции человечества на его пути к цивилизации. Причем, «эволюция религиозных представлений происходила не путем полной их смены, а путем наслаивания нового на сохраняющееся старое» (1, с. 754). Корни язычества уходят в глубины тысячелетий, а его пережитки откликаются долгим эхом вплоть до наших дней.

В отечественной литературе уже неоднократно отмечалась «неопределенность», «расплывчатость» термина язычество. При этом подчеркивается, что у язычества не было единой религии, общей системы религиозных верований; «может быть, их на самом деле было много, а религиозное единство — это только наше предположение или даже глубокая ошибка?» (2, с. 12—13). Скорее всего, это был своеобразный конгломерат достаточно отличавшихся друг от друга верований. Потому и не знало язычество единого пантеона своих божеств.

Языческий пантеон — это, по существу, целая мозаика племенных пантеонов. Даже в одной этноязыковой семье у каждого этноса свой набор богов. Достаточно обратиться к высшим финно-угорским божествам: у коми бог света и добра — *Ен*, а мрака и зла — *Омель*; у мордвы — соответственно *Вардя-Шкай* и *Шайтан*; у марийцев — *Юмо* и *Кереметь*. При этом марийскую космогонию следует признать наиболее полной. Еще в 1777 году Н. Рычков сообщал, что «между множеством богов, ими (марийцами.— *А. Л.*) почитаемых, первенствующий есть... Юмо, то есть бог, живущий в небесах; и сей сотворил небо, землю и все то, что видят их глаза» (3, с. 78—79). Свои божества — *Нуми-Торума* и *Куля* — имеют ханты и манси.

В чем же причина того, что у каждого из племенных образований свои локальные божества? В условиях родового строя была чрезвычайно

велика племенная замкнутость, поэтому и само мировоззрение, и родоплеменная мифология, передаваемые изустно от поколения к поколению, тщательно оберегались. Именно подобная косность первобытных обществ и служила в первую очередь препятствием к заимствованию материальной культуры. Можно утверждать, что религиозные мировоззрения древних обитателей планеты передавались в условиях, когда группы людей одного племени, в силу каких-то определенных обстоятельств вливаясь в состав другого племени, смешивались с ним, усваивали его обычаи и нравы, но одновременно с этим вносили в культуру принимающего племени свои верования и представления.

Слияния и смешения разных родоплеменных религий прослеживаются в обозримом историческом прошлом. Но здесь раскрывается одна важная особенность. Например, в славянской мифологии и фольклоре совершенно отсутствуют скандинавские и германские божества, зато налицо давнее, по крайней мере с середины 1 тысячелетия до н. э., воздействие иранской мифологии: известно, что *Дажьбог, Хорс* и *Симаргл* (равно как и само слово *бог*) являются иранскими по происхождению. Или — налицо общность божеств у древних тюрков и финно-угров, издревле соседивших в Среднем Поволжье, однако нет их у восточных славян, предки которых издавна поселились в этом этнорегионе*. Судя по всему, славяне появились на Волге уже с готовым, сложившимся языческим пантеоном, потому и не понадобились древнерусским язычникам новые божества — ни финно-угорские, ни тюркские.

И тем не менее в религиозных представлениях древних народов языческой поры просматривается и определенная общность: во всей полноте выступает у них общераспространенным культ предков, в соответствии с которым происходит своеобразная привязка младших божеств (духов) к душам умерших, кои их соплеменниками даже после смерти признаются членами рода или племени.

Мир древнего язычника был обильно населен духами, но старшими из них являлись духи мест обитания человека (подворье, жилище, роща, река и т. п.). Особое место отводилось духам — хранителям домашнего очага. Причем, в языческой теологии и у древних финно-угров, и у славян функции этих духов имеют определенные типологические схожести. Заметим сразу, домовые духи намного старше своих персонифицирован-

---

*Обратим внимание на замечание финского исследователя А. Йоки. По его мнению, поволжские лексемы с понятием «рожь» (татарское *арыш*, чувашское *ыраш*, марийское *уржа* (*ыржа*, *ружа*), мордовское *розь* и др.) заимствованы не у русских, а из некоего индоевропейского языка древнего населения Среднего Поволжья, забытого впоследствии (4, с. 88—89). Таким «забытым» этносом как раз и могут быть именно протославяне-сколоты, проживавшие в Среднем Поволжье в соседстве с тюрками и финно-уграми.

ных божеств типа марийского Юмо или ханты-мансийского Нуми-Торума; у древних язычников в представлениях о божествах всякого рода «совершался постепенный переход от первичного поклонения явлениям природы непосредственно (фетишизма в широком смысле этого слова) к антропоморфному политеизму, который последовательно отражает на себе стадии социального развития» (5, с. 147), причем зародыши антропоморфных представлений существовали уже на первой ступени развития языческих верований.

Обращает на себя внимание то, что и кряшенско-татарский *бутыш*, и марийское *водыж* с его вариантами *вадаж, вадаш, водош,* и чувашское *вутӑш (вотӑш)* — это обозначение низшего божества — некоего духа-хозяина природных объектов. Достаточно напомнить марийские *кудо водыж* «домовый дух», а также «пучок ветвей в переднем углу жилища (кудо)», *яктер водыж* «дух сосновой рощи», *вӱд водыж* «хозяин водоисточников», *мланде водыж* «хозяин, защитник земельных угодий», *корно водыж* «дух, хозяин дороги (пути)», *ер водыж* «хозяин (дух) озера»*.

Но сам термин **vadaš* вызывает противоречивые мнения и неоднозначно истолковывается исследователями. Самая давняя этимология принадлежит С. Нурминскому: марийское *вадыш*, в его понимании, это апеллятив от глагола *вадышем*, что значит «лубья деру» (6, с. 260). Исследователь связывает это с обычаем древних марийцев поклоняться березе, а ее олицетворением как раз и является *вадыш* (6, с. 243—245, 260).

В настоящее время среди исследователей (особенно тюркологов) получило распространение иное мнение: марийское *вадыж (водыж)* не является исконным образованием, а представляет собою древнечувашское (булгарское) проникновение. Так, известный тюрколог В. Г. Егоров, сопоставляя чувашское *вутӑш* «водяной», башкирское *һыу инәһе* (букв. «мать воды»), татарское *су анасы*, узбекское *су албастиси* и др. (все они со значением «водяной»), указывает: «В состав тюркских слов входит слово 'вода', чувашское *вутӑш* представляет в этом отношении исключение: *вут* «огонь» + *йыш* «хозяин»; следовательно, *вутӑш-* «хозяин огня», т. е. «дух огня». По-видимому, чувашское *вутӑш* первоначально обозначало духа огня, а позднее уже — водяного, может быть, под влиянием марийского *вӱдысӧ, водыш* «водяной» (*вӱд* «вода»)» (7, с. 58).

Предпочтение тюркскому первоисточнику в образовании марийского *вадыж* отдает и М. Р. Федотов, который в финали *-аш* чувашского имени *вутӑш* усматривает словообразующий суффикс; ср., например, чув. *тараш* «глубина» — *тар* «глубокий» (9, с. 78).

---

*Полна подобными духами (к е б е) и чувашская языческая мифология. Так, по свидетельству А. Фукс, «не понимая бога, они (чуваши.— *А. Л.*) ищут его не только во всякой стихии, но даже в лесу, на дороге, на всяком перекрестке, во всяком углу избы своей, в амбарушках» (8, с. 92).

Попытку приоткрыть тайну значений чувашского *вотӑш* и марийского *вадыж* предпринял тюрколог Р. Г. Ахметьянов. Признавая, что происхождение слова *водыж (водаж)* «в целом неясно», он излагает свою гипотезу, оставаясь на позициях его тюркской интерпретации. Исходя из фонетических закономерностей переоформления тюркских праоснов в чувашско-марийском ареале, исследователь выдвигает предположение, что наиболее древним вариантом из всех имеющихся является *вотӑш, ватӑш*, который представляет производное от общетюркских *оташ, уташ* или *ӧтӑш, ӱтӑш*. Восстанавливая таким путем архетип, Р. Г. Ахметьянов сближает его с татарским (мишарским) антропонимом *Утэш* как стяжением хорошо известного имени *Утэгэн*, происходящего от др.-тюрк. *Ötüken* «божество, олицетворяющее природу, дух природы». А *Ötüken*, в свою очередь, восходит к *Kängä (Kängäi)*, что значит «Хангай». По разысканиям Г. Рамстедта, *Хангай* — это татарское *кангый* «сказочная страна», калмыцкое *alta xanga* «Алтай и Хангай» (9 а, с. 8). А эти топонимы у тюрко-монгольских народов употребляются в значении «прародина». Так Р. Г. Ахметьянов сближает этимологию марийского *вадыж* с легендарной древнетюркской страной *Кангый* и ее персонификацией — божеством природы (прародины) (10, с. 21—22).

Но подобная этимология мифического образа, пожалуй, и самому ее автору показалась довольно зыбкой и малоубедительной, потому-то он не настаивает на своей гипотезе. «Центром, откуда распространился этот мифический образ,— пишет он,— является марийская мифология: чув. *вотӑш, вутӑш*, по всей вероятности, заимствовано из марийского языка (вторично?), а тат. вариант *бутыш* заимствован из чув. (при заимствовании из булгарского должно было бы быть *баташ*)» (10, с. 21).

В мозаике таких противоречивых и не всегда убедительных этимологий древнемарийского теонима**vadaš* выделяется толкование марийского этимолога Ф. И. Гордеева. Опираясь на тюркские этимологические и исторические данные и критически рассмотрев этимологические толкования своих предшественников, он ставит под сомнение предположение о собственно чувашском (булгарском) происхождении чувашского *вутӑш* и марийского **вадаш*: «То и другое, по всей вероятности, в марийском языке — индоиранское или иранское наследие финно-угорской языковой общности, а в чувашский язык оно проникло из марийского источника» (11, с. 9).

Как видим, и тут остается открытым вопрос об этимологии марийского языческого термина-теонима **vadaš*: все его тюркские толкования оказываются весьма сомнительными, а сколь-нибудь убедительных этимологий, основывающихся на исконно финно-угорском языковом материале, не существует. Видимо, истоки архилексемы **vadaš* не следует искать в весьма гипотетическом древнетюркском топониме *Kängä* или в

нынешнем марийском глаголе *вадышем*. Правильно полагает Ф. И. Гордеев: **vadaš* в качестве лексемы унаследован финно-уграми от индоиранцев. Но, к сожалению, этим и исчерпывается эта интересная, с точным посылом для дальнейших исследований гипотеза. Попробуем подкрепить ее своими разысканиями.

Как теоним архилексема **vadaš* появилась в древнемарийском языке, пожалуй, одновременно с этнонимом *mari* (ср. др.-инд. *marya* «молодой человек», «молодой герой»), ставшим поначалу названием одного поволжского финно-угорского племени и перенесенным затем на весь древний марийский этнос.

Древнемарийская лексема **vadaš* восходит в конечном счете к и.-е. корню * *ue̯ā-* (*ue̯ē-*) — с его общей идеей вдохновения и спомоществования. А с указанным пракорнем, в свою очередь, оказываются связанными и.-е. **ue̯āt-* «состояние возбуждения, экстаза, вдохновения» (12, с. 1113; 13, с. 835) и и.-е. **ue̯ēr-* «защищать, спасать, оборонять» (12, с. 1161; 13, с. 741). Так, к и.-е **ue̯āt-* восходят др.-инд. *apivat* «вдохновить» и авест. *apivataite* «вдохновляет»; лат. *uātēs* «прорицатель, провидец, пророк», «вдохновенный певец», а также готск. *wōds*, др.-англ. *wod*, др.-в.-нем. *wuot* (нем. *Wut*) — всюду со значением «одержимый». Ср. еще: др.-англ. *wēdan* и др.-в.-нем. *wuoten* (нем. *wüten*) в значении «буйствовать, быть одержимым». В свою очередь, с этим др.-герм. глаголом связаны языческие теонимы — наименования бога поэтического вдохновения у древних германцев Одина-Вотана: др.-исл. *Odinn*, др.-англ. *Wōden*, др.-в.-нем. *Wuotan* (12, с. 1113; 14, с. 1333—1334). В конечном счете к и.-е. **ue̯āt-* восходят и ст.-слав. *vě́ti (ja)* «оратор, вития» (15, с. 86—88).

Именно в ряд всех этих дериватов от и.-е. **ue̯āt-* органически встает древнемарийский теоним **vadaš*, находящийся, таким образом, в определенном генетическом родстве с древнегерманским теонимом *Wodēn*.

Однако генетические связи этого древнемарийского теонима не завершаются и.-е. пракорнем **ue̯āt-*, а затрагивают еще и упоминавшийся ранее и.-е. **ue̯er-* (с чередованием гласных *E* и *O* в производных лексемах). Именно с и.-е. **ue̯er-* связаны и хеттское *ue̯arrai* «приходить на помощь» с его итеративом *uareššа* «спасать, приходить на помощь» (13, с. 741), а также др. -инд. *vṛṇoti* «задерживает», «защищает», «покрывает», *várman* «защита», «укрепление». Ср.: др. -инд. *varūnár* «защитник», *várūtha* «защита», «щит», «войско» со ср.-валлийск. *gwerthy* «крепость», которые находятся в формальном соответствии с др. -инд. *vátra* «плотина» = «защита от воды»). Небезынтересно отметить, что теоним *Varuṇa* как название одного из старых божеств ведийского пантеона в этимологическом плане напрямую связан с др. -инд. *várūtha* и *varūtár* (12, p. 1160—1161). Причем, в «Ригведе» *Варуна* дуально противопоставлен *Митре* (др. -инд. *Mitrá*): если *Митра* — это олицетворение светлого, благого начала (ясного солнца и

солнечного света), то *Варуна* — олицетворение темного начала (лунного света и водной стихии — мирового океана); отсюда клятва «водами Варуны» символизирует «воды смерти», а ветер в ведийской мифологии — это «дыхание бога Варуны» (13, с. 795, 825, 678). Но *Varuna* — это в первую очередь все-таки бог-хранитель и бог-исцелитель. И здесь налицо функциональные связи Варуны с древнегерманским *Вотаном (Wodēn)*. Не отражается ли здесь, при всем разнообразии наименований божеств, общность языческого пантеона древних народов, сложившегося еще задолго до нашей эры, а многоликость племенных пантеонов появилась уже потом, в более позднее время?

Итак, современный марийский теоним *вадаж* (из ф.-у. **vadaś*) генетически связан с и.-е. пракорнем ** цā- (цē-)*, совмещая в себе качества прорицателя и защитника (охранителя), наделенного силой (16, с. 30—32; 17, p. 272—283).

Не случайно Варуна (равно как и Митра) наделен в «Ригведе» эпитетами «обладающий исключительной силой» и «обладающий разрушительной силой». Этой же силой (рядом с Юмо) наделен в марийской языческой мифологии и хранитель домашнего очага *кудо вадаж*.

Однако длительное проживание тюрков и финно-угров в едином Поволжском ареале оказало влияние на формирование у древних марийцев синонимичных вадыжам домовых духов *пӧрт* (или *сурт*) *ия* и *пӧрт* (или *сурт*) *оза*, к которым, правда, в помощи при молениях древний мариец-язычник не обращался. Оба этих духа и их названия тюркские по происхождению и восходят к татарскому *эйя* и чувашскому *хуза* — оба со значением «хозяин дома». Характерным для этих пришлых божеств (в отличие от кудо водыжа, который всегда выступает как сила добра, хотя и судит строго за непочтение к нему), является то, что они при одном и том же названии бывают добрыми и злыми. Поэтому марийское *ия* и удмуртское *ие* позднее стали обозначать «злой дух: дух болезни, бесовская сила», выступая синонимом к арабскому *шайтану*.

2. Одним из важных путей дальнейшего исследования истории и характеристики древнемарийского теонима **vadaś* , а также его семантики и этимологии может стать обращение к исследованию демонических функций, семантики и имени праславянского хранителя домашнего очага — *убога (*ubogъ)*. И делать это необходимо с учетом типологии финно-угорского **vadaś* и праславянского ** ubogъ*, поскольку и тот и другой выполняли у древних язычников одни и те же теологические функции.

Да, у славян-язычников были свои духи — хранители мест обитания человека, подобно финно-угорским вадыжам. Как все язычники, славяне, олицетворяя все окружающее, поклонялись множеству божеств, однако особые почести воздавались при этом духам предков и огню как источнику жизни. Приписывая огню в домашнем очаге свойства, присущие

живому существу, язычники полагали при этом, что и кормить их необходимо, как человека, и этот древний обычай, по существу, был повсеместным, поскольку первобытный человек представлял, что «его слышат и понимают духи или другие существа, которых воображение первобытного человека наделяет человеческим умом» (18, p. 416—417).

Членами рода славяне считали также предков в лице духов и демонов — хранителей домашнего быта. Известно, что одним из таких демонов у древних славян был *убожье (ubogъ)*. Об этом находим свидетельства, восходящие к XVII веку, принадлежат они Яну Ласицкому и содержатся в его «Литовской мифологии». В ней упоминается о «кауках, или душах умерших, которых руссы называют убоже» (kauke sunt lemures Russi uboze appellant) (19, s. 16). Этому-то убогу как члену рода славяне-язычники и воздавали всевозможные почести. Так, поэт польского Средневековья В. Родзеньский в своей поэме «Officina terraria» воспевает uboże как охранителя сельских кузниц. В этом древнем поэтическом памятнике неоднократно упоминаются uboże, которые «приходили в кузницу в субботу ночью, по окончании кузнечных работ», им «всегда у малого горна мастера кузнечных дел ставили там по субботам еду на ночь, когда из кузниц домой уходили».*

Об искоренении этих языческих обычаев позаботились в Среднеповолжском этноареале ислам и христианство. В результате вся языческая мифология превратилась в исламскую и христианскую демонологию: первобытные божества стали внушающими страх вампирами и прочей бесовской силой; всех, кто им поклонялся, стали обвинять в колдовстве-ведовстве, а языческие обряды расценивались не иначе как дьявольские наваждения. «Всеми исследователями,— писал большой знаток язычества как религии Н. К. Михайловский,— замечено, что при столкновении двух мифологических рядов они обыкновенно не уничтожают друг друга, а один из них превращается в ряд демонов, злых, темных божеств» (20, с. 428).

Христианские сетования на следы языческих поклонений славян мифическому убогу, который считался у них хранителем домашнего очага и одновременно хранителем душ предков рода, содержит, например, духовное поучение («kazanie») католического анонима, относящееся к началу XV века. Аноним, христианский проповедник, жалуется, что славяне-язычники «приносят в жертву демонам, которых называют убожьями, оставляя им остатки еды по четвергам после трапезы... А некоторые не моют посуду после обеда в Великий Четверг, дабы накормить души (предков) и духов, называемых убожьями... Некоторые преднамеренно оставляют

*Текст поэмы В. Родзеньского «Officina terraria» содержится в книге: Biblioteka pisarzy Slowiańskich. Ser. A. No 1.Pod red. S. Rosponda. Wroclaw, 1962.

после трапезы остатки (пищи) в мисах якобы для того, чтобы накормить души (предков) и надежного демона, называемого убожьем... за которым ухаживают, поскольку тот якобы приносит счастье...» (21, s. 71—73).

Кроме того, о существовании у славян-язычников «кормления» домовых духов, называемых *ubożе*, упоминается, по крайней мере, еще в двух других памятниках — «Postępek prawa czartowskiego przeciw narodowi ludzkiemu» (1570) и «Czarownica powolana» (XVII век). «Невесты на Четверговой вечере,— говорится в первом из них,— оставляют (для убога.— *А. Л.*) еду, и неизвестно, кто эту пищу поедает» (22, s. 163). А едой, предназначенной демонам-опекунам, были чаще всего крупяные каши, хлеб, молоко, свежее масло.

Задабривание духов путем их кормления практиковали и древние марийцы. Так, Уно Хольмберг (со ссылкой на российского этнографа Н. М. Шестакова) указывает, что «луговые марийцы каждую осень приготовляют пиво, кашу, хлеб и блины и обычно ставят их в подполье, чтобы испросить у духа дома счастья для семьи. В других местах ему ежегодно устраивают кровавое жертвоприношение» (23). Это же отмечает и И. Н. Смирнов в своем историко-этнографическом очерке о марийцах: «Ввиду тождества водышей и душ умерших, естественно, что и культ тех и других у черемис одинаков. Водыши, как и покойники, нуждаются в пище и других вещах, к которым они привыкли» (5, с. 136). А по свидетельству С. К. Кузнецова, в жилищах марийцев-язычников «довольно часто попадались на глаза кузовки из берестовой коры (или просто бураки), подвешенные между стеной и печной трубой; они обыкновенно наполняются кашей, киселем или кусками блинов, и когда крупные черные тараканы или мыши съедят это, то черемисы верят, что съел пӧрт-ия (избной бес) или сюрт-кугузя (домовой дедушка)» (24, с. 34).

Известно, что многие устойчивые словосочетания и обороты в нашем языке (особенно паремии), на протяжении многих столетий претерпели серьезные изменения и в смысловом, и в структурном отношении. И чаще всего причиной тому — исчезновение или забвение той объективной действительности, которую некогда выражала та или иная лексема. Переосмысление говорящими непонятного заставляло их на слово, имеющее затемненную семантику, переносить значения каких-либо созвучных ему ныне широко известных слов. Такие неупорядоченные в языке с точки зрения современной его лексической системы замены происходят в составе устойчивых выражений тогда, когда в памяти говорящих оказываются «темными» реальные значения отдельных некогда входивших в них компонентов.

Что же касается этимологии праславянского *убожья (убога)*, то это слово префиксального образования. В его составе элемент *у* не имеет значения отрицания, как например, *не-* в *небога*, а выполняет функции пре-

фиксов *от, при, близ, возле, около* (25, с. 7; 26, с. 468), а корень *бог* этимологически связан с др. -инд. *bhájati, bhájate* «наделяет», «делит» и с авест. *bažati* «определяет на долю», а также с др.-инд. *bhagas* «податель благ», «бог» и с греч. *thagein (thag)* «пожирать, питаться» (25, с. 71; 27, с. 181—182; 8, с. 148; 29, s. 274—276). Следовательно, нынешнее значение корня *бог* в славянских языках вторичное. Когда-то он у предков славян выражал «достояние», «богатство», затем, персонифицировавшись, стал означать «наделяющий благом», «даритель благ», «владыка» и, наконец, «бог» (30, с. 26—28; 31, с. 117). Отсюда первоначальный смысл теонима* *ubogъ* должен быть «находящийся возле наделяющего блага» или «находящийся при подателе благ», «находящийся близ бога».

Древний корень * *bōg (bāg)-* породил в славянских языках богатый генетический словоряд. Таковы русские *богатый, богач, богатство, бог, божок, богиня, божиться, убогий, убожество* и др., польские *nieboże* и *niebożak* «бедняга», *ubóstwo* «убожество», *zboże* «богатство», *bogaty* «богатый, счастливый», *bogactwo* «богатство» и др. То же в разной мере присуще и всем славянским языкам.

Праславянский * *ubogъ* в его изначальной форме в славянском фольклоре не сохранился.

Забвение очень древней реалии теонима * *ubogъ* оказалось связанным с рассматриваемой ниже русской поговоркой, содержащей элемент *боже*.

Русская поговорка «На́ тебе, боже, что нам (мне) не гоже» теперь употребляется в обстоятельствах, когда под видом некоего благодеяния хотят освободиться от чего-то ненужного, нежелательного. Она, по мнению исследователей (Л. Галаганова и др.), обладает, к тому же, «яркой антирелигиозной направленностью». Однако в современном ее виде эта поговорка существует по крайней мере с XVII века. Так, Петр I в письме от 28 апреля 1707 года к своему сподвижнику графу Ф. М. Апраксину (1661—1728) сообщает: «...всего окрещено пять человек и то из ниских (как пословица есть: «На тебе, боже, что мне не гоже»)» (32, с. 222). Стало быть, указанный смысл поговорки сложился задолго до возникновения упомянутой «направленности». Признается также, что *боже* здесь — поздняя замена, возникшая в результате каламбурно-ритмической переработки древнерусского выражения «На́ тебе, убоже, что нам не гоже», где *убоже* — форма звательного падежа от *убогъ* «нищий, бедняк, калека». Отсюда-де становится более понятной и сам смысл фраземы: нищему отдают обычно то, в чем дающий уже не нуждается. При этом исследователи стремятся для надежности заручиться авторитетом знатока русских паремий В. И. Даля (1801—1872) и непременно стараются сослаться на его замечание в «Напутном» к сборнику «Пословицы русского народа», где он с большой осторожностью в форме *боже* видит звательную форму *небоже* (от *небога*), известную как в южных русских говорах, так и в украинском языке.

По поводу самой поговорки великий лексикограф так и замечает: «пришла с юга» (33, с. 13—14).

Но эта фразема, содержащая столь «открытый текст», крайне неделикатна и некорректна по своей сути и вступает в резкое противоречие с важнейшим принципом «природной» народной этики — ни при каких обстоятельствах не допускать унижения достоинства личности.

И еще одно очень важное обстоятельство. Рассматриваемую поговорку используют не только русские, но и другие славянские народы, однако не с компонентом *бог*, а в других вариантах. В польском, например, на месте русского *боже* выступает *nieboże:* «Na tobie, nieboże, co mnie już nie może», а в украинском — *небоже:* «На тобі, небоже, що мені не гоже». Причем, указанный вариант украинской поговорки зафиксирован в XVII веке в одном из самых ранних паремиологических рукописных сборников и имеет форму: «На тобє небожє що мне не гожє» (34, с. 235). *Небоже* здесь — звательная форма существительного *небіж* со значениями «бедняга», «горемыка». Те же значения присущи и польским *nieboże* и *nieboga* с их синонимами *nieborak* и *biedak*. Лексемы *небогъ* и *оубогъ* в значениях «бедный», «жалкий», «несчастный» засвидетельствованы также в старославянском и древнеболгарском языках (35, с. 63, 141) и восходят к праславянским **nebagъ* и **ubagъ* в тех же значениях (36, с. 179).

Здесь мы сталкиваемся с уже рассмотренным нами праславянским **ubogъ*. Добрый домашний демон, он был предметом чести и тотемом, а потому и объектом постоянных забот и внимания. Стало быть, вполне допустимо принять другое толкование рассматриваемой общеславянской поговорки: у праславян в ту далекую пору сложилось заклинание, которое в поздний период их истории представляло собою нечто вроде «На́ тобе́, убоже, а то намъ не есть гоже», где «не есть гоже» означает «нехорошо (непристойно) так поступать». Но, свергнутый вместе с другими языческими божествами с языческого Олимпа, древнерусский убогъ стал во времена христианства символом злого духа и нечистой силы. «От его славы,— по выражению польской исследовательницы Янины Кляве,— осталось одно название, которое надолго сохранил в памяти крепко державшийся традиций люд» (37, s. 146). А неумолимое время выветрило затем из памяти людей древнее заклинание, обращенное к убогу*, и можно допустить, что оно еще в древнерусскую пору превратилось в «На́ тебе, убоже (небоже), что нам не гоже», где *убоже* стало восприниматься —

*Некоторые исследователи славянских древностей полагают, что всего дольше память об убоге удержалась на Руси. См., например, следующее замечание А. Брюкнера, основанное на анализе многочисленных древних письменных документов: «И Русь называла убожьями домашних духов и по той самой причине их кормила. И хотя название uboże было утрачено, сам обычай просуществовал века» (38, s. 163).

вопреки народной этике — как обозначение нищего, а потом, уже на почве русского языка, исказилось в «На́ тебе, боже, что нам (мне) не гоже»*.

Сравнительно-типологический анализ семантики древнемарийского **vadaš* и праславянского * *ubogъ* дает основание видеть определенную общность функциональных характеристик при различии их некоторых частных черт: общее связано с единством тенденций эволюции язычества и языческой демонологии, а частное — с этническими и языковыми различиями финно-угорских и славянских племен, проживавших в едином для них Среднеповолжском этноареале. Продуктом этой эволюции, которая была прервана гонениями, предпринятыми христианской религией против языческих поклонений домовым духам, и явились рассмотренные нами древнемарийский *кудо водыж* и древнерусский *убогъ (убожье)* (39, с. 37—44).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987.
2. *Urbańczyk S.* Religija pogańskich Slowian. Kraków, 1947.
3. *Рычков Н.* Журнал или дневниковые записи путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. 1769—1777 гг. СПб., 1777.
4. *Joki A.* Uralier und Indogermanen // Memoires de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1973.
5. *Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.
6. *Нурминский С.* Очерк религиозных верований черемис // Православный собеседник Казан. духовн. акад. Казань, 1862. Кн. XI. Ч. III.
7. *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
8. *Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.
9. *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965. Ч. 1.

9а. *Ramstedt G. J.* Kaalmükisches Wörterbuch // Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1976. т. 3.

10. *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
11. *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1983. Т. 2.
12. *Pokorhy J.* Indogermanisches etimologisches Wörterbuch. Bern und München, 1959. B. 1.
13. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
14. *Höfler O.* Zwei Grunfkräfte im Wodankult // Antiquitates Indogermanicae: Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Volker. Insbruk, 1974.
15. *Топоров В. Н.* Этимологические заметки // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1958. Вып. 25.
16. *Липатов А. Т.* К толкованию и этимологии древнемарийского теонима **vadaš* // Linguistica Uralica, XXVI. 1990. № 1.

---

*Об эволюции праславянской лексемы *ubogъ в русской пословице «На́ тебе, боже, что мне не гоже» см: 40, с. 136—139.

17. *Lipatov A.* The hystori and semantics of some typologically connected finno-ygric theonyms // Folk Belief Today. Tartu, 1995.
18. *Frazer J. G.* The golden bough. A study in magic and religion. London, 1914—1925. T. 2.
19. *Lasicky J.* De diis Samogitarum libellis. Hrsg. von W. Mannhardt. Mit Nachtregen von A. Vielenstein. Riga, 1868.
20. *Михайловский Н. К.* Борьба за индивидуальность. СПб., 1888. Т. 5.
21. *Meyer C. H.* Fontes historiae religions slavicae. Berolini, 1931.
22. Encycloredia Polska. Warszawa, 1939—1948. T. IV.
23. *Holmberg U.* Die Religion der Tscheremissen. Mit Unterstüng des Staatlichen Literatur. Porvoo, 1926.
24. *Кузнецов С. К.* Четыре дня у черемис во время сюрэма. Этнографический очерк. СПб., 1867.
25. *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. I.
26. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straβburg, 1902—1904.
27. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964. Т. I.
28. *Шанский Н. М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1965. Т. I. Вып. 2.
29. *Rospond S.* Uboże — duszyczki zmarlych przodków // Język polski. 1964. T. XLIV. Cz. 5.
30. *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967.
31. *Чалъков М.* Безбог — един семантичен и словообразувателен архаизъм // Български език. София, 1887. Год XXXVII. Кн. I—2.
32. Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. 7.
33. Пословицы русского народа / Сборник В. Даля. М., 1957.
34. *Зіновіїв Климентій.* Вірші, Приповісті посполіті. Київ, 1971.
35. *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörter zu den altkirchenslawischen Texten. Heidelberg, 1955.
36. *Skok P.* Etymologijski rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1971. Knj. 1.
37. *Klawe J.* Totemizm a piermothe zjawiska religijne w Polsce: Studium porownawsze. Warszawa (ets.), 1920.
38. *Brückner A.* Wiedzenia religijne i stosinki rodzinne // Encyclopedia Polska. Warszawa, 1939—1948. T. IV. Cz. 2.
39. *Липатов А. Т.* Языческий Олимп раскрывает тайны // Марий Эл вчера, сегодня, завтра. Йошкар-Ола, 1994. № 3.
40. *Липатов А. Т.* Изменение функционально смысловой характеристики русской поговорки «На тебе, боже, что мне не гоже» // Русское языкознание. Киев, 1990. Вып. 21.

Alexander Lipatov

Etymology of ancient Mari theonym *vadaš and comparative — typological and semantic parallels with its Proto - Slavic *ubogъ

The world of ancient pagan was full of ghosts, but the oldest of them are ghosts of place and man's inhabitation. These junior gods - Finno - Ugric **vadaš* and Proto - Slavic **ubogъ* have definite typological functions and parallels.

Primordial Finno - Ugric but not Turkic origin of the theonym **vadaš* is substantiated in the article, which appeared as an arch-word in the ancient Mari language obviously at the same time with ethnonym mari (compare with the ancient Indian marya «young man, young hero») being originally the name of one Volgic Finno - Ugric tribe and transfered later to the whole ancient Mari ethnic group. The ancient Mari word vadaš in the final analysis goes back to Indo - European root *ue̯ā (ue̯ē)*- with its common idea of inspiration and relief. The following words are connected with the mentioned root: Indo - European *ue̯āt* «state of excitement, ecstasy, inspiration» and *ue̯ēr*- «defend, rescue», that's why the modern Mari theonym vodyzh (from Finno - Ugric vadas) combines in itself properties of prophet and defender, endowed with power. Proto - Slavic arch-word ubogъ is etymologically connected with ancient Indian bhagas «bearer of blessings», while the original meaning of the theonym **ubogъ* was «being by the bearer of blessings, that is the God». To prove the given interpretation of the theonym the ancient proverb - incantation is given with the meaning «it is obscene not to feed you, God, if we ourselves are satisfied», which was later transfered into the proverb with the meaning « God, take what is not good for us».

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

СООБЩЕНИЯ

Вячеслав Абдулаев, Юрий Зеленеев, Татьяна Никитина
Йошкар-Ола

ПОЛНОТЕКСТОВАЯ БАЗА ДАННЫХ ПО АРХЕОЛОГИИ ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ*

Научное изучение памятников археологии финно-угорских народов Поволжья и Приуралья началось во второй половине XIX века. За прошедшие 150 лет накоплен огромный материал, сохраненный в рукописных научных отчетах с приложенными к ним чертежами, рисунками и фотографиями. Отчеты являются ценным историческим источником, содержащим богатую информацию о различных сторонах жизни древних обществ. Эти источники составили основу многих диссертаций и монографий и будут использоваться в дальнейшем для подготовки аналогичных работ. В настоящее время отчеты хранятся в различных научных учреждениях Российской Федерации. Большая их часть находится в архивах Института истории материальной культуры в г. Санкт-Петербурге (до 1945 г.) и Института археологии РАН (с 1945 г.). После создания археологических экспедиций в регионах (Марийская, Нижнекамская, Средневолжская и т. д.), развернувших активные полевые изыскания, научная документация стала храниться в региональных научных центрах.

В сложившейся системе накапливания и сохранения в виде отчетов научной археологической информации ее получение и обработка с каждым годом становятся все более трудным делом. Исследователь зачастую физически не успевает просмотреть все нужные ему отчеты, разбросанные по архивам различных городов России. Работая над темой, которая вроде бы достаточно обеспечена источниками, исследователь вынужден на деле ограничиться лишь наиболее доступной ему частью материалов.

Нужно также отметить, что многие отчеты исчерпали все сроки физической сохранности. Разрушается бумага, на которой они отпечатаны, выцветают и теряют четкость рисунки и чертежи. Значительная часть фотографий, даже десятилетней давности, неразборчива. Возникла реальная

*Работа выполняется по проекту № 96-01-1066 РГНФ.

угроза частичной, а в отдельных случаях и полной, утраты этого вида источников. Нужно отметить, что далеко не все (не более 50%) из них введены в научный оборот в форме публикаций. К тому же многие книги и статьи, изданные десятилетия назад, труднодоступны современному исследователю. Даже современные научные печатные работы ввиду их малотиражности зачастую не доходят до пользователя. Публикация новейших материалов, как правило, запаздывает на несколько лет.

Кроме того, традиционно оформленные документы занимают очень много места.

Перечисленные факторы делают очевидной необходимость перевода археологических документов в электронную форму хранения.

Полезность этой работы умножается открывающимися возможностями создания различных систем быстрого поиска нужной информации, а также передачи ее удаленному пользователю.

Электронный архив, подключенный к Интернет, обеспечит для исследователей оперативный и недорогой доступ к археологической информации, позволит проводить обмен такой информацией не только с научными центрами России, но и с археологическими учреждениями Финляндии, Венгрии, Эстонии и других стран.

Работы в этом направлении в перспективе должны привести к созданию интегрированной распределенной базы данных (БД) по археологии России, составными частями которой будут локальные БД, созданные и поддерживаемые организациями, обладающими большими архивами археологических документов.

С 1993 г. Научный центр финно-угроведения приступил к выполнению государственной межрегиональной программы «Финно-угры Поволжья и Приуралья», в которой принимают участие научные коллективы Йошкар-Олы, Саранска, Ижевска, Сыктывкара. Чтобы организовать надежное информационное обеспечение программы, был разработан проект создания интегрированной базы данных по одному из разделов программы; по археологии финно-угров (БД АРФУ) , получивший финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда.

Проект направлен на решение двух главных задач:

1) с помощью БД АРФУ обеспечить хранение в электронной форме отчетов по полевым археологическим исследованиям, проведенным на территории Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Коми за весь период их археологического изучения;

2) предоставить пользователю (в том числе и удаленному) современные методы извлечения данных из БД АРФУ для их обработки и научного анализа.

Исходя из вышеизложенного, основной единицей хранения информации в базе АРФУ является отчет о полевых археологических исследованиях.

Отчет может иметь различный объем — от единичных страниц до нескольких сотен страниц текста, чертежей, рисунков и фотографий. Пересылка такого отчета удаленному пользователю займет много времени и может оказаться нерациональной, если получателя интересует не весь отчет, а его определенные фрагменты. Единицей посылки в компьютерных сетях является файл. Поэтому отчеты, содержащие более 20—30 страниц текста и 3—4 рисунков, должны быть представлены в БД несколькими файлами. Разделение отчета на отдельные файлы наиболее целесообразно проводить в соответствии с содержанием самого отчета. Один отчет объединяет информацию о раскопках на нескольких памятниках или отчет о проведенных раскопках и разведках на определенной территории. Перед включением отчета в БД АРФУ после предварительной обработки специалистами все разделы должны иметь подзаголовки и указанный выше размер.

Логическое объединение разделов в единый отчет обеспечивается специальным документом — аннотацией к отчету. В аннотацию включаются данные об археологических памятниках, описываемых в конкретном отчете. Указывается автор, год исследований и объем проведенных исследований. Дается краткая характеристика раскопанных объектов, отмечается качество и специфика обнаруженных артефактов. В обязательном порядке определяется культурная принадлежность и датировка археологических памятников, включенных в отчет. В тексте аннотации размещаются гиперссылки на файлы, содержащие соответствующие разделы отчета. Достаточно пользователю указать на гиперссылку, как программные средства компьютерной сети, соединяющей компьютер пользователя с БД АРФУ, и програмные средства самой БД АРФУ автоматически доставят пользователю соответствующий раздел.

Приведем пример аннотации, где выделенные подчеркиванием фразы являются гиперссылками.

ОТЧЕТ О ПОЛЕВЫХ РАБОТАХ МАРИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1959 ГОДА

Отчет из трех разделов.

Юнга-Кушергинская стоянка (Халиков А. Х., Андрианов К. С.).

Вскрыто 43 кв. м. Слой 10—20 см. Кремень (59 экз.): скребок, резцы, пластины, отщепы. Кости диких животных: мамонт, носорог, лошадь. Дата — верхний палеолит.

Поселение «Галанкина Гора». Вскрыто 328 кв. м. Изучено 2 жилища. Керамика — 6000 фрагментов (180 сосудов) трех групп: 1—135 сосудов (волосовская), 2—92 сосуда (балановская), 3—10 сосудов (чирковская). Кремень: скребки — 17, скобели — 3, ножи — 8, наконечники стрел — 1. Дата: вторая четверть — середина II тыс. до н. э. (XVI—XV вв.).

Городища I тыс. н. э. Проводились раскопки на двух городищах: Пайгусовском и Большая Гора.

Пайгусовское городище (Халиков А. Х.). Вскрыто 189 кв. м. Слой — 15 см. Изучены отдельные ямы. Керамика — плоскодонные горшки (12 сосудов), тигли (13 фрагментов), кости животных. Принадлежность — марийская. Дата: конец III—V вв. н. э.

Барковское (Чертово) городище. Вскрыто 260 кв. м. Слой — 10—12 см. Керамика — 3 фрагмента.

Внутри каждого раздела, выведенного в отдельный файл, содержится также достаточно обширная и разносторонняя информация по отдельному памятнику. Поэтому каждый файл имеет внутреннюю структуру изложения, соответствующую унифицированной системе описания археологического памятника в отчете о полевых работах:

1) вводная часть;

2) описание природно-географического расположения археологического памятника;

3) описание стратиграфии;

4) описание раскопанных объектов (жилищ и других построек, погребений и т. д.);

5) описание найденных артефактов по категориям (керамика, орудия труда, оружие, украшения, бытовые вещи и т. д.);

6) выводы.

Для каждого файла составляется содержание, отражающее заложенную в нем информацию по соответствующим блокам. Каждый блок привязывается к пункту содержания с помощью закладки. Приведем пример содержания раздела 2 отчета 1959 года.

Содержание раздела.

1. Жилища.
2. Керамика.
3. Остатки металлургического производства.
4. Каменные орудия.

По основным пунктам содержания исследователь может извлечь конкретную интересующую его информацию. Для этого достаточно указать на интересующий пункт содержания. Программные средства компьютерной сети и БД АРФУ выберут соответствующий блок раздела.

Каждой аннотации ставятся в соответствие одна или несколько однородных групп ключевых слов, образующие записи файла ключевых слов. Запись имеет поля: «Эпоха», «Период», «Памятник», «Культура», «Ключ (артефакты)», «Автор», «Краткий текст», «Век», «Эра», «Административная принадлежность».

Для поля, определяющего широкую специализацию исследований,— «Эпоха», «Культура» и др., БД АРФУ поддерживает упорядоченные спис-

ки всех аннотаций, «помеченных» конкретным значением поля. Эти списки называются «Оглавлением по полю». Выбрав интересующее его поле, пользователь сначала получит список всех его актуальных значений (т. е. значений, хотя бы раз встречающихся в файле ключевых слов). Затем по выбранному значению можно получить соответствующий список аннотаций. Наконец, выбрав аннотацию, пользователь получит возможность через содержащиеся в ней гиперссылки запросить интересующие его разделы отчета, а с учетом содержания раздела, привязанного с помощью закладок к частным блокам, получить более конкретную информацию.

Для поиска информации по запросам пользователей в БД АРФУ поддерживается расширяемый список ключевых слов, который в дальнейшем будет дополнен словарем археологических терминов.

В настоящее время в качестве ключевых слов в БД АРФУ применяются термины, определяющие наиболее общие археологические понятия: керамика, оружие, орудия труда, кремневый инвентарь, украшения, жилища, погребальный обряд.

Если пользователю известен автор отчета, то нужную аннотацию он сможет получить более коротким путем, указав автора в стандартной форме запроса.

Таким образом, логическими информационными объектами БД АРФУ являются:

отчет, содержащий полную информацию об археологических работах;

раздел отчета — часть отчета, имеющая самостоятельное смысловое значение и удовлетворяющая указанным выше требованиям на объем заключенной в ней информации;

аннотация — общее описание отчета и составляющих его разделов с выделенными гиперссылками, позволяющими «перейти» из аннотации в нужный раздел отчета;

оглавление — списки отчетов для указанного значения ключевого слова;

гиперссылка — выделенная часть текста аннотации, обозначающая связь с соответствующим разделом отчета;

закладка — выделенный блок внутри раздела, содержащий конкретную информацию, соответствующую одному из пунктов содержания раздела;

справочник ключевых слов — совокупность групп археологических терминов, связанных ссылками с аннотациями.

Общая технология включения отчетов в БД АРФУ состоит из нескольких этапов:

1) этап компьютерного набора (сканирования) текстов отчетов.

Набор текстов осуществляется в редакторе MS WORD 7.0, имеющем встроенные средства преобразования файлов документов к формату HTM

документов Интернет. Для сканирования и распознания текстов была опробована предустановленная на сканере программа Fine Reader. Эффективность распознания символов для текстов старых отчетов была низкой, поэтому сканирование для них не использовалось;

2) этап предварительной обработки текста отчета, на котором специалист-археолог выделяет логически самостоятельные разделы отчета в независимые файлы и составляет аннотацию к отчету, являющуюся основным связующим документом для данного отчета.

С технической точки зрения работа на этом этапе сводилась к переносу выделенных фрагментов отчетов в открываемые в MS WORD пустые страницы с последующим их сохранением в виде отдельных файлов. Аннотация сразу создавалась как отдельный документ MS WORD;

3) этап создания гиперссылок, закладок, заполнения для обрабатываемого отчета соответствующих ему записей файла ключевых слов и преобразования подготовленных файлов к публикации на страницах WEB сервера.

Гиперссылки и закладки создавались встроенными средствами MS WORD. Чтобы можно было заполнять записи файла ключевых слов в процессе обработки отчетов не выходя из тестового редактора, на встроенном в MS WORD языке программирования Visual Basic была разработана специальная программа. Документ, прошедший всю указанную выше обработку, средствами MS WORD преобразовывался в формат HTM и сохранялся в специальном каталоге. Из этого каталога стандартными средствами программы MS FRONTRAGE выполнялась публикация готовых файлов на WEB сервере, предоставленном фирмой МАРТЕЛКОМ для отладки технологий в реальных условиях;

4) этап работы с опубликованными на страницах WEB сервера материалами.

Эта технология была применена при вводе в БД АРФУ отчетов общим объемом более 1000 страниц. Опытная проверка показала, что предлагаемый подход является вполне конструктивным и обеспечивает удовлетворительное сочетание простоты обслуживания БД АРФУ с гибкостью ее использования конечными пользователями.

БД АРФУ уже сейчас, в ходе создания, служит источником информации при подготовке томов «Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века» и «Этногенез и ранняя история финно-угров Поволжья и Приуралья» из многотомного издания «Финно-угры Поволжья и Приуралья» и других работ. БД АРФУ придает дополнительный импульс процессу формирования нового типа исследователя, который владеет современными методами и технологиями сбора, обработки и анализа археологических материалов.

Vyacheslav Abdulaev, Yuriy Zeleneev, Tatyana Nikitina

Full-textual data base on archaeology of Finno-Ugric people of Volga and Ural regions

In 1997 the scientific center of Finno - Ugric Study fulfilled the task on foundation of data base on archaeology of Finno - Ugric people of Volga and Ural regions on the money received from the Russian humanitarian scientific fund (progect N 96-01-12066).

Reports about archaeological investigations served as a ground of full-textual data base. At present computer versions of a great number of reports, kept in csientific institutions of the Republic of Mari El, are made. The conditions are prepared for working with the reports for distant users by means of Internet system.

For information retrieval in data base on archaeology of Finno - Ugric people (BD ARFU) the list of key words is maintained, which is constantly enlarged. At present terms, denoting common archaeological notions are used as key words in BD ARFU.

Experimental control showed that suggested approach is quite constructive and it provides satisfactory combination of easy service of BD ARFU with flexibility of its usage by terminal users.

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Вера Перова
Йошкар-Ола

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ АНТОНИМОВ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Из всех разделов науки о языке наименее разработанной областью марийского языкознания является лексикология. Ее разделы изучены неравномерно. К примеру, достаточно хорошо изучен словарный состав марийского языка с исторической точки зрения, а также некоторые его частные вопросы. В числе последних можно назвать фразеологические обороты и синонимию. Однако многие актуальные вопросы продолжают оставаться вне поля зрения исследователей. Так, например, совершенно неразработанной темой можно считать антонимы марийского языка.

В марийском языкознании определенное внимание антонимам уделено в книге «Современный марийский язык. Лексикология» (I, с. 62—63). В частности в ней дается понятие об антонимах, отмечается наличие большого количества антонимов «среди недифференцированных слов, которые в зависимости от контекста можно рассматривать как существительные, прилагательные, наречия и т. д.» (I, с. 63). К таковым антонимам авторы относят «антонимы *йӱштӧ* «холод, холодный, холодно» — *шокшо* «жар, жаркий, жарко; горячий, горячо», *шере* «сладость, сладкий, сладко» — *кочо* «горечь, горький, горько» (I, с. 63). Однако в указанной книге антонимы не подлежат полной характеристике. Например, не освещен вопрос о синонимичных парах антонимов, не определены отличительные черты антонимов и их типы. Для того, чтобы в определенной степени восполнить данный пробел, в статье попытаемся выделить типы лексических антонимов в марийском языке.

Как справедливо отмечает В. Ярцева, «Антонимы (от греч. anti — «против» и onyma — «имя») — слова одной части речи, имеющие противоположные значения» (2). К антонимам следует отнести разнозвучные слова, объединяющиеся в пары, члены которых противопоставлены друг другу по своему лексическому значению, например, *шулык — цер* 'здоровье — болезнь', *сусу — ойхы* 'радость — горе', *ошы — шимӹ* 'белый — черный', *чӹнь — олен* 'быстро — медленно', *чӱчӓш — пачаш* 'закрыть — открыть' и т. д. Необходимо отметить, что не все слова, определяемые как

антонимы, находятся между собой в одинаковых семантических отношениях. Одни слова, являющиеся антонимами, по своей семантике прямо противоположны, другие же противопоставляются друг другу лишь частично.

Для более точного и правильного понимания отношений между словами-антонимами можно использовать дополнительное понятие — степень антонимии (противоположности) (3, с. 66). Как показывает фактический лингвистический материал, полной противоположностью значений обладают далеко не все пары антонимов. Например, пары *улы — уке* 'имеется в наличии — не имеется в наличии', *ӱлны-кӱшнӧ* 'внизу — вверху', *шытыр — мызи* 'беспокойный — медлительный' неравнозначны. В приведенных примерах о полной противоположности значений можно говорить лишь в первой антонимичной паре, т. е. *улы — уке* 'имеется в наличии — не имеется в наличии'. В данной паре наблюдается высшая степень антонимии. *Ӱлны* 'внизу' и *кӱшны* 'вверху' — слова, значения которых на первый взгляд достаточно ясно выражают противопоставление по семантическому значению. Однако выражаемые ими понятия «внизу» и «вверху» являются относительными, т. к. нахождение предмета внизу или вверху определяется только по отношению к какому-либо предмету, находящемуся в пространстве в известном положении. В связи с этим в данном случае мы имеем дело с неполными антонимами. Значительно слабее выражена антонимия в паре *шытыр — мызи* 'беспокойный — медлительный'. На наш взгляд, слову *шытыр* 'беспокойный' следует противопоставить слово *ладна* 'спокойный'. Шытыр — мызи «беспокойный — медлительный» — это тоже антонимы, но с ослабленной степенью антонимии.

Ослабление степени противоположности значений в данной паре определяется дополнительным оттенком значения слова *мызи* 'медлительный'. Дело в том, что слово *мызи* 'медлительный' в марийском языке по отношению к человеку имеет несколько уничижительное значение. Оно вызывает у пользователя языком или его носителя негативное представление о человеке, имеет эмоционально-экспрессивный оттенок, т. е. является по сути пейоративным словом. Ср.: *Тыдӧ ладна эдем ылыы.* 'Он был спокойным человеком'. *Тыдӧ мызи эдем ылыы.* 'Он был слишком нерасторопным человеком'. Слово *ладна* 'спокойный' является стилистически нейтральным, не обладающим экспрессией. Итак, антонимичную пару *шытыр — мызи* 'беспокойный — медлительный' нельзя отнести к полным, абсолютным антонимам. Они являются неполными антонимами.

Свидетельством того, что антонимия в марийском языке может иметь еще более ослабленную степень, является, к примеру, антонимичная пара *пирӧ — шарык* 'волк — овца', члены которой могут быть противопоставленными по своим переносным значениям, обусловленным текстом. Слово *пиры* 'волк' выступает в значении «грубой силы», а слово *шарык* 'овца'

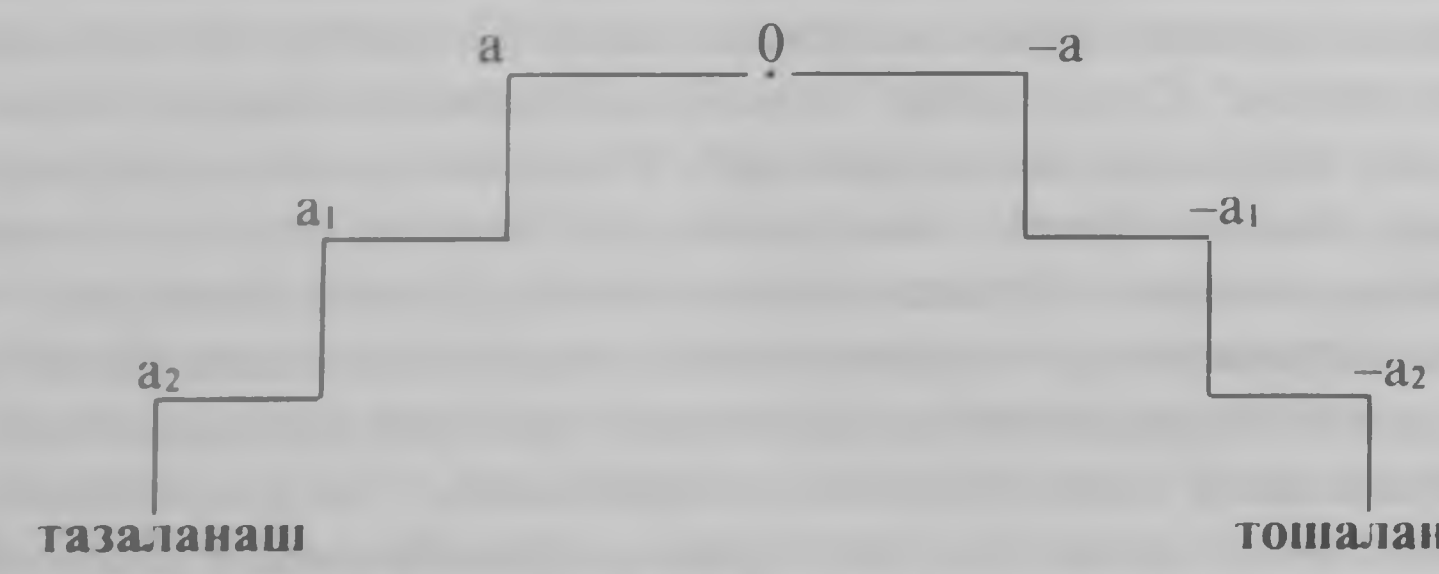
— воплощение слабости, беспомощности, глупости. Например: *Тӹньжы шарык постол ылат ... Эдемлӓнат лӹмыштыы веле эдем. Пирӹ ганьвлӓ тӹньым анжат* (4, с. 41). 'Ты на овцу похож ... У людей тоже одно название — люди. Волками на тебя смотрят'. *Айдемын кӧргыштыжӧ пире ден шорык улыт* (5, с. 23). 'У человека внутри есть и волчье и овечье'. Противопоставление в значении подобных антонимов зависит от ситуации или контекста, вследствие чего их нужно назвать контекстуальными.

Таким образом, в зависимости от степени противоположности в значении слов в антонимичной паре в марийском языке выделяются полные, неполные и контекстуальные типы лексических антонимов.

Полными антонимами являются пары типа *пачаш — чӱчӓш* 'открыть — закрыть', *ышан — ороды* 'умный — глупый', *яжо — худа* 'хороший — плохой', члены которых противопоставляются по лексическому значению прямолинейно, а среднее их значение может выражаться отдельным словом. Например, между противоположными по значению словами *ӱштӹ — шокшы* 'холодный — горячий' лежит среднее понятие *ливӹ* 'теплый'. Полные антонимы можно определить как крайние точки ряда слов, обозначающих однородные понятия, или как два слова, «находящиеся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» (6, с. 145). Ниже остановимся на рассмотрении глаголов:

вашталтдеок кодаш 'остаться без изменений'
яжоланаш 'хорошеть' — *худаланаш* 'худеть'
кӹжгемӓш 'полнеть' — *вӹцкӹжгӓш* 'худеть'
тазаланаш 'толстеть' — *тошаланаш* 'отощать'.

Сочетание *вашталтдеок кодаш* 'остаться без изменений' для перечисленных выше пар антонимов выполняет роль смыслового центра, а антонимичные пары *яжоланаш — худаланаш, кӹжгемӓш — вӹцкӹжгӓш, тазаланаш — тошаланаш* могут быть признаны полными, симметричными по отношению к семантическому центру, антонимами, они вступают между собой в синонимические отношения. Логическую схему такого ряда полных антонимов можно представить следующим образом:

Позиция 0 — ось симметрии, обозначающая начало отсчета измеряе-

мого признака или явления в обе стороны горизонтальной оси; «а» и «–а», «$а_1$» и «$–а_1$», «$а_2$» и «$–а_2$» — симметрично расположенные антонимы, обозначающие степень противоположности данного признака. Из сказанного выше следует, что симметрия является одним из главных признаков полных антонимов. Однако последние имеют и другие свойства, в той или иной мере характерные также неполным и даже контекстуальным антонимам, а именно:

1) для того, чтобы осознать противоположность значений полных антонимов, контекст не обязателен. Пары антонимов закрепляются в памяти людей, и произнесение первого члена пары вызывает в сознании возникновение другого члена этой пары: *изи — кого* 'маленький — большой', *тӹнгӓлтӹш — пӹтӓртӹш* 'начало — конец', *лишӹл — мӹндӹр* 'близкий — дальний';

2) полные антонимы принадлежат к одному семантическому ряду: *ӓнгӹсӹр — кымда* 'узкий — широкий' обозначают противоположные характеристики при измерении каких-либо предметов по горизонтали; *ӱштӹ — шокшы* 'холодно — жарко' характеризуют температурный режим и т. д.;

3) способность первого члена пары антонимов иметь наряду с одним прямым антонимом ряд синонимичных антонимов. Например: *пӹсӹ — ялахай* 'расторопный — ленивый', *пӹсӹ — ладна* 'расторопный — спокойный', *пӹсӹ — мызи* 'расторопный — неповоротливый' и т. д.;

4) в различных частях речи полные антонимы сохраняют значение противоположности: *кужы — мытык* 'длинный — короткий' — имена прилагательные; *кужын — мытыкын* 'длинно — коротко' — наречия; *кужемдӓш — мытыкемдӓш* 'удлинить — укоротить' — глаголы;

5) особенно высокая по сравнению с контекстуальными и неполными антонимами употребляемость. Полные антонимы употребляются во всех стилях речи.

Кроме антонимов общеупотребительных, полных, как было отмечено выше, в марийском языке можно выделить также неполные антонимы. Они обладают следующими свойствами:

а) различной сферой употребления;

например, в антонимичной паре *екшук — ладна* 'непоседливый — спокойный' слово *екшук* употребляется в переносном значении и в разговорном стиле, напротив, слово *ладна* имеет прямое значение и употребляется в нейтральном стиле;

б) различными оттенками идеографических значений;

полной антонимичной парой по своему лексическому значению являются слова *изи — кого* 'маленький — большой'. Однако в лексике марийского языка имеется слово *армыж* 'огромный' 1) неуклюжий, слишком большой; 2) жестокий (о человеке); 3) страшный (о зверях) (7, с. 11). Антонимичная пара *изи — армыж* 'маленький — огромный' относится к неполным антонимам;

в) различной эмоционально-экспрессивной окраской;

в словах-антонимах *пыйвызы — кыжгы* 'хилый — толстый' слово *пыйвызы* является пейоративным, употребляемым в разговорном стиле, слово *кыжгы* относится к нейтральному стилю.

Неполные антонимы имеют эмоционально-экспрессивный оттенок, способны точно передать мысль, создать яркий образ. Если полные антонимы в результате частого употребления воспринимаются пользователем языка несколько шаблонно, то неполные антонимы обычно неожиданны, свежи и воспринимаются соответственно.

Следует отметить, что в образовании пар неполных антонимов большое место занимают устойчивые словосочетания, например, *нерым сакалташ* 'нос повесить' — *шылдырангаш* 'воспрянуть духом'; *ялым шагалтен вазаш* 'бездельничать' — *шокш кӓргӓлтен ровотаяш* 'работать засучив рукава'. Антонимичные пары, образованные при помощи фразеологических оборотов, обладают большой выразительностью.

В зависимости от различных признаков, которыми обладают слова с противоположными значениями, в марийском языке могут быть выделены контекстуальные антонимы. «Отличительным признаком контекстуальных антонимов является то, что они встречаются только в речи одного какого-либо писателя, публициста, оратора. Такое индивидуально-стилистическое использование не закреплено общенародным употреблением» (8, с. 19). Подобные слова-антонимы имеют противоположное значение лишь в определенном тексте, а вне него перестают быть антонимами. Нельзя, к примеру, вне контекста считать слова *вольык — эдем* 'скотина — человек' антонимами, однако в авторском стихотворном тексте они, имея переносное значение, выступают как слова с противоположными значениями. Например: *Вольык лишаш агыл Эдем ылмы годым* (4, с. 245) 'Не будь скотиной, если ты человек'.

Контекстуальные антонимы по преимуществу являются словами, стилистически ярче окрашенными и более выразительными по сравнению с нейтральными антонимами. Из сказанного выше можно сделать вывод, что основными признаками контекстуальных антонимов являются:

а) противоположность не по основному, а по переносному значению, обусловленному текстом;

б) выразительность, образность;

в) более широкое распространение в поэзии, публицистике, в разговорном языке.

Таким образом, в марийском языке по степени антонимии следует выделить полные, неполные и контекстуальные антонимы, которым присущи специфические особенности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Казанцев Д. Е., Патрушев Г. С.* Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола, 1972.
2. *Ярцева В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.
4. *Игнатьев Н. В.* Собрание сочинений. Т. I. Йошкар-Ола, 1995.
5. *Китиков А. Е.* Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола, 1991.
6. *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
7. *Саваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.
8. *Введенская Л. А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1995.

Vera Perova

Types of lexical antonyms in the Mari language

The author of the article stresses the importance of paying special attention to the degree of the opposition of word meanings in the pair of antonyms: full, semi-full and contextual in the Mari language.

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

ОБ УГОРСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В ТОПОНИМИИ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

1. Проблема марийско-угорских контактов давно волнует умы не только лингвистов, но и фольклористов, этнографов, археологов. Особенно большие разногласия наблюдаются среди языковедов: одни (Ю. Тойвонен, Б. Коллиндер, Б. Серебренников и др.), исходя из праязыковой теории, все незаимствованные родственные слова относят ко временам уральской или финно-угорской языковой общности; другие же (Б. Бубрих, Д. Казанцев, Я. Пустаи и др.), основываясь на теории этнических и языковых контактов, рассматривают их как результат взаимопроникновения. Мы придерживаемся последней теории, как наиболее верной, не условной и реалистичной.

2. На территории Республики Марий Эл мы обнаружили ряд гидронимов, апеллятивы которых с весьма большой долей вероятности можно этимологизировать только на материале обско-угорских языков. Лишь в одном случае имеется параллель в удмуртском и венгерском языках — это манс. *Ар(и)* 'сезонная река', удм. *Ӧр* 'ручей, русло', венг. *ér* 'ручей', мар. горн. *ӑр* 'лужа после весеннего разлива'.

Угорскими по своему происхождению, на наш взгляд, являются следующие апеллятивы:

1) *Я* 'река', ср. р. *Турья* — в бассейне р. Ветлуги. Гидроним состоит из манс. *тур* 'озеро' + *я* 'река'.

2) *Шош* 'ручей', ср. р. *Шошка* — правый приток р. Вятки. Гидроним состоит из манс. *сос* 'ручей, сырой ложок' + *-ка* — русский уменьшительный суффикс, ср. р. *Ноля* — р. *Нолька*. На марийской почве свистящий согласный *с* перешел в шипящий *ш*, ср. фин. *sulaa* 'тает', мар. *шула* 'тает'.

3. *Тур* 'озеро', ср. р. *Турша* — правый приток р. Б. Ошлы. Лимноним состоит из манс. *тур* 'озеро' + *ша* — гидроформант; р. *Туречка* — левый приток р. Ноли. Потамоним образован из манс. *тур* 'озеро' + *ечка* — русский гидроформант, ср. р. *Вежечка* — правый приток р. Днепра, р. *Безнечка* — левый приток р. Сожи.

4. *Ум (Юм)* 'река', ср. р. *Юмочка* — левый приток р. Уржумки, р. Ви-

тьюм — левый приток р. Большой Кокшаги, р. Визимка — правый приток р. Ировки. Потамоним *Юмочка* состоит из манс. *ум (юм)* 'река', ср. манс. *хулюм* 'нерестовая речка', где *хуль* 'рыба' + *ум* 'река' и русского суффикса *-очка*, ср. р. Вожочка — правый приток Днепра. Потамонимы Витьюм и Визимка образовывались из двух мансийских слов: *вит* 'вода' и *ум (юм)* 'речка', лишь в потамониме Визимка, по-марийски Визым, на марийской почве произошел переход согласного *т* через *д* в *з*, ср. мар. *пудо~пузо* 'золовка', фин. *nato* 'золовка'. Конечный элемент *-ка* — русский уменьшительный суффикс.

5. *Сап (шап)* 'ручей, являющийся притоком между озерами или реками', ср. оз. *Шап* и р. *Шапинка* — левый приток р. Большой Кокшаги. Лимноним и потамоним восходят к хант. *сяв, сап* «ручей, являющийся протоком между озерами или реками», тем более, что рассматриваемые названия расположены на берегу р. Шапинки. Об этом же свидетельствует гидроним Ключ Сап в Татарстане.

Ivan Galkin

About Ugric elements in toponymy of the Republic of Mari El

There is a number of toponyms on the territory of the Republic of Mari El, the origin of which is connected with the Mansi language: tur - lake; um (yum) - river; sap (shap) - stream and some others. Appearance of such toponyms is the result of inter-penetration of languages and ethnic groups.

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

ПЕРСОНАЛИИ

ПРОФЕССОР КЛАВДИЯ ИВАНОВНА КОЗЛОВА
(к 75-летию со дня рождения)

Творческий путь доктора исторических наук, профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Клавдии Ивановны Козловой неразрывно связан со становлением и развитием отечественного финно-угроведения.

К. И. Козлова родилась 17 ноября 1922 года в селе Васильевском Михневского района Московской области. В 1940—1945 годах училась на историческом факультете Московского университета, специализировалась на кафедре этнографии. Ее научная деятельность началась полвека назад — в первые послевоенные годы. С 1 февраля 1946 года К. И. Козлова обучалась в аспирантуре под научным руководством известного специалиста в области истории первобытного общества и кавказоведения профессора М. О. Косвена. С 1947 года Клавдия Ивановна неоднократно выезжала с экспедицией в Марийскую АССР, сначала как аспирантка, позже как преподаватель — вместе со своими студентами. Во время этих поездок она собирала архивный и полевой материал для будущих научных работ. В июне 1949 года К. И. Козлова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Пережитки родовой организации у мари в XIX веке».

В 1954 году в «Ученых записках» МарНИИ К. И. Козлова опубликовала первую научную статью о большой семье у марийцев на рубеже XIX—XX вв. В дальнейшем К. И. Козлова вплотную занялась изучением этнической истории как финно-угорских, так и тюркских народов Поволжья и Приуралья. В 1964 году Клавдия Ивановна опубликовала учебное пособие «Этнография народов Поволжья» — первую в этнографической литературе сводную работу, охватывающую все народы Поволжья. Она

написана на основе полевых этнографических материалов, собранных автором во время многолетних экспедиций к народам Поволжья и Приуралья. В книге показаны различные стороны материальной и духовной культуры поволжских народов (общие сведения о народах, этногенез, хозяйство, жилище, одежда, сельская община, семья и семейные обряды, религиозные верования, народное творчество марийцев, удмуртов, мордвы, чувашей, поволжских татар, башкир).

В апреле 1969 года К. И. Козлова защитила докторскую диссертацию на тему «Очерки исторической этнографии марийского народа», которая легла в основу монографии «Очерки этнической истории марийского народа», изданной Московским университетом в 1978 году и ставшей крупным явлением в отечественной этнографической науке. Этот научный труд К. И. Козловой — первое в отечественной исторической литературе обобщающее исследование по проблемам этногенеза и этнической истории марийского народа с древнейших времен до начала XX в., которые рассматриваются в тесной связи с социально-экономическим развитием Марийского края в разные исторические периоды. Особое внимание в нем уделено вопросам этнической общности марийцев в переходный период от первобытно-общинного строя к классовому обществу, а также межэтническим связям марийцев с соседними народами Поволжья. В ее основу положены результаты двадцатилетних полевых этнографических работ в Марийской АССР, сопредельных районов соседних областей (Кировской и Нижегородской) и республик (Чувашия, Татарстан), населенных марийцами, а также разнообразный комплекс источников (архивных, археологических, фольклорных, топонимических и др.).

К. И. Козлова проявляла большой интерес к этнической истории и других народов, о чем свидетельствуют ее труды о сосьвинских манси, верхневолжских карелах, молоканах Армении. Она является автором статей о марийцах, мере, мишарах, тептярах, терюханах, нагайбаках и других в «Большой советской энциклопедии» и «Советской исторической энциклопедии».

Исследовательская работа К. И. Козловой неотделима от преподавательской. Она в течение многих лет вела и ведет лекционные и семинарские занятия со студентами — будущими этнографами в Московском университете. Ею изданы методические и учебные пособия по истории первобытного общества и основам этнографии для студентов исторических факультетов университетов страны. Эти пособия, выдержавшие несколько изданий, стали настольной книгой этнографов, историков, археологов.

В настоящее время профессор К. И. Козлова читает курсы «Современная семья народов России: этнографические аспекты», «Современные проблемы финно-угроведения», ведет спецсеминары и спецкурсы.

Одним из важнейших направлений в исследовательской деятельности К. И. Козловой является изучение так называемых «контактных зон» в историческом аспекте, выяснение этнокультурных связей между горными марийцами и чувашами-вирьялами, луговыми марийцами и русскими (в пределах Кировской области), южными удмуртами и татарами. Этой проблеме посвящен цикл статей К. И. Козловой, опубликованных в различных изданиях.

В последние годы К. И. Козлова опубликовала статьи по историографии этнографии, в которых подвергла критическому анализу этнографическую литературу о финноязычных народах России, изданную в 60—70-х годах.

Неоценимы заслуги К. И. Козловой в подготовке научных кадров. Ее чуткую помощь и доброжелательное отношение испытывали многие студенты, молодые аспиранты и докторанты в процессе своей работы над диссертациями и первыми научными трудами.

За заслуги в научно-исследовательской деятельности, большой вклад в исследование этнической истории марийского народа и подготовку научно-педагогических кадров в ноябре 1982 года К. И. Козлова награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР.

В день юбилея финно-угроведы желают Клавдии Ивановне стабильного здоровья, творческого долголетия, личного благополучия и большого счастья.

Геннадий Айплатов, Ананий Иванов
Йошкар-Ола

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА К. И. КОЗЛОВОЙ

1. Большая семья у марийцев в конце XIX — начале XX вв. // Ученые записки МарНИИ. Вып. VI. Йошкар-Ола, 1954. С. 161—183.

2. Русские западного побережья Чудского озера // Труды Института этнографии АН СССР. Вып. XXIII. М., 1954.

3. История первобытного общества и основы этнографии: Методические указания. М.: Изд-во МГУ, 1955.

4. Этнография в Московском университете // Советская этнография, 1955, № 2.

5. Восточные марийцы // Труды Мар НИИ. Вып. XI. Йошкар-Ола, 1958. С. 110—122.

6. Краткая характеристика этнографических работ в Марийской АССР в 1956 году // Труды МарНИИ. Вып. XI. Йошкар-Ола, 1958. С. 123—130.

7. Об этнических связях чувашей и марийцев // Вестник Московского университета. Серия «История». М.: Изд-во МГУ, 1958, № 4, С. 153—164.

8. История первобытного общества и основы этнографии: Московский университет. М.: Изд-во МГУ, 1960.

9. Марийцы Горьковской и Кировской областей // Труды МарНИИ. Вып. XVI. Йошкар-Ола, 1961. С. 181—194.

10. Полевые этнографические работы 1960 г. по изучению марийского населения // Там же. С. 195—211.
11. Народы Поволжья // Очерки по этнографии СССР: Европейская часть. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 47—82.
12. Этнография народов Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1964. 175 с.
13. Материальная культура марийского крестьянства в XVIII и XIX вв. // Очерки истории Марийской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Йошкар-Ола, 1965.
14. Молокане Армении // Вопросы научного атеизма. Вып. 2. М., 1966.
15. Из опыта изучения молокан Армении // Конкретные исследования современных религиозных верований. М., 1967.
16. Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола. 1967. С. 110—119.
17. История первобытного общества и основы этнографии: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1967.
18. Народы Кавказа // Основы этнографии: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1968.
19. Неславянские народы Европейской части СССР // Там же.
20. Специфика этнической общности марийцев в период присоединения к России // Советская этнография, 1968, № 6. С. 25—38.
21. Соседская община и патронимия у марийцев феодального периода // Вестник Московского университета. Серия «История». 1969, № 6. С. 43—55.
22. Методические указания по курсу «История первобытного общества и основы этнографии». М.: Изд-во МГУ, 1970.
23. Марийско-русские этнические границы и связи в XVII—XVIII вв. // Новые страницы в истории Марийского края: Труды МарНИИ. Вып. XXIII. Йошкар-Ола, 1971. С. 213—236.
24. История первобытного общества и основы этнографии: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1972.
25. Обзор этнографических работ в Волго-Камье в 1971 г. // Советская этнология и антропология. Вып. 2.
26. Рец.: Очерки истории Марийского края. Т. 1. Йошкар-Ола, 1965 // Вопросы истории, 1967, № 5.
27. Марийцы // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. Мальта-Нахимов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. С. 82—83.
28. Меря // Там же. С. 378.
29. Мишари // Там же. С. 526.
30. Рец.: Гусев О. И. Поносовский колхоз «Правда». Кудымкар, 1952 // Советская этнография, 1953, № 4.
31. Рец.: Вопросы истории чувашского народа // Советская этнография, 1950, № 4.
32. Expertence Sained in Studying the Molokans of Armenia // Soviet Sociologi. Vol. VII. № 3—4. Winter-Spring. 1969—1970.
33. История первобытного общества и основы этнографии: Московский университет для студентов-заочников. М.: Изд-во МГУ, 1974.
34. Обзор этнографических работ в Волго-Камье в 1971 г. // Советская этнология и антропология. Изд-во Мутон. Нидерланды, 1973. На англ. яз.
35. Проблемы изучения этнокультурных контактных зон Среднего Поволжья // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976.
36. Ясачная община у мордвы в XVII в. // Труды IV Международного конгресса финно-угроведов. Будапешт, 1975.
37. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ, 1978. 345 с.: илл.
38. История первобытного общества и основы этнографии: Московский университет. М.: Изд-во, МГУ, 1978.
39. Мордовская крестьянская община XVII века // Вестник Московского университета: Серия «История». 1978, № 3.

40. Этнокультурные связи сосьвинских манси в системе современного размещения и взаимодействия населения Северного Приобья // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979.

41. Современная сельская семья верхневолжских карел // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1979 гг.: Тезисы докладов. Уфа, 1980.

42. Изменения в семейном быту верхневолжских карел в процессе урбанизации села // Congressus Guintus Internationalis Fenno-Ugristarum, Turku. 20—27. Viii. 1980. Pars VIII. S. 53—58.

43. Тенденции деэтнизации верхневолжских карел в сфере семейно-бытовых отношений: Тезисы докладов. Фрунзе, 1981.

44. Роль современной социально-культурной среды в этническом процессе // Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире». Элиста, 1981.

45. Община // Мордва. Саранск, 1981 (в соавторстве с В. Тумайкиным).

46. Социально-экономические общности финноязычных народов в феодальный период // Второй конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы. Суздаль, 1982.

47. Неславянские народы Европейской части СССР // Этнография: Учебник. М., 1982.

48. Народы Кавказа // Там же.

49. Современные этнокультурные контакты сосьвинских манси // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.

50. Влияние традиционно-бытовой среды на социализацию подрастающего поколения у финноязычных народов Поволжья // VI Международный конгресс финно-угроведов: Тезисы докладов. Т. IV. Сыктывкар, 1985.

51. История первобытного общества и основы этнографии: Методические указания. М.: Изд-во МГУ, 1986.

52. О специфике вузовской подготовки этнографов // Советская этнография, 1988, № 6.

53. Социально-экономические основы исторической дружбы народов Средневолжского региона в пореформенный период // Исторические связи и дружба народов СССР. Киев, 1988.

54. Проблемы этнической истории финно-угорских народов СССР в советской этнографической литературе 60—80-х годов // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 70—96.

55. Этническая история финноязычных народов России в этнографической литературе 60 — начала 90-х годов // Марийский археографический вестник. 1994, № 4. С. 4—17.

56. Рец.: Удмурты // Этнографическое обозрение, 1994, № 3.

57. Рец.: Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. 368 с. // Финно-угроведение, 1995, № 2.

58. Сергей Александрович Токарев — профессор // Благодарим судьбу за встречу с ним: О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке. М., 1995.

59. К проблеме ранних этнокультурных контактов мордвы и марийцев // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1995.

60. Рец.: Владыкин В. В. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов // Этнографическое обозрение, 1997, № 1.

ЛИТЕРАТУРА О К. И. КОЗЛОВОЙ

Сепеев Г. А. Этнограф: Профессор К. И. Козловалан — 60 ий // Марий коммуна, 1982, 18 ноябрь.

Айплатов Г. Н., Иванов А. Г. Профессор Козлова Клавдия Ивановна: К 70-летию со дня рождения // Марийский археографический вестник, 1993, № 3. С. 134—135.

Айплатов Г., Сепеев Г. Марийым шымлыме надыр // Марий Эл, 1993, 6 май.

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Василий Ванюшев
Ижевск

К. И. КУЛИКОВУ — 60 ЛЕТ

Свое шестидесятилетие, которое исполнилось 8 ноября 1997 года, Кузьма Иванович Куликов, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики, доктор исторических наук, директор Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, известный во всем Урало-Поволжье и финно-угорских научных кругах как инициатор обсуждения и разрешения многих актуальных вопросов, встречает полный энергии и новых замыслов, хотя пройден немалый и нелегкий путь борьбы и свершений.

Родился и вырос К. И. Куликов в деревне Елкибаево (Актэмыр) Алнашского района Удмуртской АССР в крестьянской семье. В 1956 году он окончил Асановский совхоз-техникум, затем отслужил в армии, поступил в Ижевский сельскохозяйственный институт. На третьем курсе перешел на заочное отделение и завершил учебу в 1964 году. Несколько лет работал в профсоюзных органах: заведовал отделом культуры и быта в обкоме профсоюза работников сельского хозяйства, был председателем профкома Ижевского колхозно-совхозного управления.

После окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС в Москве в 1966 году К. И. Куликов 9 лет находился на партийной работе: был лектором, руководителем лекторской группы, заведующим отделом агитации и пропаганды Удмуртского обкома партии. С этой должности и поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Завершил он учебу в 1978 году с защитой диссертации «Партийное руководство культурно-просветительской работой», которую вскоре издал отдельной книгой. Ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Сразу после аспирантуры его назначили на должность директора Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР.

В новой должности К. И. Куликов приложил немало усилий для укрепления материально-технической и научной базы института. Было построено новое здание, приняты меры по пополнению фондов научного архива, библиотеки, расширению лингвистических, этнографических, фольклорных, археологических и других экспедиций, создавших реальную

базу для перевода института в академическую систему, что произошло в 1988 году, и предопределивших новый уровень научной деятельности коллектива. Была проведена большая работа по созданию системы эффективной научно-организационной и издательской деятельности. В издательских планах института все большую долю стали занимать не тематические сборники статей, а монографические труды по всем направлениям его научной сферы. Был взят также курс на создание научно-популярных книг. Так голос института стал более слышен в разных слоях общества.

В 1990-х годах произошла компьютеризация научного и издательского процесса. Результаты не заставили себя долго ждать. Только в период с 1991 по 1996 гг. сотрудниками института издано 60 книг, среди которых 21 монография, 17 тематических сборников, 6 сборников фольклорных текстов, 6 словарей, 5 учебных пособий и других книг. Изданы первые два тома задуманного шеститомного собрания сочинений первого удмуртского ученого и писателя Г. Е. Верещагина и некоторые другие памятники письменности и культуры удмуртского народа.

Долгие годы институту не разрешали издавать монографические труды. Теперь такие препоны были преодолены. Это стимулировало появление новых, более глубоких исследований. В результате только за последние годы защищены три докторские, более десяти кандидатских диссертаций, открыта аспирантура по пяти направлениям: по археологии, этнографии, отечественной истории, фольклористике и литературоведению. Руководство института придает важное значение подготовке новых кадров.

По своему научному потенциалу, разработкам и влиянию на формирование исследовательских направлений в республике по гуманитарным наукам институт занимает определяющее место. Его сотрудники, разрабатывая актуальные проблемы текущего времени, не только своими публикациями, но и записками и рекомендациями, направляемыми в руководящие органы, способствуют формированию научного подхода к решению насущных задач.

Своими исследованиями сотрудники института участвуют в реализации научных планов головных институтов Российской Академии наук, расположенных в Москве, Петербурге, Екатеринбурге. Расширяются научные контакты, совместные исследования с финно-угорскими центрами Венгрии, Финляндии, Эстонии.

По своим публикациям К. И. Куликов известен как яркий и темпераментный исследователь. Он автор более 100 научных, публицистических и литературных трудов, в том числе восемнадцати книг.

Научные интересы К. И. Куликова сосредоточиваются вокруг истории гражданской войны в Удмуртии и национально-государственного строительства финно-угорских урало-поволжских народов. Рассматривая ход и характер гражданской войны на территории республики, он пер-

вым ввел в научный оборот документы белогвардейских войск, подошел к этим событиям как к общенациональной трагедии.

К. И. Куликов одним из первых начал разработку актуальнейших на сегодня теоретических проблем национально-государственного строительства финно-угорских народов Урало-Поволжья. Первым из ученых республики проанализировал негативные стороны в решении национального вопроса в России, в частности — на примере судеб финно-угорских народов. Им рассмотрены различные аспекты политики коренизации, коллективизации, районирования, раскрыты такие вопиющие факты беззакония, репрессий в отношении финно-угорской интеллигенции, как «Дело СОФИН», подробности которого до сих пор скрываются в архивах Министерства безопасности. Результаты этого исследования изложены в монографии «Национально-государственное строительство восточно-финских народов: 1917—1937 гг.», которая в 1993 году успешно была защищена в качестве докторской диссертации.

На основе огромной источниковой базы К. И. Куликовым исследованы проблемы самоопределения народов и обосновывается необходимость сохранения целостности Российской Федерации. Научные исследования К. И. Куликова не являются теоретическими трудами, оторванными от реальной жизни, они имеют и практическую значимость. С его участием или по его инициативе разработан ряд проектов и законов по науке, культуре, подготовке национальных кадров, возрождению финно-угорских народов, сохранению содружества народов многонациональной России.

Идеи, заложенные в проекты, им излагались на российских и международных конгрессах и симпозиумах (в частности, он участвовал в работе четырех Международных конгрессов финно-угроведов), нескольких съездах народов Урала и Поволжья, на Сенежском форуме.

Деятельность К. И. Куликова широка и многогранна. Он профессор ряда вузов республики, член двух специализированных советов по защите диссертаций, неугомонный журналист, имеющий свою программу «Государство и мы» на телевидении, постоянный консультант ряда комитетов при Правительстве УР и министерств.

Библиография

трудов К. И. Куликова, опубликованных в 1982—1996 гг.
(к 60-летию со дня рождения)

Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск: Удмуртия, 1982. 260 с.

Воробьев Н. В. Жизнь в науке / Литературная запись Куликова К. И. Ижевск: Удмуртия, 1983. 136 с.

Дорогами победы: Сборник очерков и воспоминаний / Сост. *Куликов К. И.* Устинов: Удмуртия, 1985. 288 с.

Перевощикова А. И. Судьба моя — дети / Литературная запись *Куликова К. И.* Устинов: Удмуртия, 1985. 200 с.

Куликов К. И. По следам подвига / Соавт.: *Поздеев В. П.* Ижевск: Удмуртия, 1985. 124 с.

2-я армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918—1919. Документы / Сост. *Куликов К. И.* и др. Устинов: Удмуртия, 1987. 316 с.

Загребин А. М. Клятва Гиппократа / Литературная запись *Куликова К. И.* Ижевск: Удмуртия, 1988. 200 с.

Куликов К. И. Версты мужества: Очерки. Ижевск: Удмуртия, 1990. 286 с.

Куликов К. И. Удмуртская Автономия: Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск: Удмуртия. 1990. 208 с.

Куликов К. И. Трокай: Художественно-документальная повесть. Ижевск: Удмуртия, 1991. 336 с.

Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе / Соавт.: *Дмитриев П. Н.* Ижевск: Удмуртия, 1992. 392 с.

Куликов К. И. Национально-государственное строительство восточнофинских народов в 1917—1937 гг.: Монография. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1993. 280 с.

Куликов К. И. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993 г. / Соавт.: *Христолюбова Л. С.*: Ин-т этнологии и антропологии РАН М., 1994. 26 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 73.).

Куликов К. И. Кому выгодна ксенофобия. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1996. 32 с.

Куликов К. И. Под знаменем революции // Ижмаш. Ижевск, 1982. С. 34—51.

Куликов К. И. Институт но улон // Молот, 1983. № 3. С. 2—5.

Куликов К. И. Слушая голос поэта // Восхождение: Статьи, воспоминания о Флоре Васильеве. Ижевск. 1984. С. 329—338; 2-е изд., доп. 1996. С. 431—440.

Шкляев Н. Ми вадьсын гожеръяз эзель / Мадемъёссэ гожтиз но дасяз *Куликов К. И.* // Молот. № 9. С. 8 — 18.

Куликов К. И. Ложная переправа // Дорогами победы. Устинов, 1985. С. 99 — 111.

Куликов К. И. Военврач Векшина / Соавт.: *Зубарев С. П.* // Дорогами победы. Устинов. 1985. С. 112—123.

Куликов К. И. До последней капли крови / Соавт.: *Зубарев С. П.* // Дорогами победы. Устинов. 1985. С. 124—152.

Куликов К. И. Оставалось двадцать дней войны // Дорогами победы. Устинов, 1985. С. 153—187.

Куликов К. И. В горах Словакии // Дорогами победы. Устинов, 1985. С. 225—236.

Куликов К. И. Осколок в сердце // Дорогами победы. Устинов, 1985. С. 275—285.

Куликов К. И. Введение / Соавт.: *Шабанов И. И.* // Взаимодействие общественного и личного при семейном подряде: (В порядке постановки вопроса). Устинов, 1986. С. 3—5.

Куликов К. И. Заключение / Соавт.: *Шабанов И. И.* // Взаимодействие общественного и личного при семейном подряде: (В порядке постановки вопроса). Устинов, 1986. С. 171—173.

Куликов К. И. «День огнем опален и слезами омыт...» // Я и в мире боец: Очерки, статьи, воспоминания о М. А. Лямине. Устинов, 1986. С. 51—54.

Куликов К. И. Пламенные сердца // Навечно в памяти народной: Очерки. Устинов, 1986. С. 181—278.

Куликов К. И. Заключение и рекомендации / Соавт.: *Шабанов И. И., Тамошина Г. И.* // Изменения характера труда в условиях ускорения НТП. Ижевск, 1987. С. 160—164.

Куликов К. И. Удмуртско-венгерские культурные и научные связи // Венгерские ученые и пермская филология. Устинов, 1987. С. 3—11.

Куликов К. И. Зырдыт сюлэмо батыр // Молот. 1987. № 9. С. 31—33.

Куликов К. И. Ликуя и скорбя // Время измеряем Октябрем: Очерки. Ижевск, 1987. С. 157—169.

Куликов К. И. Некоторые аспекты социально-политической обстановки в Удмур-

тии и их влияние на ход и характер гражданской войны (1918—1919) // Октябрь на Урале: история и современность: Тезисы. Свердловск, 1987. С. 92—94.

Куликов К. И. Притяжение // Мы живем в СССР. Куйбышев, 1987. С. 196—212.

Куликов К. И. Улон, уж, вылй культура // Молот. 1987. № 2, С. 28—30.

Куликов К. И. Введение / Соавт.: *Шабанов И. И.* // Пути рационального использования трудовых ресурсов. Ижевск. 1988. С. 3.

Куликов К. И. Заключение / Соавт.: *Шабанов И. И.* // Пути рационального использования трудовых ресурсов. Ижевск, 1988. С. 135—137.

Куликов К. И. В партизанском движении Белоруссии // В боях за Белоруссию: О ратных подвигах воинов Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 185—503.

Куликов К. И. Некоторые особенности гражданской войны в Удмуртии и тактика большевиков в борьбе за массы // Гражданская война в Удмуртии 1918—1919 гг. Ижевск, 1988. С. 57— 89.

Куликов К. И. Руководители Ижевского восстания // Гражданская война в Удмуртии 1918—1919 гг. Ижевск, 1988. С. 127—164.

Куликов К. И. Освобождение «баржи смерти» // Пропагандист и агитатор. 1988. № 18. С. 25—27.

Куликов К. И. Тырмыт-а сюлмаськиськом вуоноез сярысь // Молот. 1988. № 6. С. 27—34.

Куликов К. И. Современные проблемы развития финно-угорских народов Восточной Европы: Тезисы // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 1990. 2B: Summaria Dissertationum. С. 173.

Куликов К. И. Современные проблемы развития восточно-финских народов // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 6: Sesiones Sektionum Dissertationes. Historica, archaeologica et anthropologica. Debrecen, 1990. С. 337—342.

Куликов К. И. Большие проблемы «малого народа» // Понимать друг друга: О проблемах межнациональных отношений в Удмуртской АССР. Ижевск, 1990. С. 10—20.

Куликов К. И. Лудорвайское дело и коллективизация в Удмуртии // Материалы к серии «Народы Советского Союза». М., 1990. Вып. 4: Удмурты. С. 70—115.

Куликов К. И. Медаз луы сюресмылэн пумыз // Кенеш. 1990. № 5. С. 32—37; № 6. С. 39—43; № 7. С. 40—42; № 8. С. 26—32.

Куликов К. И. Проблемы развития удмуртской нации // Великий Октябрь и проблемы совершенствования межнациональных отношений. Уфа, 1990. С. 79—88.

Куликов К. И. «Удмурт калыклэн поездэз дугдытэмын полустаноке» // Инвожо. 1990. № 1. С. 53—57.

Куликов К. И. Общество «Бӧляк»: величие и трагедия / Соавт.: *Васильева О. И.* // Вчера, сегодня, завтра Советской Удмуртии: Очерки. Ижевск, 1990. С. 101—120.

Куликов К. И. Реабилитирован посмертно // Вчера, сегодня, завтра Советской Удмуртии: Очерки. Ижевск, 1990. С. 132—141.

Куликов К. И. Удмуртская нация: ее настоящее и будущее // Вчера, сегодня, завтра Советской Удмуртии: Очерки. Ижевск. 1990. С. 397—409.

Куликов К. И. Автономий шочмо годым ... Юл серыште илыше марий-влакын шке калык ешышт ушнышаш верч кучедалмышт: [Борьба за самоопределение левобережных марийцев] // Ончыко. 1991. № 5. С. 85—92.

Куликов К. И. Борьба за самоопределение удмуртского народа в 1917—1937 гг. // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917—1937 гг. Ижевск, 1991. С. 4—40.

Куликов К. И. «Лудорвайское дело» и «Великий перелом» в Удмуртии // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917—1937 гг. Ижевск, 1991. С. 109—169.

Куликов К. И. «Дело «Софин» (Союз освобождения финских народностей) и репрессии интеллигенции восточных финнов в 30-х годах // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность: Тезисы. Сыктывкар. 1991. С. 10.

Куликов К. И. «Куке но ми бертомы дорамы...»: [Степан Константинович Камашев сярысь] // Инвожо. 1991. № 5. С. 14—30.

Куликов К. И. Одйг гожтэтлэн сюресэз // Инвожо. 1991. № 10. С. 51—56.

Куликов К. И. Отражение извращений ленинской национальной политики в современном развитии восточных финнов // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность: Тезисы. Сыктывкар, 1991. С. 66.

Куликов К. И. Первое удмуртское научное общество «Бöляк» (Соседство) и археологические исследования в Удмуртии в период его деятельности // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 4—13.

Куликов К. И. Последний шанс // Стерх. 1991. № 1. С. 39—40.

Куликов К. И. Президентлэн властез но удмурт кенеш: Удмуртъёслы гожтэт // Кенеш. 1991. № 8. С. 40—43.

Куликов К. И. Тернистый путь к автономии: Борьба за самоопределение удмуртского народа в 1917—1937 гг. // Вестник. 1991. № 5. С. 24—28; № 6. С. 26—28; № 7. С. 28—31.

Куликов К. И. Проблемы реализации суверенитета восточно-финских народов в Российской Федерации // Традиционное и новое в культуре народов России: Тезисы. Саранск, 1992. С. 61.

Куликов К. И. Форум финно-угров России // Парма. 1992. № 3. С. 16—19.

Куликов К. И. Церковные книги как источник для изучения брачного поведения // Традиционное поведение и общение удмуртов. Ижевск, 1992. С. 183—190.

Куликов К. И. Политические взгляды удмуртской интеллигенции в конце 1920 — начале 1930-х годов // Вордскем кыл. 1993. № 6. С. 84—87.

Куликов К. И. Вашкала удмурт мифология но Ригведа / Соавт.: *Иванова М. Г.* // Инвожо. 1994. № 6. С. 3—9.

Куликов К. И. Покровители воды и огня // Луч. 1994. № 7. С. 54—56; № 8. С. 49—50.

Куликов К. И. Белой гвардии генерал-лейтенант // Луч. 1994. № 10. С. 34—56.

Куликов К. И. Рукопись, полная тайн и загадок // Луч. 1995. № 4. С. 60—62.

Куликов К. И. Слово о великом гражданине: [Священник Павел Петрович Мышкин] // Луч. 1995. № 6. С. 52—54.

Куликов К. И. «С этой минуты Россия спасена»: (М. И. Кутузов — к 250-летию со дня рождения) // Луч. 1995. № 11—12. С. 64—67.

Куликов К. И. Триумф и трагедия ижевских максималистов // Политика и экономика Удмуртии советского периода. Ижевск, 1995. С. 55—101.

Куликов К. И. Борьба коми-пермяков за объединение с коми-зырянами в одну государственность 1920—1925 гг. // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Тезисы. Йошкар-Ола, 1995. С. 229—232.

Куликов К. И. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993 г. / Соавт.: *Христолюбова Л. С.* // Развивающийся электорат России: Этнополитический ракурс. М., 1995. Т. 2.: Выборы — 93. С. 152—178.

Куликов К. И. Политические взгляды Кузебая Герда // Финно-угроведение. 1995. № 2. С. 72—92.

Куликов К. И. Вклад М. Г. Маркелова в изучение финно-угорских народов / Соавт.: *Мокшин Н. Ф.* // Финно-угроведение. 1995. № 2. С. 93—110.

Куликов К. И. Война и научно-технический прогресс: (На материалах Удмуртии) // Урал в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Тезисы. Екатеринбург, 1995. С. 39—48.

Куликов К. И. Некоторые итоги использования автоматизированного электроразведочного комплекса в исследованиях городища Иднакар / Соавт.: *Алексеев В. А., Журбин И. В., Зверев В. П., Иванова М. Г.* // Материалы исследований городища Иднакар IX—XIII вв. Ижевск, 1995. С. 131—140.

Куликов К. И. Тайны умолкнувших символов. Ведийские корни удмуртской ми-

фологии / Соавт.: *Иванова М. Г.* // Памятники Отечества: Полное описание России: Удмуртия. М., 1995. Вып. 3. С. 28—34.

Куликов К. И. Слово об авторе: [Воспоминание о Семеновой-Занкеевой Л. И.] // *Семенова Л. И.* Культура и быт современной удмуртской сельской семьи: Монография. Ижевск, 1996. С. 5—9.

Куликов К. И. Политические взгляды удмуртской интеллигенции в конце 1920—начале 1930-х годов // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyvaskyla, 1996. Pars VI: Ethnologia. Folkloristica. С. 181—184.

Куликов К. И. Этнополитическая ситуация в Удмуртии в 1995 г. / Соавт.: *Христолюбова Л. С.* // Развивающийся электорат России. М., 1996. Т. 3. Выборы — 95. Вып. 2. С. 292—314.

Kulikow K. Kenes, udmurttien itsehallintojarjestelma // MAAIIMA JA ME. 1991. 10. С. 11 — 13. Фин.

Kulikow K. I. Die Ansichten der Udmurtischen Dissidenten-intelligenz zu problemen des nationalen staatsaufbaus ende der 20-er anfand der 30-er jahre des XX Jahrhunderts // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyvaskyla, 1995. Pars II: Summaria acroasium in sectionibus et symposiis faktarum... S. 184—185. Нем.

Kulikow K. I. Experince of application of electrometry in investigations of the site of an ancient town Idnakar / Соавт.: Zhurbin J. // Congressus Octavus Jnternationalis Fenno-Ugristarum. Jyvaskyla, 1995. Pars II: Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. S. 312. Нем.

Kulikow K. I. Das verfahren «Sofin» und Repressalien der intelligenz der ostfinnischen volker // Historia Fenno-Ugria 1:1. Concressus primus Historiae Fenno-Ugricae. Oulu, 1996. S. 623—636. Нем.

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: ТОЙДЫБЕКОВА ЛИДИЯ. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоенсуу, 1997. 397 с.

Книга Л. Тойдыбековой «Марийская языческая вера и этническое самосознание», выпущенная в Финляндии издательством Карельского института университета г. Йоенсуу (редактор Пекка Хакамиес), посвящена актуальной теме, имеющей большое не только научно-познавательное, но и социокультурное значение. Дохристианские верования и обряды народа мари привлекали внимание путешественников и ученых еще несколько веков назад (Олеарий, Миллер, Георги, Рычков). Со второй половины XIX в. и в XX в. им был посвящен ряд научных сочинений отечественных и зарубежных исследователей (Яковлев, Кузнецов, Горбунов, Васильев, Капустин, Соловьев, Ярыгин, Попов, Хольмберг и др.). Однако, многие аспекты марийского язычества до сих пор оставались недостаточно глубоко исследованными. И это объясняется рядом причин. В условиях царской России, когда проводилась христианизация марийского народа, его традиционные верования и обряды познавались, в первую очередь, в целях скорейшей замены их русским православием, а в бывшем Союзе ССР — с позиций, обусловленных задачами «коммунистического воспитания», непременной составной частью которого считалось «научно-атеистическое воспитание». Религиозные верования и обряды объявлялись заведомо негативными, архаическими «пережитками» народной жизни, с которыми велась борьба. Словом, как верно отмечает Л. Тойдыбекова, «приверженцы марийской религии подвергались гонениям как при царизме, так и в период Советской власти» (с. 66).

Еще меньше была исследована проблема соотношения религиозного и этнического идентитета, что не способствовало выяснению места и роли традиционных верований и обрядов в системе жизнедеятельности марийского этноса.

Источниковая база, на которой Л. Тойдыбекова строит свое исследование, солидна. Она включает, прежде всего, обширные и, как правило, очень достоверные материалы полевых сборов самого автора, накопленных ею в процессе многолетних фольклорных экспедиционных поездок

по марийским селам и деревням Республики Марий Эл, Нижегородской и Кировской областей, Удмуртии, Татарии и Башкирии. Важно отметить, что он собирался по специальной программе, охватывающей весь спектр дохристианских верований и обрядов, фиксировавшихся в виде полевых дневниковых записей, на магнитофонную ленту, кинопленку, диапозитивы и фотопленку. Помимо этого, Л. Тойдыбековой использован значительный массив документов, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах. В них содержатся ценные сведения относительно христианизации марийского народа, его отношения к этому сложному и противоречивому процессу, миграций, деятельности секты «Кугу сорта», мерах Русской православной церкви и светских властей по пресечению влияния этой секты на марийское население и многих других сторонах жизни марийского народа. В ряду этих документов особый интерес вызывают те, что выявлены автором в фондах Государственного архива Кировской области и Финно-угорского общества (Хельсинки) и впервые вводятся в научный оборот.

Л. Тойдыбекова привлекла к своему исследованию, критически проанализировав, по существу все научные и научно-популярные публикации по верованиям и обрядам марийцев, выходившие в России и в зарубежных странах, изучила большой круг источников и научной литературы по другим, как родственным мари, так и неродственным народам, в целях выявления сравнительного материала, этногенетических и этнокультурных связей в сфере традиционных религиозных верований и обрядов.

В своей монографии Л. Тойдыбекова опирается на ряд теоретических работ, в которых рассматриваются понятийный аппарат, методологические подходы к изучению данной проблематики, теоретико-методологические аспекты современного религиоведения и этнологии, особенно те, что непосредственно касаются оценок роли религии в традиционном и современном мире, ее значимости в формировании и стабилизации этнического самосознания, того, что в последнее время стало часто именоваться этническим идентитетом (Арутюнов, Бромлей, Джарылгасинова, Дробижева, Мелетинский, Поршнев, Пропп, Рыбаков, Токарев, Чистов и др.).

Отличное знание марийского языка позволило Л. Тойдыбековой не только убедительно реализовать плоды метода непосредственного наблюдения за бытованием традиционной марийской веры, ее функционированием в современном марийском обществе, но и выявить, зафиксировать терминологию множества элементов, составляющих эту веру как целостную систему. Л. Тойдыбекова красноречиво показывает, убеждает, что религия мари, несмотря на свою кажущуюся консервативность, не находилась в статике, она изменялась с развитием общества — ее носителя, в данном случае марийского этноса, создавая новые формы и структурные элементы, в том числе синкретические, детерминированные влиянием, с одной стороны, христианства, а с другой — ислама.

Все сказанное позволило Л. Тойдыбековой написать исследование, в котором впервые в отечественной и мировой науке марийское язычество рассмотрено как исторически сформировавшаяся сложная система, пусть и иллюзорно, но отразившая основные этапы многовековой истории народа мари, его хозяйство и материальную культуру, общественный и семейный быт, духовную культуру, этногенетические и этнокультурные связи с другими народами.

Охарактеризовав актуальность темы, объект исследования, цель, методику, источниковую базу, историографию вопроса, Л. Тойдыбекова раскрывает роль религии мари в этническом их идентитете, показывает, что марийское язычество представляет собой один из весьма существенных этнических символов, является «психологическим интегратором и стабилизатором марийского этноса» (с. 72). Более того, оценивая религию в целом как положительный компонент культуры этноса, Л. Тойдыбекова не без основания приходит к выводу об этнообразующей функции религии. Она убедительно показывает, что хотя религия и не включена в структуру этнического самосознания непосредственно, но опосредованная роль религии проявляется во всех элементах структуры. Именно по этой причине в наше бурное время политических, экономических, социальных и национальных преобразований, констатирует автор книги, «в центре внимания этнологических и религиоведческих исследований оказались наиболее злободневные проблемы, связанные с ростом национального и религиозного сознания» (с. 62). Думается, Л. Тойдыбекова права, отмечая, что «этническое и религиозное самосознание является одним из главных факторов и критериев развития национальных и этнополитических движений» (с. 62).

Наибольшее место в монографии Л. Тойдыбековой занимают разделы, посвященные анализу основных структурообразующих компонентов религиозных верований марийцев (с. 77—311), в которых автор раскрывает содержание этих компонентов, их взаимосвязь, степень их бытования в наше время, делает попытки, в основном, на мой взгляд, удачные, выявить корни тех или иных форм религии мари, их сходство и различия с таковыми у других финно-угорских народов, а подчас не только их, но и индоевропейских, алтайских.

Специфической чертой современного мировидения значительной части марийцев является православно-языческий синкретизм, возникший в процессе христианизации марийского народа, синкретизм, который можно назвать марийским вариантом русского православия. Л. Тойдыбекова показывает характерные особенности этого синкретизма, образовавшегося в процессе марийско-русского взаимодействия, как в религиозных верованиях, так и в обрядовой сфере. В разделе, посвященном религиозной секте «Кугу сорта», автор концентрирует внимание на общественно-

политической значимости этой секты, бывшей по сути своей общественно-политическим движением, проявлением свободомыслия, показателем роста этнического самосознания марийцев.

В «Заключении» своей работы Л. Тойдыбекова приходит к выводу о том, что «традиционные верования продолжают занимать важное место в духовной жизни марийского народа, во многом и поныне определяют его самобытность, одновременно представляя собой отдельное звено в общей цепи культуры человечества» (с. 344), что они дают возможность «для понимания национально-самобытной картины мира» (там же).

Хорошее впечатление оставляет и справочный, научный аппарат книги, содержащий не только перечень использованной литературы, но и список сокращений, указатель сюжетов марийских быличек и бывальщин, список исполнителей мифологических рассказов, «Кумалтыш мут» / текст одной из марийских молитв в русском переводе (с.389—390), обстоятельное резюме книги на финском языке (с. 391—397).

Все сказанное, разумеется, не означает, что в книге Л. Тойдыбековой нет недостатков. Они имеются и о них нельзя не сказать. Наиболее, пожалуй, существенным недостатком рецензируемой книги является стиль изложения. Стилистических погрешностей в ней довольно много и их следовало бы выправить (с. 18, 23, 25, 334 и др.).

Как верно замечает автор книги, «на процесс формирования культуры марийского народа оказали свое влияние булгарская, а позднее — казанско-татарская культура. Свой след также оставили тесные связи с соседними племенами (мордвой, удмуртами, чувашами)» (с. 12). В данном контексте правильнее было бы сказать не «племенами», а «народами».

Говоря во «Введении» об этноструктуре марийского народа, Л. Тойдыбекова пишет, что он делится «на три этнографические группы: луговых, горных и восточных» (с. 12). Это очень приблизительная, упрощенная структуризация марийского народа, не отвечающая требованиям современной этнологической науки. Если быть более этнотаксономически точным, то в этноструктуре марийского народа можно выделить два субэтноса — луговые мари (олык марий) и горные мари (курык марий) и одну этнографическую группу или субсубэтнос — восточные мари (ӱпо марий).

Однако, указанные недостатки отнюдь не умаляют глубоко позитивного впечатления от выполненной на высоком научном уровне работы Л. Тойдыбековой, существенным образом обогащающей отечественную и мировую этнологию и фольклористику.

Николай Мокшин
Саранск

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Рец.: О. Г. НАЗАРОВА. Язык эрзя-мордовских памятников письменности XVIII в. (нижегородский цикл)// Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саранск, 1996. 253 с.

25 декабря 1996 г. на заседании Диссертационного совета К 063. 72. 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Мордовском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Ольги Геннадьевны Назаровой.

Работа О. Г. Назаровой «Язык эрзя-мордовских памятников письменности XVIII в. (нижегородский цикл)» выполнена под научным руководством профессора А. П. Феоктистова на кафедре эрзянского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Р. Н. Бузакова (Саранск) и кандидат филологических наук доцент О. А. Сергеев (Йошкар-Ола).

Исследование О. Г. Назаровой имеет общей целью системное описание и лингвистический анализ эрзя-мордовских памятников письменности нижегородского цикла 2-ой половины XVIII века. Из общей цели, по мнению автора, вытекают следующие задачи частного характера: раскрытие причин и описание условий появления первых эрзянских письменных памятников; определение круга памятников нижегородского цикла и их места в истории эрзянского литературного языка; исследование истории создания отдельных письменных памятников данного цикла; системно-функциональный анализ графики и фонетики языка нижегородских памятников; установление принципов правописания в ранних эрзянских письменных памятниках; лексико-семантическая характеристика словарного состава памятников; определение грамматических особенностей языка памятников и установление диалектной основы эрзянских письменных памятников (с. 4—5).

Исследование этих проблем требует широкого вовлечения в научный оборот материалов рукописных памятников, которые для многих языков, в том числе и мордовских, являются единственными источниками, воссоздающими более или менее полную картину развития языка на определенном этапе его истории. Актуальность темы продиктована также тем, что

без подробного анализа начального этапа развития письменности трудно решать и проблемы современного литературного языка. С точки зрения лексикологии они являются важными источниками для выяснения путей и способов обогащения словарного состава языка, изучения пластов слов, перешедших в разряд устаревших и неизвестных современному литературному языку, семантическое переосмысление некоторых из них применительно к современным условиям жизни значительно восполнили бы недостающий лексический фонд литературного языка. Разработка данной темы представляет ценный материал для изучения финно-угорских народов и их соседей.

Исходя из того, что дальнейшие успехи мордовского языкознания в вопросе зарождения и формирования литературного языка находятся в определенной зависимости от результатов изучения языковых данных, наличествующих в памятниках письменности, актуальность выбранной темы не вызывает никаких сомнений. Необходимость исследования О. Г. Назаровой заключается в том, что в нем, опираясь на архивный материал, на основе современных данных финно-угроведения, автор дает системное описание рукописных словарей и текстов, представляющих уникальные сведения для сравнительно-исторического исследования различных уровней как мордовских, так и других финно-угорских языков. Актуальность темы продиктована и тем, что она имеет особое значение для изучения труднейших вопросов исторической фонетики, лексикологии и диалектологии эрзя-мордовского языка. Несомненно, тема работы актуальна еще и в том плане, что в эрзянских памятниках нижегородского цикла отражается важный этап в развитии эрзянского языка. Необходимость рассмотрения данной проблемы констатируется и тем, что в мордовском языкознании отсутствуют исследования, посвященные полному лингвистическому анализу языка целого цикла памятников письменности.

Решение поставленной цели осуществлено на основе анализа значительного количества рукописных материалов (они хранятся в фондах архивов и библиотек гг. Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга и Москвы), а также критического обобщения теоретических изысканий по проблемам источниковедения. Методы изучения поставленных задач отличаются новизной, анализ языкового материала логичен и последователен в изложении. Это бесспорно придает достоверность результатам исследования.

Исследование имеет общий объем 253 страницы машинописного текста и состоит из введения, трех глав, заключения, списков сокращений, символов и 3 приложений. Список использованной литературы содержит 162 названия, в том числе 5 на иностранных языках.

Во введении (с. 4—10) автор весьма аргументированно обосновывает выбор темы, определяет цель и задачи исследования, описывает принци-

пы и методы, источники работы, а также отмечает ее научную новизну, теоретическую и прикладную значимость. Отдельным пунктом дается техника оформления диссертации, которая является как бы ключом проникновения в рецензируемую работу.

Введение, имеющее подзаголовок «История изучения вопроса» (с. 11—12), содержит краткую характеристику истории изучения первых памятников эрзянской письменности — рукописных словарей и текстов 2-ой пол. XVIII века. Исходя из перечня перечисленных трудов, следует заметить, что О. Г. Назаровой проделана значительная работа по изучению и критическому обобщению теоретических изысканий, касающихся данной проблемы.

Автор совершенно справедливо отмечает, что язык эрзянских письменных памятников нижегородского цикла, представляющий собой первый вариант эрзянского письменно-литературного языка, исследован неполно. Несомненно, работы Н. Ф. Цыганова (1954), Н. С. Адушкиной (1967, 1971) и А. П. Феоктистова (1963, 1965, 1968а, 1968б, 1971 и др.) обеспечили соискателю надежную теоретическую и методологическую основу в ходе исследования выбранной темы.

В разделе «Предпосылки появления рукописных источников на эрзянском языке» (с. 13—16) О. Г. Назарова отмечает, что в течение двух предшествующих столетий возникло пять вариантов письменной формы мордовских языков: нижегородский, тамбовский, пензенский, казанский —1 и казанский — 2. Далее автор дает им краткую характеристику. Содержание раздела говорит о том, что соискатель глубоко изучил сложившуюся социальную обстановку появления почти каждого письменного памятника. Ссылаясь на достоверные источники и исторические факты, она вполне убедительно констатирует, что историческими факторами, подготовившими базу и сыгравшими решающую роль в становлении мордовской письменности, являются: 1) продолжение Петровской политики распространения наук; 2) церковно-государственная политика христианизации нерусских народов России; 3) сбор материалов и организация работы над «Сравнительными словарями всех языков и наречий...» Екатерины II — П. -С. Палласа и Словарем Академии Российской.

Во введении же в разделе «Дамаскин (Д. Семенов-Руднев) и его роль в создании письменной формы эрзянского литературного языка» (с. 16—23) дается краткая биография Д. Дамаскина и подчеркивается его роль в просвещении нижегородских «инородцев». Весьма ценным является список семинаристов, участвовавших в составлении учебного пособия по священной истории, другим богословским предметам и словарей. Из мордвы в частности указываются фамилии таких «студентов-иноверцев», как Семен Березовский, Иван Тихов, Григорий Нововеров и Григорий Симилейский.

В четвертом разделе введения (с. 23—44) дается общая характеристика памятников письменности и их научная паспортизация. На основе тщательного изучения и сопоставления письменных памятников О. Г. Назарова делает обоснованный вывод о том, что «письменные источники на эрзянском языке, созданные во 2-ой половине XVIII в., по жанру и содержанию подразделяются на панегирические и сакральные тексты и словари со словниками».

Первая глава «Графика. Фонетика. Орфография» (с. 45—111) посвящена описанию графофонетической системы рукописных словарей и текстов. В ней также интерпретируется употребление разного рода «архаизмов» — знаков скорописи. При составлении рукописей использована русская орфографическая система. Графика, созданная на основе латинского алфавита, не получила широкого распространения и применения, хотя она более точно отражала бы особенности мордовских звуков. Вместе с тем русская графическая система не могла передать все особенности эрзя-мордовской фонетики. Это в конечном счете привело к созданию новых графем и орфографических принципов. Основным достоинством рассматриваемой главы является обстоятельный разбор системы фонем, что позволило автору обнаружить использование различных приемов обозначения гласных и согласных звуков. Анализируя памятники письменности, автор приводит нас к выводу о том, что двести лет тому назад в ряде диалектов и говоров эрзя-мордовского языка функционировали еще своеобразные фонетические процессы.

Наряду с бесспорными достоинствами анализа графики и фонетики О. Г. Назаровой хотелось бы отметить и отдельные неточности и погрешности. Так, характеризуя букву **г**, диссертант пишет: «Буква **г** имеет 2 графических дублета: 1) латинский **g**, с высокой частотностью употребления во всех памятниках нижегородского цикла...; 2) второй вариант похож на современное начертание буквы **г**» (с. 47—48). Касаясь первого аллофона, автор констатирует, что «появление латинского **g** в мордовской части можно объяснить стремлением писцов к сохранению одних и тех же графических приемов и средств. В заглавной русской части вовсе не употребляют латинское **g** и **io**» (с. 48). Аналогичное объяснение встречаем и на стр. 59, где говорится: «фонема /g/ передается двумя графемами — латинской буквой **g** и славянской **г**: яксярgo /jaks' argo/ 'утка'. Славянское **г** употребляется в заимствованных словах и собственных именах: ковчег Ноинь /kovčeg noin'/ 'Ноев ковчег'». Возникает вопрос: не использовали ли авторы рукописей вариант латинского **g** для обозначения специфики финно-угорской фонемы **г**? В пользу этого говорят частотность ее употребления в мордовских примерах, замечание самого епископа Дамаскина (см. с. 47) и др. К тому же, вариант латинской **g** является одним из частотных графем, которая употребляется в марийских рукописных памятниках XVII—XIX вв.

На стр. 52 автор диссертации пишет: «Буква **щ** напоминает современный вариант начертания». Однако фонема **щ** не включена автором в фонологическую систему языка памятников (с. 55). В связи с этим невольно напрашивается вопрос: встречается ли в мордовских примерах инновационная согласная фонема **щ** во 2-ой половине XVIII века? На наш взгляд, не менее интересным было бы узнать природу мордовского ударения в письменных памятниках. К сожалению, данная проблема в работе не затронута.

Отличительной фонетической особенностью диалекта, на котором были составлены эрзянские памятники нижегородского цикла конца XVIII века, является наличие переднерядной гласной фонемы **ӓ** в абсолютном начале и в первом слоге слова во всех источниках. Несомненно, вывод, сделанный О. Г. Назаровой, является весьма ценным, т. к. в современных диалектах (говорах) данная фонема отсутствует, т. е. произошло историческое сужение широкого гласного переднего ряда в гласный среднего подъема: **ӓ** > **е**.

Завершая обзор указанной главы, следует отметить, что весь анализированный материал автором строго систематизирован.

Вторая глава (с. 112—173) посвящена характеристике лексико-семантического состава рукописных памятников XVIII века. Состав лексики, наличествующий в источниках, позволяет констатировать, что в них содержатся главным образом наиболее существенные самые употребительные слова, отражающие особенности материальной и духовной культуры мордовского народа и характерные для рассматриваемого периода. Несомненный интерес в указанной главе представляет тематическая стратификация базовой лексики эрзя-мордовского языка: этнографическая; слова, обозначающие предметы и явления окружающей среды; орнитонимы, зоонимы, фитонимы; социальная, военная лексика, библеизмы и другие. Центральное место в кругу реально-бытовой лексики занимают слова, связанные по значению с человеком: с его физическим строением, положением в семье, в обществе, с внешностью и с его психологическим состоянием.

Диссертант большое место уделяет проблеме терминообразования и выделяет три способа создания терминов в языке нижегородских источников: 1) лексико-семантический, 2) морфологический и 3) заимствование. Действительно, в этот период процветает терминологическая лексика. Ее рождение прослеживается не только в мордовских, но и в других финно-угорских языках. Не менее ценным является вывод автора о том, где подчеркивается, что «эрзянские термины, обозначающие социальные, юридические, военные и культурологические понятия, образованы в основном из исконных лексем».

В рецензируемой работе заслуживает одобрения то, что наряду с синхронным описанием фактов соискатель проводит сопоставительный анализ семантики лексики рассматриваемого периода с ее современным состоянием, т.е прослеживается изменение в значениях слов. Кроме того, неопубликованные рукописи отражают богатый пласт диалектной лексики. Автор приводит в качестве иллюстрации лексему **циндерь** 'цепь' и правильно считает ее семантическим диалектизмом, ср. совр. **циндерь, циндерне** 'накладка (металлическая планка, надеваемая на скобу для висячего замка)' (ЭРС 1993:726). Интересно, данное заглавное слово в марийском языке употребляется в первоначальном варианте, ср. мар. **шинчыр** (в диалекте **шынчыр** 'цепь') (МРС 1991: 412).

Многие исследователи, анализировавшие лексикографическое произведение Дамаскина, считали одной из основных причин его возникновения составление «Сравнительных словарей всех языков и наречий» П.-С. Палласа. О. Г. Назарова поддерживает данное мнение и в то же время выдвигает новую гипотезу, в частности пишет, что «основными причинами возникновения и источниками составления словаря Дамаскина послужили Сравнительные словари ... Екатерины II — П. -С. Палласа и Словарь Академии Российской (1789—1794)» (с. 140). Свою точку зрения она аргументированно доказывает.

Третья глава (с. 174—213) посвящена морфологическому анализу языка эрзянских рукописей XVIII века. Основное внимание автор уделяет таким частям речи, как имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, инфинитивы и финитные формы глагола. При анализе словоформ и словосочетаний О. Г. Назаровой удалось получить определенную информацию об основных элементах грамматического строя эрзя-мордовского языка того периода. В конце главы автор пришел к выводу, что морфологические признаки языка эрзянских памятников нижегородского цикла 2-ой половины XVIII века соотносятся с морфологическими показателями III диалектного типа современного эрзянского языка.

Теоретическая часть завершается заключением (с. 214—219), содержащим умело сформулированные выводы по всем трем главам. Необходимо отметить, что каждая глава диссертации по изложению содержания материала имеет законченную структуру. В конце диссертации даны три приложения, необходимость которых не вызывает никакого сомнения.

В приложении 1 (с. 239—240) содержатся таблицы «Гласные фонемы и способы их передачи в эрзянских памятниках XVIII в.» и «Сводная таблица падежных показателей (основного склонения ед. ч.)».

Большой интерес представляет приложение 2 (с. 241—245), где проиллюстрированы отдельные страницы из «Священной Истории», «Краткого катехизиса», «Слова, взятые из разговоров для переводу на мордовский

язык», «Символа веры». К сожалению, данное приложение осталось не озаглавленным.

В приложении 3 (с. 246—253) привлекают внимание таблицы «Графемы и варианты в памятнике «Священная История» (почерк А)» (с. 246), «Графемы и варианты в памятнике «Священная История» (почерк В)» (с. 247), «Графемы и варианты в памятнике «Символ веры» (переводчик Г. Нововеров)» (с. 248) и другие.

К числу недостатков, замеченных в исследовании, нужно отнести следующие:

1. В «Списке использованной литературы» имеются опечатки.

2. В текст диссертации вкрались пунктуационные (стр. 40, 49 и др), орфографические (стр. 12, 14, 33, 65, 79, 110, 164, 176, 230 и др.) ошибки. Имеются в ней и отдельные погрешности стилистического характера. Указанные недочеты не носят принципиального характера и не снижают практической и теоретической ценности диссертации. Они легко устранимы.

В целом работа О. Г. Назаровой представляет собой законченное и обстоятельное исследование языка эрзя-мордовских памятников письменности XVIII в. Системный анализ языкового материала памятников письменности является определенным вкладом в исследование исторической фонетики, лексикологии и морфологии, а результаты диссертации несомненно окажут необходимую помощь при написании научной грамматики эрзя-мордовского языка, а также в практике вузовского преподавания мордовских языков.

Работа О. Г. Назаровой «Язык эрзя-мордовских памятников письменности XVIII в. (нижегородский цикл)» является законченным исследованием, содержащим добротный фактический материал и отличающимся научной новизной и обоснованностью выдвигаемых положений и выводов.

Олег Сергеев
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Рец.: М. Г. АТАМАНОВ. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов // Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1996. 58 с.

6 декабря 1996 г. на совете Д 064.44.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «10. 02.07 — Финно-угорские и самодийские языки» при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации в виде научного доклада М. Г. Атамановым на тему «Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов». В качестве официальных оппонентов выступили доктора филологических наук профессора В. К. Кельмаков (Ижевск), Ю. В. Андуганов (Йошкар-Ола), Л. Ш. Арсланов (Елабуга).

Труды М. Г. Атаманова известны широкому кругу ученых, особенно тем, кто занимается вопросами исторической ономастики, историей расселения и этногенеза народов Волго-Уральского региона, в частности финно-угров, тюрков и славян. Об этом достаточно хорошо свидетельствуют не только многочисленные ссылки ученых на труды М. Г. Атаманова, но и рецензии на вышедшие из печати работы диссертанта, авторами которых являются такие ведущие финно-угроведы, как эстонский академик Пауль Аристэ, удмуртские историки В. Е. Владыкин, М. В. Гришкина, В. Е. Майер, коми языковеды Е. А. Игушев и В. А. Ляшев, венгерские лингвисты-пермисты Ш. Чуч, Э. Сий и др.

Научные публикации диссертанта можно разделить на такие группы:

1. Статьи по ономастике, включающие работы по удмуртской этнонимии, антропонимии, топонимии; особенно продуктивно он трудится над выяснением истории возникновения удмуртских воршудов и их отражением в географических названиях Волго-Уральского региона. М. Г. Атаманову удалось определить воршудно-родовой состав более чем в 1000 удмуртских населенных пунктах Удмуртии, Татарии, Башкирии, Кировской, Пермской областей и Сибири. Большая заслуга ученого состоит и в том, что он самолично ежегодно выезжает ко всем этнолингвистическим группам удмуртов для сбора лингвистического, этнографического

материала, а также в том, что им собран обширный ономастический материал в госархивах Кирова, Казани, Перми, Ижевска и Москвы. Собранные сведения послужили основой для написания двух монографических исследований: «Удмуртская ономастика» (Ижевск, 1988.— 166 с.) и «Удмурт нимбугор. Словарь личных имен удмуртов» (Ижевск, 1990.— 395 с.), около пяти десятков статей, опубликованных как в российских, так и зарубежных финно-угорских центрах, особенно в Эстонии.

2. Фольклорно-диалектологические тексты. В большинстве случаев в качестве образцов речи удмуртов диссертант публикует материалы, отражающие историю заселения края и возникновение того или иного названия географического объекта.

3. Статьи, отражающие историко-лингвистические особенности разных удмуртских диалектных групп.

Все эти публикации написаны главным образом в целях выяснения истории формирования этнической территории удмуртов с древнейших времен до наших дней, а также выявления этнообразующих компонентов в формировании удмуртского народа, определения этнических контактов удмуртских родоплеменных групп с родственными финно-угорскими, соседними тюркскими, русским народами и иранцами.

Логическим завершением многолетней плодотворной научной деятельности М. Г. Атаманова является научный доклад «Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов», представленный на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Научный доклад М. Г. Атаманова состоит из введения (с. 3—7), трех глав (с. 7—49), заключения (с. 49—52). В первой главе «Прародина и формирование этнической территории удмуртов» обстоятельно рассматривается история вопроса, касающаяся проблемы прародины удмуртов. Автор исследования говорит о миграционной теории, существовавшей вплоть до 30-х годов нашего столетия, когда ученые разных областей знания по созвучию удмуртских этнонимов, топонимов пытались вывести истоки народа начиная то с Индии, то с Забайкалья, то с Кавказа, то с Водской пятины, что находится под Санкт-Петербургом, издревле заселенной прибалтийско-финской народностью — водью. Поводом для последнего предположения послужило созвучие этнонима **водь** с русским названием удмуртов **вотяк / вотин**. Большой интерес к истории, быту, языку народов России появился в последней четверти XIX в. Археологические изыскания в Волго-Уральском регионе, этнографические описания, исследования языков и фольклора народов, населяющих данный ареал, дали возможность ученым прийти к более серьезным, научно обоснованным выводам по истории формирования многих этнических групп, по их расселению и возникновению их самосознания по этнической принадлежности.

М. Г. Атаманов, как нам представляется, впервые в удмуртоведении весьма удачно, с применением лингвистической палеонтологии и этнотопонимии решает вопросы формирования этнической территории удмуртов с древнейших времен до образования границ современной Удмуртской Республики. По данным диссертанта, после распада финно-угорской этноязыковой общности праудмуртские родоплеменные группы занимали такую территорию, где росли ель, пихта, сосна, дуб, вяз, рябина, орешник и водились медоносные пчелы. Зооботаническая терминология удмуртского языка, являющаяся наследием уральской, финно-угорской, общепермской эпох, показывает, что южная граница прародины древних удмуртов, скорее всего, проходила по линии стыка широколиственных лесов и лесостепи, а северная граница доходила до мест, где произрастал кедр.

Весьма удачно и, пожалуй, впервые в финно-угроведении диссертанту так обоснованно удалось на основе данных этнотопонимии (см. **Одо** — марийское название удмуртов; **Ар** — тюркское название удмуртов; **Вотяк / вотин** — дореволюционное русское название удмуртов) очертить границы былого расселения удмуртских родоплеменных групп.

Выводы, к которым пришел диссертант, хорошо согласуются с результатами, полученными археологами. Употребление этнонимов **Одо, Ар, Вотяк** характерно для южной части территории ананьинской археологической культуры (VII—III вв. до н. э.). Именно на этой территории к III в. до н. э. на основе носителей ананьинской культуры сложился пьяноборский союз племен, который стал этническим ядром в формировании древнеудмуртской этноязыковой общности. Гляденовцы — предки коми — формировались на основе северного варианта ананьинской культуры; они занимали земли к северу от праудмуртов — в бассейне Верхней Камы, Печоры, Сысолы, Вычегды.

Изучая историю формирования этнической территории удмуртов, диссертант проводит свою научно обоснованную периодизацию, которая сделана им также впервые в удмуртоведении. Он считает, что в древности наивысшего взлета культуры и социально-экономического развития местные пермоязычные племена достигли в эпоху железного века, соотносимой с временем существования ананьинской культуры. Практически вся лесная зона северо-востока Европы от реки Ветлуги на западе и до западных склонов Уральских гор на востоке контролировалась ананьинцами. Полоса спада в общественном и культурном развитии местных племен началась со времен великого переселения народов, когда под напором многочисленных разноязычных племен азиатских степей и Сибири в середине I тысячелетия до н. э. праудмуртские родоплеменные группы вынуждены были отойти в более северные, малообжитые таежные районы, точнее, за линию произрастания дуба черешчатого, в районы, где водились медоносные пчелы.

В указанное время удмуртские племена заселяют всю территорию современной Удмуртии, но основная их масса сосредоточивается на Вятке. В результате «Казанской войны» пало Арское (Удмуртское) княжество, и основная масса удмуртов с Нижней Камы и Вятки вынуждена была уйти на территории современной Удмуртской Республики и Республики Башкортостан. К концу XVII в. этническая территория удмуртов приобрела современные очертания.

С особой тщательностью по крупицам собранный богатейший материал позволил диссертанту воссоздать историю формирования этнической территории удмуртов. Хотелось бы, чтобы в будущем аналогичные работы проводились по всем финно-угорским народам, а также по соседствующим тюркам, ибо этническая история этих народов тесно переплелась в продолжении более десяти столетий.

Внутри очерченного этнологического круга, подкрепленного изысканиями современных удмуртских археологов, М. Г. Атаманов выявляет и довольно подробно описывает исторические пласты географических названий, чему посвящена большая «топонимическая» глава научного доклада. К прапермскому пласту автор исследования относит те апеллятивы, которые не сохранились в словарном фонде удмуртского языка, но бытуют в языке коми, или не употребляются ни в одном из пермских языков, но сохранились в географических названиях и встречаются в других родственных финно-угорских языках. К этому пласту отнесены такие архаичные апеллятивы, сохранившиеся в топонимии Удмуртии, как **ва**(?) 'вода', 'река', **л'ук** < * **йук**(?) 'река' (ср. приб.-фин. **joki / jogi** 'река'), **ой / уй / ай**(?) 'ручей' (ср. приб.-фин. **oja** 'ручей; протока; канава') и др.

Собственно удмуртский пласт, естественно, является самым распространенным в географических названиях Удмуртии. Наиболее древнюю и специфичную, характерную только для удмуртской топонимии группу составляют географические названия, образованные от воршудных имен. Еще в начале XVIII в. в центральной Удмуртии 70 — 80% ойконимов отражали воршудно-родовой состав основателей селений. До настоящего времени 9% удмуртских населенных пунктов содержат в своем составе воршудные имена. Этот феномен достоин самого пристального внимания ученых-финно-угроведов и бережного сохранения на географической карте Удмуртии, а также сопредельных областей, республик с удмуртским населением. Такого явления мы не наблюдаем у других финно-угорских народов.

Очень интересный подраздел посвящен выявлению и выяснению происхождения топоформантов в географических названиях Удмуртии. По мнению диссертанта, форманты **-зи / -чи / -си, -ма, -иж, -мыж** связаны с финно-угорскими языками; как и другие рассматриваемые здесь топоформанты, они некогда употреблялись как самостоятельные слова, имели

терминологическое происхождение; **-ым / -им / -ум / -ом, -ур / -ыр, -па / -ба, -ич / -ыч** связаны с языками народов западной Сибири; **-ман, -дан / -тан** — с индоиранскими языками; **-баш** — тюркскими языками. Некоторые из рассматриваемых топоформантов встречаются и за пределами Удмуртии, нам хотелось бы увидеть на карте ареалы их распространения.

Русский топонимический пласт, как и во всем Волго-Уральском регионе, занимает в Удмуртии значительное место. Как полагает исследователь, он начал складываться с конца XVI в. После падения Казанского ханства открылся свободный доступ русскому населению для освоения Урала и Сибири по рекам Волге, Каме, Белой и по их многочисленным притокам. Основная масса русских на территории Удмуртии появилась с конца XVII — начале XIX вв. после возникновения железоделательных, медеплавильных заводов.

Большой научный интерес вызывают выявленные диссертантом топонимы угорского и самодийского происхождения. Чрезвычайный интерес вызывают многочисленные этнотопонимы **Пор** на территории Удмуртии. Диссертант считает, что в бассейне Чепцы, на севере Удмуртии, данные этнотопонимы связаны с названием одной из фратрий обских угров — **пор,** а на юге Удмуртии и в центральных районах, в бассейне Кильмези,— с удмуртским названием марийцев — **пор.**

Хотелось бы, чтобы автор в будущем четче очертил ареалы распространения этнотопонимов с **пор.** Хорошо бы дать отдельным списком гидронимы и ойконимы, связанные с угорским фратриальным названием, и отдельным списком связанные с удмуртским названием марийцев. Иначе не совсем ясно, с каким из этносов они связаны. Чрезвычайно интересно возникновение этнонима **пор,** история которого до сих пор не выяснена. Какова связь между ними? Более тщательное изучение данного вопроса может раскрыть древние этнические связи между угорскими, пермскими, марийскими племенами.

На наш взгляд, марийские топонимы на территории Удмуртии выявлены на уровне лишь ойконимов и гидронимов, думается, что изучение микротопонимии значительно увеличит их количество.

Заслуживает доверия утверждение диссертанта о том, что тюркские элементы в репертуаре топонимов Удмуртии распространены не так широко, что иногда некоторые ученые-тюркологи пытаются это представить не так. Тюркские (чаще татарские, реже башкирские) географические названия представлены в основном отантропологическими ойконимами; в сложении гидронимии Удмуртии тюрки не участвовали. Интересно замечание диссертанта, автора солидного словаря и многочисленных статей по личным именам удмуртов, о том, что возникновение удмуртских деревень, в названиях которых отразился антропоним тюркского происхождения, например, **Байтуганово (< Байтуган), Асаново (< Асан), Батырево**

(< **Батыр**) и многие другие, никак не связано с тюрками — их основателями были удмурты, носившие имена тюркского происхождения. Такая же картина наблюдается в Марий Эл и во всем огромном Волго-Уральском регионе (и даже ныне в чисто русских областях), где было сильным влияние тюркских языков и культуры, особенно в эпоху существования Золотой Орды, Казанского, Астраханского, Сибирского ханств. При этимологии антропонимов надо быть крайне осторожным, чтобы избежать скоропалительных, ложных выводов. Более тысячи имен тюркского происхождения зафиксировано в именнике русских, хотя они более одного тысячелетия исповедуют христианство. А в именниках финно-угров Поволжья, особенно до их крещения, имена тюркского происхождения превалировали над своими национальными именами.

Третья глава «Удмуртские топонимы за пределами Удмуртии», на наш взгляд, имеет исключительно важное значение в решении вопросов этногенеза и формирования этнической территории удмуртов. Опираясь на все доступные письменные источники, диссертант скрупулезно собрал и анализировал географические названия удмуртского происхождения внутри очерченного им этнотопонимического круга, совпадающего с границей распространения ананьинской археологической культуры. Сюда вошли, помимо Удмуртии, территории Татарстана, Башкортостана, Марий Эл, Чувашской Республики, Кировской, Пермской областей.

В результате многолетней исследовательской деятельности автору научного доклада удалось убедительно доказать, что удмурты являются коренным, древнейшим населением Волго-Камья и что бассейны рек Вятки, Камы и Белой были основными центрами сосредоточения и формирования древнеудмуртского этноса.

Юрий Андуганов
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Рец.: М. Г. АТАМАНОВ. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997. 248 с.

В издательстве «Удмуртия» вышла в свет книга доктора филологических наук, священнослужителя Русской Православной Церкви М. Г. Атаманова «История Удмуртии в географических названиях», которая представляет собой яркий образец комплексного исследования на стыке нескольких наук: языкознания, археологии, истории, этнологии, географии, фольклористики. Умелое использование возможностей и достижений перечисленных наук дало блестящий результат, одновременно обогащающий многие области научного знания, особенно наши представления о древней и средневековой истории удмуртов, которая доныне относится к числу наименее изученных и изучаемых разделов истории Удмуртской Республики. Трудно однозначно определить жанр книги: здесь и оригинальные исследования автора по топонимике, и записанные ученым в разных районах Удмуртии и за ее пределами легенды и предания, большей частью впервые публикуемые, и тщательно подобранные отрывки из самого разного рода источников об арских удмуртах и Арской земле, удмуртах южных и центральных районов и о северной группе этноса, и, наконец, краткий историко-этимологический словарь географических названий, встречающихся в Удмуртии. Ясно одно — это результат многолетней подвижнической и чрезвычайно разносторонней деятельности ученого, ведущего фронтальное исследование интересующих его проблем на фоне развития отечественной и мировой науки. Впечатляют списки использованных источников и литературы, свидетельствующие не только о эрудиции автора, но и о том, что он не чурался работы в архивах, практически на протяжении 18 лет выезжал в экспедиции ко всем группам удмуртов. М. Г. Атаманов получил блестящую научную подготовку в аспирантуре при Тартуском университете у известного академика Пауля Аристэ.

С точки зрения новизны необходимо выделить особо вторую главу книги «К вопросу о прародине удмуртов по данным языка», в которой М. Г. Атаманов, основываясь на данные палеолингвистики, обосновывает свою оригинальную точку зрения по проблемам географической локализации пермских народов, прежде всего удмуртов.

До начала 30-х годов XX в. в литературе по данному вопросу господствовала миграционная теория. Одни ученые считали, что удмурты пришли

с берегов Енисея, другие — из Забайкалья, Алтая. Существовали также мнения о происхождении удмуртов из Индии и Кавказа. Некоторые исследователи считали, что местом формирования древнеудмуртского этноса является бассейн р. Вятки. Среди ученых, особенно среди археологов, считает автор книги, нет единства в вопросе о месте и времени формирования древнеудмуртского этноса. Данное обстоятельство побудило М. Г. Атаманова взяться за изучение проблемы, используя в основном методы лингвистики, в первую очередь лингвистической палеонтологии, топонимики, заимствованного пласта лексики.

Следуя за исследователем, знакомясь с найденными им лексическими материалами, в частности по удмуртским названиям растительного и животного миров Волго-Уральского региона, мы убеждаемся, что прародина удмуртов находилась несколько южнее верховьев р. Камы и Вятки, южная граница проходила по стыку широколиственных лесов с лесостепью. У удмуртов, поясняет автор, существовала богатая терминология для обозначения разновидностей леса в зависимости от растущих в нем пород деревьев и кустарников, от их возраста, величины, по месту их произрастания. В то же время для обозначения растительного и животного мира более южных и северных широт в удмуртском языке нет собственных названий — все они заимствованы из русского или тюркских языков.

В решении этногенетических проблем М. Г. Атаманов широко использует данные топонимии, особенно этнотопонимии. Названия географических объектов, содержащих в своем составе этнонимы, позволяют исследователю оконтурить ареалы былого расселения современных народов и этнических групп, пути их миграции.

Для раскрытия данного тезиса автором приведены убедительные доводы. Еще в недавнем прошлом, пишет он, тюркские народы края — татары, чуваши, башкиры — удмуртов называли *ар,* марийцы — *одо* или *одомари,* русские — *вотяк.* Все три иноязычные названия удмуртов нашли отражение в топонимии Волго-Уральского региона. Ссылаясь на свои богатые полевые и архивные изыскания, автор утверждает, что основной и наиболее древний ареал топонимов, содержащих в своем составе этноним *одо,* находится в Вятско-Ветлужском междуречье. Ареал топонимов, имеющих в своем составе этноним *ар,* охватывает северо-западную и юго-западную части современного Татарстана, северные районы Чувашии, некоторые районы Башкортостана, юга Пермской и Свердловской областей. Восточный ареал этнонима *вотяк* расположен в Приуралье, а западные его границы проходят по восточным районам Вологодской и Костромской областей. Наибольшее количество этого этнонима выявлено в Кировской области.

В процессе исторического развития удмурты контактировали с различными народами, о чем свидетельствуют многочисленные заимствования, в том числе языковые. В словарном составе удмуртского языка ученые выделяют несколько пластов — индоевропейский, тюркский, русский и

др. В то же время удмуртский язык сам оставил часть своего словарного фонда в языках других народов. В рассматриваемой книге несколько страниц отведено анализу данного процесса взаимовлияния языков и показано его значение в решении вопроса о прародине удмуртов.

Одна из частей книги посвящена рассмотрению исторических пластов удмуртской топонимии. В ней утверждается, что самым древним в топонимии Удмуртии является прапермский топонимический пласт, охватывающий эпоху бронзы и раннего железного века. Одним из древних, самым мощным и самым распространенным на территории Удмуртии считается собственно удмуртский пласт. Русский топонимический пласт начал складываться лишь с конца XVI в. с появлением на территории Удмуртии русских. В топонимии Удмуртии имеются также угорские и самодийские названия. Происхождение их связано с проникновением этих народов в Волго-Камье во время великого переселения народов. Появление марийских элементов в топонимии Удмуртии связано с началом массового переселения марийцев на восток во второй половине XVI в., с падением Казанского ханства. Тюркские элементы в топонимии Удмуртии появились с поселением татар на территории южной Удмуртии после разгрома Казанского ханства, а на территории северной ее части — лишь в конце XVII в.

Самостоятельный раздел книги отведен анализу удмуртских топонимов за пределами Удмуртской Республики — Кировской области, Татарстана, Марий Эл, Чувашской Республики, Башкортостана и Пермской области. Эта часть также непосредственно связана с решением исследовательской задачи.

Автором проведена колоссальная работа, собрана масса убедительных примеров, что в свою очередь свидетельствует о кропотливой многотрудной собирательской и аналитической работе, проделанной им в процессе исследования избранной темы. Именно такая работа придает книге фундаментальный, монографический характер.

Автор книги рассматривает новейшие концепции по проблемам этнической идентификации памятников и археологических культур, на основе лингвистического материала подтверждает, порою уточняет, а порою и опровергает наблюдения археологов, историков и этнологов по вопросам этногенеза, расселения пра- и древних удмуртов. В книге показаны этнические контакты и их значение в истории удмуртов, нарисована картина постепенного сужения некогда чрезвычайно обширной территории их расселения за пределами современной Удмуртии. Многие вопросы, такие как участие удмуртов в этногенезе башкир, чувашей, о масштабах мусульманизации удмуртского этноса и ухода его представителей в «татары» звучат в таком контексте впервые.

Обширный, разновидный материал, собранный и использованный автором, позволил ему сделать ряд выводов по итогам научного изыскания, касаются они границ расселения древних удмуртов, исторических этапов

формирования этнической территории удмуртов. Каждому этапу дана краткая характеристика, отмечены его особенности, взлеты и падения в исторической эволюции народа, причинно-следственные связи между этими этапами. И, наконец, в выводах сказано о времени формирования удмуртского этноса как продукта длительного исторического развития.

По всем этим вопросам точка зрения автора является оригинальной, а его позиция поможет разрешению споров о том, являются ли удмурты автохтонным населением Волго-Вятского региона, и будет способствовать дальнейшему исследованию многих сложных и весьма запутанных проблем удмуртской этногонии.

Являются уместными дополнительные материалы, опубликованные в книге отдельными разделами: о происхождении и расселении воршудно-родовых групп удмуртов, топонимические легенды, предания и письменные свидетельства по истории заселения края, культуре, языку удмуртов и краткий историко-этимологический словарь. Эти материалы имеют непосредственное отношение к теме, обогащают и дополняют содержание книги.

В них концентрируются уникальные, никогда не публиковавшиеся экспедиционные материалы и сведения из книг, ставших библиографической редкостью. Они могут быть широко использованы в школе, в лекционной работе и цитироваться в научных работах.

Впервые в такой полноте М. Г. Атамановым даны описания двух древних племенных центров удмуртов, находящихся на месте современного Арска (южные удмурты) и Кирова (северные удмурты-ватка). Особенно впечатляют материалы по Арской земле. Помимо исторических документов, исследователь собрал предания об Арске, о его былом могуществе не только среди удмуртов, но и среди татар, русских; привел цитаты из работ ученых XVII—XIX вв., касающихся данной проблемы; впервые в удмуртской историографии он публикует выдержки из булгарских летописей по истории местного края; в книге опубликована уникальная фотография одной из башен Арской крепости, уничтоженной в недавнем прошлом.

М. Г. Атаманов — известный в стране и за рубежом ученый. Большинство его публикаций посвящено вопросам исторической ономастики и этногенеза удмуртов. Его трудам присущи основательность, добротность и убедительность. Они представляют ценный вклад в науку, потому неизменно и всюду находят высокую оценку.

Итак, историческая наука получила богатое пополнение. Умелое использование возможностей, достижений нескольких наук дало блестящий результат, одновременно обогащающий многие области научного знания, особенно наши представления о древней и средневековой истории удмуртов.

М. Гришкина, Н. Павлов

Ижевск

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Рец.: М. В. ЯМБУЛАТОВА. Суффиксы с залоговым значением и проблема категории залога в марийском языке // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Йошкар-Ола, 1997.186 с.

24 октября 1997 г. на заседании Диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Марийском госуниверситете М. В. Ямбулатова защитила диссертацию по теме «Суффиксы с залоговым значением и проблема категории залога в марийском языке» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности «Финно-угорские и самодийские языки». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор И. В. Тараканов (Ижевск) и кандидат филологических наук доцент Г. М. Тужаров (Йошкар-Ола).

Проблема грамматической категории залога является одной из важнейших не только марийского, но и финно-угорского и общего языкознания. Несомненно, что тема исследования М. В. Ямбулатовой весьма актуальна. Для решения научно-практических задач марийского языкознания необходимо было глубоко, всесторонне исследовать многие аспекты грамматической категории залога. Поэтому обращение к данной проблеме своевременно.

Основными целями рецензируемой работы являются функционально-семантический анализ категории залога, установление соответствий между единицами синтаксического и семантического уровней, выявление словообразовательных и формообразовательных ролей залоговых аффиксов.

Источниками для написания работы послужили 2100 единиц исходных глаголов из «Марийско-русского словаря» (1991), картотека словарных статей из произведений марийской художественной литературы, фольклора, периодических изданий, материалы словарной картотеки МарНИИ им. В. М. Васильева. Объем работы — 186 страниц машинописного текста. Она состоит из предисловия, введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

В предисловии автор указывает на актуальность работы, ее теоретическую и практическую значимость, научную новизну, определяет цели и задачи исследования, описывает методы исследования, а также источники работы.

Во введении освещаются теоретические проблемы категории залога, история изучения средств выражения залоговых значений глагола в финно-угорских, самодийских и в марийском языках. Правильно отмечено, что залоги глагола привлекали и продолжают привлекать к себе внимание исследователей. Выявлению сущности этой языковой категории посвящено немало специальных исследований, однако и поныне залоги остаются одной из наиболее сложных и спорных проблем языкознания. Обращаясь к вопросу о залоге, о состоянии теории лексико-грамматического класса марийского глагола, нельзя не видеть, что существует противоречие между тем, что есть в языке, и тем, что зафиксировано в лингвистической теории. Современное состояние лингвистической теории морфологии марийского глагола выдвигает на первый план задачу адекватного описания концептуального содержания и функций грамматической категории залога. С этой задачей М. В. Ямбулатова справилась успешно.

При определении понятия и содержания категории залога исследователи исходят из анализа грамматической формы, недостаточно обращая внимание на значение той или иной формы. Следовательно, в настоящее время исследована лишь одна сторона грамматической категории залога. Для полной же характеристики, как отмечает М. В. Ямбулатова, необходимо изучить и семантическую сторону категории залога (с. 48). Она дает следующее определение залога: «Залог — это семантико-синтаксическая категория, обозначающая соответствие между единицами семантического и синтаксического уровней, т. е. субъекта и объекта, с одной стороны, и подлежащим и дополнением — с другой» (с. 160). Не вызывает возражения вывод диссертанта, что в основе развития залоговых противопоставлений лежит первоначальное различие активного и пассивного начала субъекта и объекта. Оппозиция активность / пассивность в рамках функционально-семантического поля залоговости наиболее грамматикализована и является поэтому ядром поля (с. 48). Активность — представление действия как исходящего от субъекта, подлежащего; пассивность — представление действия, при котором субъект устраняется с указанной позиции, и ее занимает объект. Таким образом, категория залога прежде всего тесно связана с категориями субъекта и объекта. Субъект, считает Ямбулатова,— это производитель действия, будь-то лицо одушевленное или неодушевленный предмет. В плане логико-семантических категорий субъект соответствует роли агенса, в плане семантико-синтаксической категории он обобщает семантические роли агенса и пациенса. В предложении S может выражаться подлежащим и дополнением. Следовательно, различают синтаксический субъект (подлежащее) и семантический субъект (агенс и пациенс). Под объектом понимается одушевленное лицо или неодушевленный предмет, на которые действие

направлено или которые испытывают на себе действие, совершаемое субъектом. Объект в плане логико-семантических категорий соответствует семантической роли пациенса, в предложении выражается дополнением или подлежащим.

Залоговую форму, считает М. В. Ямбулатова, образуют как переходные, так и непереходные глаголы. В залоговые системы каждого языка обычно входит морфологически исходная форма активного (или действительного, основного) залога. В данном случае субъект действия, например, в русском языке, выступает в именительном падеже и занимает позицию подлежащего, а объект действия выступает в винительном падеже и занимает позицию прямого дополнения. Выделяются также морфологически производные формы залога: например, пассивный (страдательный) залог. В данной конструкции субъект действия выступает в творительном падеже и занимает позицию агентивного дополнения, а объект действия выступает в именительном падеже и занимает позицию подлежащего. Выводы М. В. Ямбулатовой об активе и пассиве марийского языка убедительны. Они не вызывают сомнений и возражений.

М. В. Ямбулатова в марийском языке исследовала и другие морфологически производные формы залога.

Возвратный залог (рефлексив) указывает на то, что действие направлено на само действующее лицо, которое является одновременно и субъектом, и объектом этого действия.

Взаимный залог (реципрок) обозначает действие, совершаемое двумя или несколькими субъектами по отношению друг к другу.

Понудительный (побудительный) залог (каузатив) указывает, что действие наряду с реальным субъектом имеет и так называемый каузирующий субъект. Этот залог встречается в финно-угорских и тюркских языках.

Средний залог (медий) указывает на то, что действие исходит от субъекта и замыкается в нем.

Как мы видим, М. В. Ямбулатова в своей диссертации принципиально по-новому осветила проблему категории залога. В марийском языке она выделяет 15 диатез, из них 11 — маркированных и 4 немаркированные. На грамматическом уровне диатезы получают свое морфологическое и синтаксическое оформление, образуя систему, состоящую из 6 залогов: актив, пассив, рефлексив, реципрок, каузатив, медий. Все залоги доказаны очень убедительными языковыми фактами. Это новое понимание категории залога в марийском языке. В научной грамматике марийского языка речь идет о трех залогах: действительном, возвратном, понудительном. Новая концепция о залогах марийского языка изложена на современном научно-теоретическом уровне. Сформулировать новое видение анализируемой проблемы диссертанту помогло и то, что она глубо-

ко и всесторонне исследовала категорию залога не только в русском, но и во многих других языках, в частности в финно-угорских, тюркских, изучила многочисленные работы отечественных и зарубежных филологов.

Новое понимание марийского залога, изложенное М. В. Ямбулатовой, имеет большую научно-теоретическую и практическую значимость. Выводы диссертации могут быть использованы в научной грамматике, в вузовском и школьном преподавании марийского языка.

Геннадий Тужаров
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Рец.: Budapesti Finnugor Füzetek. Будапешт, 1—4.: 1996, 5.: 1997.

Кафедра финно-угроведения Будапештского университета им. Лоранда Этвеша и Финно-угорский фонд «Нуми-Торем» основали новую серию на венгерском языке под названием «Budapesti Finnugor Füzetek» (Будапештские финно-угорские тетради, далее: BFF). Из этой серии в 1996 году издали четыре выпуска. Первые три выпуска содержат по одной статье, в четвертом опубликован ряд статей. Пятым (до сих пор последним) выпуском является учебное пособие эстонского языка. Ответственными редакторами серии являются Петер Домокош и Ласло Клима, технический редактор — Тамаш Янурик.

Первый выпуск, имеющий 28 страниц, содержит очерк Е. А. Хелимского «A szamojéd népek vázlatos története» (Очерк истории самодийских народов). Эту статью можно также прочитать и в русском, и в венгерском сборниках, посвященных II Всемирному конгрессу финно-угорских народов (см. *Е. А. Хелимский.* Очерк истории самодийских народов // Финно-угорский мир. Будапешт — Москва, 1996 и *Jevgenyij Helimszkij.* A szamojéd népek vázlatos története // A finnugorok világa. Budapest-Moszkva, 1996). Данная статья отличается от вариантов в сборниках в первую очередь тем, что имеет и библиографию, и ссылки. Автор в ней пишет о совместной предыстории самодийцев, затем о предыстории отдельных самодийских народов. Потом следуют главы «Самодийские народы в составе России», «Саянские самодийцы в XVII — XX столетиях», «Селькупы», «Ненцы», «Энцы» и «Нганасаны».

Второй выпуск под заглавием «A cseremiszek múltja, jelene, jövője»,— объём также 28 страниц — является переводом брошюры Ксенофонта Санукова, изданной общественным объединением «Марий Ушем» в 1992-ом году в г. Йошкар-Оле «Марийцы: прошлое, настоящее, будущее». Перевод не содержит приложения оригинала, описывающего финно-угорские народы, но переводчик добавил к нему «Схематическую карту диалектов марийского языка», взятую из знаменитого многотомника «Основы финно-угорского языкознания» (М., 1976) и две таблицы, основывающиеся на данных брошюры «Марийцы (статистический сборник)», вышедшей также в Йошкар-Оле в 1992-ом году. Профессор Сануков в своем очерке рассматривает историю и культуру своего народа.

В третьем выпуске, содержащем 32 страницы, опубликована статья историка *И. А. Ефимова* «Mordvinok. A túlélés és az újjászületés útjai» (Мордва — пути переживания и возрождения). Автор этого очерка обращает внимание на явление национального нигилизма среди мордвы.

В 1996-ом году последним и самым объемным выпуском вышел сборник работ профессора П. Домокоша, специалиста по литературам уральских народов под заглавием «Négy tanulmány (három ráadással)» [(Четыре статьи (с тремя добавлениями)]. Этот выпуск содержит на 60-и страницах, кроме предисловия, следующие статьи: «Венгерские вкусы, венгерские блюда»; «Уралистические исследования в 1960—1990 гг.», «Национализм или сохранение быта?», «История литератур малочисленных финно-угорских народов», «Еще раз об эпосе угро-финнов», «Распространение дилетантизма в Венгрии в наши дни» и «Первобытное устно-поэтическое творчество венгров (около 2000 до н. э. — 1000 н. э.)».

Пятый выпуск — учебное пособие Т. Янурика «Az észt nyelv alapjai» (Основы эстонского языка) — вышел в 1997-ом году. В труде технического редактора серии, специалиста по самодийским языкам, можно прочитать тексты на эстонском языке, эстонско-венгерский словник, краткое описание грамматики эстонского языка, таблицу этимологических соответствий венгерских и эстонских слов, а также краткий список литературы. Объем этого выпуска — 32 страницы. В ближайшее время должно выйти в свет учебное пособие этого же автора «Основы селькупского языка». Также планируется издание целого ряда трудов: Л. Хонти — о проблемах угорского языка-основы, К. Надь — о творчестве мансийского поэта Ю. Шесталова и К. Редеи — о псевдонаучных публикациях.

О целой серии можно высказать то же самое, что Габор Заиц писал в своей рецензии в 12-ом номере вестника Общества им. Регули «A Reguly Társaság Értesitője» (1996 г.): «Budapesti Finnugor Füzetek компенсирует отсутствие такого рода издания. Мы от всего сердца поздравляем и для нас интересную серию, имеющую идеальный формат и оформление, которая из-за своего объема является привлекательной и для студентов».

В первом выпуске в предисловии можно прочитать следующее: «Кафедра финно-угроведения университета им. Лоранда Этвеша давно старается издать свою научную серию, подобную издаваемым отечественными и зарубежными кафедрами и научно-исследовательскими институтами финно-угроведения». Следует отметить, что данной кафедрой и уже не существующим отделением финно-угорского языкознания Венгерской Академии наук при этом же университете с 1983 года издается финно-угроведческая научная серия под названием «Uralisztikai Tanulmányok». В 1996-ом году вышел ее 7-ой выпуск, посвященный 60-летнему юбилею профессора П. Домокоша, одного из двух ответственных редакторов рецензируемой серии. На этой же кафедре выходит с 1990 года под редакцией

Э. Сий серия «Bibliotheca Regulyana». С другой стороны, возникает вопрос, почему рецензируемая серия называется научным изданием. Читатель, прочитав только заглавия и увидев скромный объем первых выпусков, колеблющихся между 28- и 60-ю страницами, сможет убедиться в том, что BFF не является научным изданием, а представляет собой учебное пособие или научно-популярную серию для широкого круга читателей. Слово «очерк», встречающееся в заглавии статьи Е. Хелимского, тоже указывает на то, что в серии BFF в первую очередь публикуются статьи с обзорной тематикой. Например, статья профессора К. Н. Санукова, которая первоначально вышла в качестве материала вышеуказанной политической организации, также является не научным, а популярным изданием — не говоря о статье П. Домокоша «Венгерские вкусы, венгерские блюда», которую автор ранее хотел поместить в одной поваренной книге для финнов в качестве предисловия (см. BFF № 4, с. 3). Следует также отметить, что, конечно, популярный характер данного издания не делает его менее ценным. Тем не менее в настоящее время надо было бы в Венгрии издать учёным много научно-популярной литературы по финно-угроведению, потому что на книжном рынке серьёзные книги вытесняются огромной массой несерьёзных изданий. Так как почти везде продаются книги, неквалифицированные авторы которых утверждают, что венгерский язык происходит то ли от шумерского, то ли от тюркских языков, издания о настоящем уральском происхождении венгерского языка в магазинах очень трудно найти. (На этом месте следует ссылаться на статью П. Домокоша «Распространение дилетантизма в Венгрии в наши дни», в которой обсуждается именно эта проблема).

В рамках этой рецензии у нас нет возможности более глубоко и подробно представить все вышеупомянутые статьи. Однако, рецензенту нельзя не указать на то, что при издании следующих «тетрадей» следует больше обратить внимание на правописание, так как в уже изданных «тетрадях» встречается разнобой в написании, а именно, многие географические названия России недостаточно верно и единообразно переданы на венгерском языке. Например, название Томской области в статье Е. Хелимского передается то как *Tomszki Terülét* (ошибочно с большой *T*, с. 8 и 16), то как *Tomszki Kerület* (ошибочно с большой *K*, с. 15) или как *Tomszki kerület* (ошибочно с маленькой *k*, с. 15); название Архангельской области как *Arhangelszki terület* (правильно с маленькой *t*, с. 12) или как *Arhangelszki Terület* (ошибочно с большой *T*, с. 23). Это потому важно, что в венгерском языке слово *kerület* обозначает 'район' (например, район города), а слово *terület* — 'территорию, область' (и данную административную единицу бывшей СССР), и здесь речь идет именно о двух таких областях РФ. В случае путаницы этих слов венгерский читатель, для которого административно-территориальное деление России все равно

неясно, точно не поймет, о какой административной единице в данном случае идет речь. Также неправильно переведено на венгерский язык в сборнике П. Домокоша название Содружества Независимых Государств (на стр. 27 вместо *Független Államok Közössége* — неправильное *Szuverén Államok Szövetsége*); на 36-ой стр. говорится об Orosz Köztársaság (подстрочно — о 'Русской республике') вместо Oroszországi Föderáció (значит — Российской Федерации).

Желательно еще в статье «Национализм или сохранение быта?» этого же выпуска уточнить две небольшие неточности. Здесь на 34 стр. говорится о карельском журнале *Carelia,* название которого почему-то пишется в фонетической форме *Karëlia.* Тут же пишется неверно, что удмуртский журнал *Молот* носит еще его старый титул (в конце статьи указан 1991 г.), когда на самом деле в это время он был уже переименован в *Кенеш.*

В целом можно сказать, что *Budapesti Finnugor Füzetek,* даже если не является научной серией в узком смысле, хорошо может служить ознакомлению с уральскими (финно-угорскими и самодийскими) народами, о которых в Венгрии кроме специалистов очень мало знают.

Силард Тот
Сегед (Венгрия)

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

Рец.: ALPO JUNTUNEN. Valta ja rautatiet. Luoteis-Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijät 1890-luvulta 2. maailmansotaan. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura 1997. 217 s. / Алпо Юнтунен. Власть и железные дороги. Основные принципы железнодорожного строительства на северо-западе России (с 1890-х гг. до II мировой войны). Хельсинки: Финляндское историческое общество, 1997. 217 с.

Относительная доступность архивов России привлекла внимание как российских, так и зарубежных ученых к исследованию тем, бывших в советское время полностью или частично под запретом. Алпо Юнтунен, родившийся в 1944 г. в Кайну близ русской границы, касался тем России и раньше. Осенью 1993 г. он приступил к изучению проблем национальной государственности Карелии и Коми, что привело его тогда к рассмотрению малоисследованной проблемы движения и дорожной сети. Хронологические рамки исследования — приблизительно 50-летний период, охватывающий как царское, так и советское время.

По мнению автора, франко-прусская война 1870—1871 гг. показала крайнюю важность железнодорожного транспорта при ведении военных действий. Ввиду этого Россию и заинтересовало включение портов Северного Ледовитого океана в сеть железных дорог. Также и Финляндия, политически связанная в то время с Россией, начала планировать выход на незамерзающий Мурманский берег из Оулу в Печенгу или в Порт Владимир. Поскольку Россия осознавала стремление финнов к национальной независимости, то ее интересовало, чтобы железные дороги проходили по российским губерниям. В 1896 г. была построена железнодорожная линия Пермь-Вятка-Котлас и в 1898 г. Вологда-Архангельск. Поскольку Белое море, на берегу которого расположен Архангельск,— долговременные северные ворота, замерзает зимой на несколько месяцев, то курс был взят на незамерзающий Мурманский берег на Баренцевом море. Вновь предпочтение было отдано российским губерниям, хотя через территорию Великого княжества Финляндского путь в свободные воды был бы короче и дешевле.

Строительные работы с точки зрения автора ускорила начавшаяся в 1914 г. 1 мировая война, которая послужила и причиной появления

дешевой рабочей силы. В 1915 г. в карельские болота между Петрозаводском и Сорокой было направлено около 10200 пленных — чехов, словаков, венгров и немцев. В следующем году из Маньчжурии доставили еще 10000 китайских рабочих. На строительных работах использовали также турецких военнопленных и граждан самой России — это были русские, украинцы, киргизы (казахи), финны, татары и кавказцы. Всего к работам было привлечено около 138000 человек, из них 80000 из Европейской России и 7000 из Финляндии. Самой эффективной была деятельность финнов, которые отличались при выполнении каменоломных работ (с. 55—56). В результате 20-месячной изнурительной работы было построено 987 верст (1046 км) железной дороги, которая соединила между собой отрезки Петрозаводск-Сорока (356 верст), Сорока-Кандалакша (371 верста) и Кандалакша-Мурманский берег (260 верст). Железнодорожная линия была открыта для движения 30 ноября 1916 г. 21 сентября 1916 г. был заложен краеугольный камень ее конечной точки — города Романов-на-Мурмане, который уже в следующем году стали называть Мурманском. 2 февраля 1917 г. там был создан военный опорный пункт (с. 58).

В Финляндии железнодорожная сеть, как отмечает автор, была значительно более густой и в лучшем состоянии, чем в российских губерниях. После постройки Мурманской железной дороги финны лелеяли надежду также использовать ее в своих интересах. С целью увеличения своего влияния в Русской Карелии они намечали продолжение финских линий до новой железной дороги в Кондопоге, Певенце, Сороке, Керети и Кандалакше. Таким путем можно было бы легко достичь Мурманского берега, где в 1909 г. финны составляли 41,9%, норвежцы 17,4% и русские 27,1% населения (с. 85—87). Опираясь на право наций на самоопределение, финны надеялись, что Восточная Карелия и Кольская Лапландия присоединятся к Финляндии, и планировали дальнейшие железнодорожные линии через территории коренного населения России (с. 89—95). Однако у большевистской России были свои планы, в которых при строительстве железных дорог совершенно не учитывали этнический состав населения. Ленин считал при строительстве железных дорог самым важным распространение большевизма (с. 103). С другой стороны, обнаружилось стремление к проведению железнодорожных линий к залежам полезных ископаемых, важным с военной и экономической точки зрения. Финский геолог Вильгельм Рамзай, отличившийся при начавшемся в 1800-х годах исследовании Кольского полуострова, открыл там обширные запасы нефелина-сюенита. Поначалу с Рамзаем тесно сотрудничал русский геохимик (в действительности немец российского происхождения) Александр Ферсман. В Коми и в иных местах восточной части Северной России исследовательскими работами руководил проф. А. Чернов (с. 107—108).

На основании мирного договора, заключенного в Тарту в 1920 г.,

Восточная Карелия осталась за Россией, где была основана Карельская трудовая коммуна, во главе которой стояли финские красные эмигранты, следовавшие традициям скандинавско-финского местного управления. Предложения Эдварда Гюллинга по развитию сети железных и шоссейных дорог Карелии сразу столкнулись с русским традиционным центральным администрированием. Его предложения были оставлены без внимания, потому что Россия была заинтересована прежде всего в дорогах, имеющих военно-стратегическое значение. Таким образом, и Мурманская железная дорога была отлучена от карельской администрации и подчинена самостоятельному железнодорожному комбинату, которому принадлежали 1468000 га в Карелии и 1750000 га в районе Мурманска (с. 120). В 1930 г. комбинат был все же разделен и подчинен нескольким общегосударственным ведомствам (с. 124).

Русская революция дала народу коми надежду на формирование своей национальной государственности. Коми-зыряне и коми-пермяки стремились к соединению в единую автономную республику. Для этого хотели построить дороги и получить леса в пользование коренного населения. Но с последним предложением центральная власть не согласилась (с. 132). Автономную область Коми (где проживали коми-зыряне) стремились склонить к сфере влияния Архангельска и ее отделили от Северного Ледовитого океана полосой земли, подчиненной Архангельской области. В Коми же начали создавать сеть тюремных лагерей. Труд заключенных и ссыльных широко использовался при строительстве железнодорожных линий, имеющих стратегическое значение.

В исследовании более детально рассматривается политика организации движения и перевозок в условиях централизованного командного хозяйства в Северной России. Большое внимание обращалось на усиление Ленинградского военного округа и на тотальный контроль за территориями, граничащими с Финляндией. Под руководством немца российского происхождения Отто Шмидта были начаты исследовательские работы по планированию военных опорных пунктов и портов на побережье Северного Ледовитого океана. Вдоль Мурманской железной дороги строились электростанции, а в 1935 г. был электрифицирован железнодорожный участок между Мурманском и Хибинами. В 1936 г. в Харькове спроектировали железнодорожную линию Котлас-Воркута (1 191 км, из них 87% на территории Коми). Работы, начатые в 1938 г., Сталин взял в 1940 г. под личный контроль. Практическими вопросами все же занимался народный комиссар Каганович. В 1941 г. помимо заключенных и ссыльных на стройках было занято еще около 30 000 рабочих. Их «душу и ядро» составляли 732 старых коммуниста и 2600 комсомольцев. Первый поезд прибыл в Воркуту 28 декабря 1941 г., но окончательно строительство линии было завершено только в 1950 г.

В 1938 г. началось строительство стратегической линии (370 км) из Беломорска (бывш. Сорока) до Обозерска (с. 151). Одновременно приступили к строительству второй колеи между Беломорском и Мурманском (664 км). Планировались еще стратегически важные железнодорожные линии от Кеми на Белом море в Кестеньги (65), от Кеми через Шомбу до Ухту (Калевала) (178) и из Парандово через Ругозеро в Реболы (220). Из-за ведомственных противоречий эти линии однако остались в то время все же непостроенными (с. 153).

Строительство Воркутинской железной дороги было ускорено II мировой войной. В 1942 г. там работало 125000 каторжников. Вообще в то время в Республике Коми было около 300000 каторжников. Туда были высланы также 17 492 «кулака» и 18872 «националиста» (с. 155).

В исследовании рассмотрено отношение зарубежных государств к развитию перевозок в Советском Союзе (с. 162—182). Самый большой интерес к этому проявляла Финляндия, которая боялась интервенции восточного соседа. Частично из-за страха перед большим соседом у финнов осталась непостроенной железнодорожная линия в Печенгу. Вместо нее была построена шоссейная дорога. Совершенно равнодушной к начинаниям России оставалась Норвегия, не имевшая с этим государством общей границы. В Великобритании плохо знали внутренние проблемы Советского Союза, но ввиду опасения нападения Германии были заинтересованы в незамерзающем Мурманском береге России. Германия в то время интереса к Северной России не проявляла.

В заключение автор еще раз сравнивает состояние дорог в Северо-Западной России и Финляндии и находит, что железнодорожные линии в Финской Карелии обслуживали местное население значительно лучше, чем в Русской Карелии, не говоря о Коми. При закладке дорог в России в первую очередь учитывали общегосударственные, военные и стратегические интересы. Дороги использовались при колонизации малозаселенных территорий населением, говорившим по-русски.

Отмечая несомненные достоинства данной книги, нельзя не сделать и некоторые замечания. Территорию, простирающуюся до Уральского хребта и являющуюся объектом исследования автора, все же правильнее назвать Северной Россией, а не Северо-Западной Россией. В работе в общем использованы укоренившиеся в финском языке топонимы, однако местами встречаются и русские топонимы (например, Syväri и Свирь, Ääninen, Äänisjärvi и Онега). Русское слово «район» не всегда соответствует финскому *piiri*; в отношении более крупных единиц это и *alue* (с. 132). Образованный в 1930 г. Ханты-Мансийский национальный округ располагается не к северу от Коми, на выделенной Архангельской области территории (там был образован Ненецкий национальный округ), а на востоке, в Зауралье (с. 133).

В качестве иллюстративного материала в работе Алпо Юнтунена помещены множество фотографий из архивов России и четыре карты. Знание русского языка способствовало написанию автором книги, которая может быть интересной и для коренных финно-угорских народов Северной России. К работе приложены список источников и литературы (с. 186—198), резюме на английском языке «Power and the railway» (с. 199—207) и регистр личных имен (с. 208—210). На отдельной странице приведено краткое резюме на русском языке с полным названием исследования.

Отт Курс
Тарту

«Финно-угроведение», 1997, № 4.

ХРОНИКА

СОДРУЖЕСТВО НАРОДОВ — СОЗВЕЗДИЕ ПЕСЕН
(к итогам VI Международного фестиваля фольклорной культуры финно-угорских народов)

«Фольклор, будь то народные песни или танцы, или народная музыка, является неписаной историей народа. Эта напеваемая и танцуемая история обычно более точна, чем вписанная в книги.

Народная песня учит нас дружескому сожительству человека и природы. Народная песня помнит, как сживаться с дружественными и с привередливыми соседями. Нам и поныне есть чему поучиться у фольклора, а задатком является наше умение слушать народную песню, понимать эти точно выбранные слова на родном языке, слова, которые в течение веков являлись кладезем душевной чистоты и жизненной мудрости финно-угорских народов»,— так образно сказал в своем обращении к участникам и гостям VI Международного фестиваля фольклорной культуры финно-угорских народов, проходившего летом 1997 года на эстонской земле, президент Эстонии Леннарт Мери.

Праздники народной песни финно-угорских народов, зародившиеся летом 1990 года в Йошкар-Оле, стали, по сути, главным культурным событием года в финно-угорском мире. Они обрели замечательные традиции, опыт, обогатились старанием и умением талантливых организаторов.

Предыдущие пять фестивалей состоялись в финно-угорских регионах Российской Федерации, шестой форум по просьбе правления Фонда развития культур финно-угорских народов согласилась провести Эстонская Республика. Патроном фестиваля стал президент государства Леннарт Мери, организатором мероприятий праздника был целевой фонд «Финно-Угрия» (председатель Кайдо Кама, генеральный директор Яак Прозес).

Эстония, безусловно, имеет значительный опыт подготовки и проведения крупных и малых культурных акций; без суеты, с искренней доброжелательностью хозяева встретили и дали возможность почти 300 певцам, танцорам, музыкантам из 9 регионов Российской Федерации, Финляндии и Венгрии показать фольклорное богатство своих народов.

Фестиваль по заведенной традиции был организован как передвижной праздник. Он открылся 17 июля красочным шествием по центральным улицам Тарту и праздничным концертом на Ратушной площади и

сцене прославленного театра «Ванемуйне» и завершился 20 июля гала-представлением в г. Раквере.

Основная программа фестиваля проходила в уездах Эстонии. Тарту был выбран центром праздника неслучайно, здесь еще в прошлом веке прошел первый всеэстонский певческий праздник, в этом городе находится один из известнейших университетов Европы, ставший колыбелью эстонской национальной идеи.

Прошедший праздник народной песни еще раз показал, в чем же состоит наше этническое сходство и различие. Живя в соседстве с большими и малыми народами, наши родственные народы ощутили влияние их культур, языков. Часть народов (коми, вепсы, мордва, кольские саамы) вобрали больше элементов культур соседей, другие — меньше. Но тем не менее финно-угорский мир сохранил подлинную народную песню, танец, мелодию, и они напоминают нам об общих корнях, о периоде жизни на общей территории, когда прообразом денег были беличьи шкуры.

По примеру российских организаторов фольклорных фестивалей, пригласивших исполнителей из территорий проживания своих диаспор, эстонцы принимали многих соплеменников, большими группами проживающих в Финляндии, Швеции, Канаде, США и других странах.

Многие участники фестиваля впервые побывали в Эстонии после обретения ею государственной самостоятельности и воочию увидели перемены в хозяйственной, социальной жизни молодой страны. Демократические перемены и экономические реформы в Эстонии создали платформу для построения правового, гражданского общества и стабильно развивающегося народного хозяйства.

Организаторы фестиваля предоставили каждой группе гостей возможность познакомиться с культурной жизнью уездов, памятниками истории эстонского народа, посетить хутора, церкви. Запомнились дружеские вечера, во время которых устанавливались дружеские контакты, связи, намечались планы сотрудничества.

Эстонская пресса очень внимательно следила за культурными событиями фестиваля, публикации, телерепортажи были полны доброжелательных оценок, уважения к искусству родственных народов.

В рамках фестиваля прошли встречи официальных лиц, прибывших во главе делегаций, с руководителями министерства культуры Эстонии, участники которых были едины в том, что сотрудничество финно-угорских народов стало заметным фактором в общественной жизни России, Финляндии, Эстонии, Венгрии, и оно имеет надежную перспективу.

На состоявшемся в те же дни заседании актива Фонда развития культур финно-угорских народов принято решение обратиться с просьбой к Правительству Удмуртии о проведении очередного VII Международного фестиваля фольклорной культуры финно-угорских народов летом 1998 года в Ижевске.

Василий Яналов
Йошкар-Ола

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ» В 1997 ГОДУ

В. Абдулаев, Ю. Зеленеев, Т. Никитина. Полнотекстовая база данных по археологии финно-угров Поволжья и Приуралья. 4

Л. Абукаева. Из истории сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры в марийском языке. 3

Г. Айплатов, А. Иванов. Профессор Клавдия Ивановна Козлова (к 75-летию со дня рождения). 4

А. Алашеева. Юбилей А. Ф. Шутова. 3

А. Алхониеми. Особенности употребления инессива в марийском языке. 2

Ю. Андуганов. Причины сохранения прауральского облика в синтаксисе марийского и удмуртского языков. 2

Ю. Андуганов. Рец.: М. Г. Атаманов. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов // Научный доклад, представленный на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1996. 58 с. 4

Л. Арсланов. Следы пребывания марийцев в восточном Закамье. 1

Л. Барцева. К вопросу о становлении устойчивых сочетаний на метонимической основе в марийском языке. 2

Г. Берецки. Некоторые проблемы перевода литературных произведений финно-угорских народов. 1

В. Быконя. Становление собирательных числительных в диалектах селькупского языка. 2

В. Ванюшев. К. И. Куликову — 60 лет. 4

Виктор Андреевич Балашов (01.01.1937—29.07.1997). 3

И. Галкин. Из истории некоторых марийских слов. 2

И. Галкин. Об угорских элементах в топонимии Республики Марий Эл. 4

М. Гришкина, Н. Павлов. Рец.: М. Г. Атаманов. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997. 248 с. 4

И. Жеребцов. Рец.: Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабаев Ю. П. Современные коми. Екатеринбург, 1996. 3

Е. Игушев. Рец.: Ракин А. Антропотоминимическая лексика в

пермских языках. Сыктывкар. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. 1966, 156 с. 2

И. Иванов. Некоторые проблемы формирования и функционирования марийского литературного языка. 3

Э. Истомина, Н. Кокорина, С. Кузьминых. Рец.: Н. Н. Агафонова, А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова. Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века (учебное пособие). Пермь: Книжный мир, 1996. 176 с., илл. 1

В. Кельмаков. Рец.: Г. И. Ермушкин. Развитие фонетической системы диалектов эрзя-мордовского языка. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук /РАН. Институт языкознания. М., 1997, 53 с. 3

А. Ким. К реконструкции значения «душа» в прауральском языке. 2

Т. Кубанцев. К 80-летию со дня рождения Н. И. Черапкина. 3

В. Кудрявцев, К. Сануков. Марийский художник Константин Егоров (к 100-летию со дня рождения). 3

А. Куклин. Системность и несистемность в топонимии волжско-финских языков. 1

А. Куклин, О. Сергеев. Международная научная конференция «Структура и развитие волжско-финских языков». 1

А. Куклин. Рец.: А. Н. Келина. Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саранск, 1996. 3

О. Курс. Коренные национальные меньшинства в Финляндии. 1

О. Курс. Рец.: Hill Kulu. Eestlaste tagasiränne 1940—1989. Lääne-Siberist pärit eestlaste näitel. Summary: Estonian Return Migration 1940—1989. A Case of West-Siberian Estonians / Publicationes Instituti Geographici Universitatis Helsingiensis C 9/ Helsinki 1997. 278 c. / Хилл Кулу. Ремиграция эстонцев в 1940—1989 годах. На примере эстонцев, происходящих из Западной Сибири/. 3

О. Курс. Рец.: Alpo Juntunen. Valta ja rautatiet. Luoteis — Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijät 1890-luvulta 2. maailmansotaan. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura. 1997. 217 s. // Алпо Юнтунен. Власть и железные дороги. Основные принципы железнодорожного строительства на северо-западе России (с 1890-х гг. до 2 мировой войны). Хельсинки: Финляндское историческое общество. 1997. 217 с. 4

Г. Лаврентьев. Рец.: Л. А. Абукаева. Принципы классификации и история сложноподчиненных предложений в марийском языке: сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Йошкар-Ола, 1997. 3

Э. Лебедева. Структурная характеристика марийских пословиц и поговорок (сложное предложение). 1

О. Левенштейн. Рец.: Ласло В. Молнар. Русско-венгерские культурные связи (1750—1815 гг.) Йошкар-Ола: Стезя, 1994. 194 с. 1

О. Левенштейн. Памяти Вольфганга Феенкера. 1

И. Лехтинен. Финские исследователи о марийцах и марийском крае. 2

А. Липатов. Этимология древнемарийского теонима *vadaš и сравнительно-типологические и семантические параллели его с праславянским *ubogъ. 4

В. Максимов. История изучения управления в марийском языке. 2

С. Максимов. Рец.: V. Kel'makov, S. Saarinen. Udmurtin murteet / Turun yliopiston suomalaisen ja ykeisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47 // Удмурт кун университет. Огья но финн-угор кылтодонъя кафедра. «Удмурт вераськетъёс» 2/ Turku-Iževsk, 1994. 368 s. 3

Н. Мокшин. Рец.: Тойдыбекова Лидия. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоенсуу, 1997. 397 с. 4

Н. Мокшин, Е. Мокшина. Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе. 3

Т. Молотова. Мероприятия в дни родственных финно-угорских народов в Хельсинки. 1

М. Мосин. Мордовское языкознание: современное состояние и перспективы развития. 1

М. Мосин. Рец.: Глухова Н. Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. Йошкар-Ола. 1996, 112 с. 1

Л. Москвина. Некоторые вопросы образования женщин-мари в конце XIX — начале XX вв. 1

С. Моськина. Морфонологические процессы в глагольном словообразовании в мокшанском языке. 3

В. Напольских. Рец.: Миннияхметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «этнография (этнология)». 1

С. Николаев. Мордовская семья по статистическим данным 1 половины XIX века (на примере Ардатовского и Краснослободского уездов). 4

Л. Никонова. Народная медицина мордвы (по полевым материалам 1996 года). 4

В. Перова. Типы лексических антонимов в марийском языке. 4

И. Плосков. О научной деятельности Г. Старцева (коми этнографа и фольклориста). 1

И. Плосков. О жизненном пути и творчестве коми поэта, переводчика XIX века П. Распутина. 2

И. Плосков. Ен в фольклоре и в некоторых литературных материалах коми. 3

А. Ракин. Спланхнонимическая лексика в пермских языках. 2
Е. Ромбандеева. Мансийские (вогульские) сказки и их особенности. 1
К. Руденко. Металлические котлы из финно-угорских археологических памятников Поволжья и Приуралья V—XIV вв. 2
С. Сааринен. Структура и развитие волжско-финских языков. 3
И. Садовин. Финно-угорская хроника культурной и научной жизни за 1996 год. 1
Сапуков. С. Г. Чавайн: трудные повороты судьбы (к 110-летию со дня рождения). 4
В. Седов. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация. 2
О. Сергеев. Рец.: О. Г. Назарова. Язык эрзя-мордовских памятников письменности XVIII в. (нижегородский цикл). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саранск. 1996. 253 с. 4
И. Тимиряева. Названия пояса и поясных принадлежностей в марийском языке (этимологические заметки). 3
Г. Тираспольский. Лингвистическая терминология И. А. Куратова. 2
С. Тот. Рец.: Budapesti Finnugor Füzetek. Budapest, 1—4: 1996, 5.: 1997. 4
Г. Тужаров. Имеет ли марийское *вес ийын* статус наречия? 1
Г. Тужаров. Рец.: М. В. Ямбулатова. Суффиксы с залоговым значением и проблема категории залога в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Йошкар-Ола, 1997. 186 с. 4
Е. Тулуз. Историческое значение переводческой работы в развитии финно-угорских литератур. 1
Е. Цыпанов. Рец.: Seppo Lallukka. Komipermjakit — perämaan kansa. Syrjätyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros / Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti. Helsinki, 1995. 198 s. 1
Н. Чешейко. Народная медицина сквозь призму карельских названий растений. 2
А. Шилов. О возможном происхождении этнонима *чудь.* 3
А. Шилов. К вопросу о дофинно-угорском субстрате в топонимии Карелии. 2
М. Федина. К вопросу о происхождении некоторых безличных оборотов в современном коми языке. 1
Т. Юлкина. Рец.: Глухова Н. Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. Йошкар-Ола. 1996, 112 с. 2
В. Яналов. Содружество народов — созвездие песен (к итогам VI Международного фестиваля фольклорной культуры финно-угорских народов). 4

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сануков Ксенофонт Никанорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета.

Николаев Сергей Дмитриевич — кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии и этнографии Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики.

Никонова Людмила Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики.

Липатов Александр Тихонович — доктор филологических наук, профессор Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской.

Абдулаев Вячеслав Ибрагимович — кандидат технических наук, начальник ИВЦ министерства здравоохранения Республики Марий Эл.

Зеленеев Юрий Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Никитина Татьяна Багишевна — кандидат исторических наук, заместитель директора Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В. М. Васильева.

Перова Вера Евстафьевна — преподаватель школы-гимназии № 1 (г. Козьмодемьянск), аспирантка кафедры финно-угорского языкознания Марийского государственного университета.

Галкин Иван Степанович — доктор филологических наук, профессор, почетный профессор Марийского государственного университета.

Ванюшев Василий Михайлович — доктор филологических наук, заместитель директора Удмуртского НИИ языка, литературы и истории УрО РАН.

Айплатов Геннадий Николаевич — кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета.

Иванов Ананий Герасимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета.

Мокшин Николай Федорович — доктор исторических наук, профессор,

заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва.

Сергеев Олег Арсентьевич — кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана историко-филологического факультета Марийского государственного университета.

Андуганов Юрий Владимирович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Марийского государственного университета.

Гришкина Маргарита Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ истории и культуры Урала при Удмуртском государственном университете.

Тужаров Геннадий Матвеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской.

Курс Отт — профессор Института географии Тартуского университета.

Тот Силард — преподаватель Сегедского университета (Венгрия).

Яналов Василий Георгиевич — заместитель министра культуры и по делам национальностей Республики Марий Эл.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Журнал «Финно-угроведение» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, критические статьи и рецензии на новые книги по циклу гуманитарных наук, изучающих финно-угорские этносы.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать 18—20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела «Сообщения» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статья должна быть напечатана на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть написаны в тексте от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы надо подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстрации в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций.

Следует максимально сокращать пояснения на рисунках, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов, пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу и картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» или «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюст-

рации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

5. Таблицы, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Текст заголовков в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в заголовке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены заголовка при переходе на следующую строку).

6. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2,...

7. Пронумерованный список используемой литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1.—84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания, для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, ТОДРЛ, ИСОАН), фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск), для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номер описи, дела). Источником библиографического описания является титульный лист издания.

В тексте и в скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима (5, с. 80).

В тексте и в списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

8. Ссылки на оригинальные работы древних авторов даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

9. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо а) при употреблении названий, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа, б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

10. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

11. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные после указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

12. Книги, журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

CONTENTS

ARTICLES

Y. Sanukov. S. G. Chavayn: Difficult destiny changes (to the 110 th anniversary). 3
S. Nikolaev. Mordvinian family according to statistic data of the first half of the XIX th century (on the example of Ardatovsky and Krasnoslobodskoy districts). 40
L. Nikonova. Folk medicine of Mordvinians of Samara region (Based on field materials 1996). 57
A. Lipatov. Etymology of ancient Mari theonym **vadaś* and comparative-typological and semantic parallels with its Proto-Slavic **ubogъ* 68

REPORTS

V. Abdulaev, Y. Zeleneev, T. Nikitina. Full-textual data base on archaeology of Finno-Ugric people of Volga and Ural regions. 81
V. Perova. Types of lexical antonyms in the Mari language. 88
I. Galkin. About Ugric elements in toponymy of the Republic of Mari El. 94

PERSONS

G. Ayplatov, A. Ivanov. Professor Klavdia Ivanovna Kozlova (to the 75 th anniversary). 96
V. Vanyushev. K. I. Kulikov is 60. 101

REVIEW AND RECENSIONS

N. Mokshin. Rev.: Toydybekova Lidia. Mari pagan faith and ethnic consciousness. Joensuu, 1997. 397 p. 108
O. Sergeev. Rev.: O. G. Nazarova. Language of Erzya - Mordvinian literary monuments of the XVIII th century (cycle of Nizhny Novgorod) // Thesis submited for Degree of Kandidate of Philology. Saransk, 1996. 253 p. 112
Y. Anduganov. Rev.: M. G. Atamanov. Toponymical layers of region between Kama and Volga in context of formation of Udmurt ethnic territory // Scientific report submited for Degree of Dr. Of Philology. Yoshkar - Ola, 1996. 58 p. 119
M. Grishkina, N. Pavlov. Rev.: M. G. Atamanov. History of Udmurt Republic in geographical names. Izhevsk, 1997. 248 p. 125
G. Tuzharov. Rev.: M. V. Yambulatova. Suffixes with voice meaning and problem of voice category in Mari // Thesis submited for Degree of Kandidate of Philology. Yoshkar - Ola, 1997. 186 p. 129
S. Tot. Rev.: Budapesti Finnugor Füzetek. Budapest, 1 - 4: 1996, 5.: 1997. 133
O. Kurs. Rev.: Alpo Juntunen. Valta ja rautatiet. Luoteis - Venäjän rautateiden rakentamista keskeisesti ohjanneet tekijät 1890 - luvulta 2. Maailmansotaan. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura 1997. 217 s. // Alpo Juntunen. Authorities and Railroads. Basic principles of railroad building in the north - west of Russia (from 1890 till the World War II). Helsinki: Finland Historical Society. 1997. 217 p. 137

CHRONICLE

V. Yanulov. Concord of nations is like constellation of songs (Results of the VI International Festival of Finno - Ugric Folk Culture). 142

Contents of «Finno - Ugric Study» 1997. 144
Information about authors. 148

«Финно-угроведение», 1997, № 4
Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, д. 44.
Телефон: 55-37-34

Редактор *Т. А. Товашова*
Обложка художника *Ю. П. Клюкина*
Английский текст *Ж. М. Сабанцевой*

Журнал набран и сверстан
издательским центром МПИК

Сдано в набор 5.02.98. Подписано в печать 7.04.98. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,5. Заказ 83. Тираж 500 экз.

Марийский полиграфическо-издательский комбинат
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Вниманию читателей!

Уточняем,
что Международный симпозиум
«Финно-угорский мир и XXI век»
состоится 19-21 ноября 1998 года.
Заявки и сведения об участнике
направлять до 15 июня, а тезисы
(до 2-х машинописных страниц) —
до 1 сентября 1998 года по адресу:
424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, д. 4[А].
Научный центр финно-угроведения.